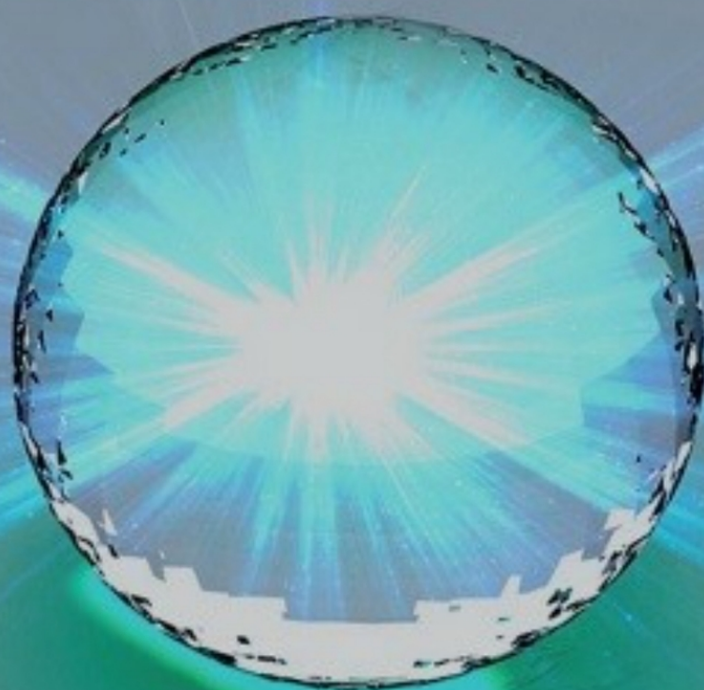

Ариадна Юнн

А КАПЕЛЛА

18+

Ариадна Юнн
А КАПЕЛЛА

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Юнн А.

А КАПЕЛЛА / А. Юнн — «ЛитРес: Самиздат», 2018

ISBN 978-5-532-06797-4

Пронзительный, ошеломляющий многогранностью и неоднозначностью событий, увлекательный психологический триллер с захватывающим динамичным сюжетом - смело и откровенно обнажает противоречивые чувства и поступки героев эмоционально не отпуская до самых последних строчек повествования, заставляя сопереживать участникам истории, которые в каждое из ее мгновений, балансируя между прошлым и настоящим, делают свой нелегкий выбор. Искренность. Правдивость. Драматизм. Не хрестоматийность сюжета. Отсутствие навязывания догм и неожиданная развязка делает сюжет абсолютно эксклюзивным.

ISBN 978-5-532-06797-4

© Юнн А., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Моей дочери посвящается...

Умей прощать.

И никогда не сдавайся...

В действительности всё совсем иначе, чем на самом деле...

Антуан де Сент-Экзюпери

...Однажды мы все делаем выбор.

Мы выбираем путь для своего сердца.

Мы выбираем ту единственную путеводную звезду, которая будет освещать нам нашу дорогу к счастью.

В юности всё просто – твои решения бесхитростны и быстры.

Ты бескомпромиссен.

Ты не задумываясь отмечаешь всё, что мешает твоему движению.

Ты следуешь за своей мечтой напролом – ты сам максимум.

Твоя уверенность в собственной правоте абсолютна... ведь звёзды в двадцать светят так ярко, что ослепляют...

...Да, мы все делаем выбор. Но лишь только потом понимаем, что самое трудное – это жить с ним...

Это был «стоп-кадр».

Его личный «стоп-кадр».

Лаконичный. Четкий. Отрезвляющий.

...И так внезапно наставший...

Словно кто-то вдруг взял и поставил ВСЁ на «паузу» ...

И застывшее вокруг пространство – такое неестественно яркое и объемное, ну точь-в-точь как если бы оно было соткано из бесчисленного множества разноцветных светящихся пикселей и являлось бы всего лишь бездушным цифровым изображением, – сбивало с толку, стирало границы, путало реальность с невозможностью... транслировало непонятно откуда идущий сигнал... который парализовывал... мешал... воскрешал давно забытые образы и не давал очнуться от такого невероятно странного видения, сменить эту явно ложную картинку, которая, безнадежно зависнув, давила, заставляя вспоминать, поражала своей дерзостью... рождала протест...

Но вопреки своему отчаянному нежеланию, тяжело дыша, со взмокшими взъерошенными волосами, он тоже, словно по чьей-то команде и совершенно неожиданно для себя самого, застыл без движения в абсолютнейшем ступоре, точно безвольная марионетка; точно мгновенно став всего лишь просто еще одной микроскопической частицей этой непонятно откуда возникшей совершенно невероятной фантастической проекции, так умело созданной бесстрастным множеством доселе абсолютно неизвестных ему числовых переменных, но однозначно кем-то так искусно отобранных из бесконечного числа всех потенциально возможных и тут же превративших его по умолчанию всегда и безусловно неприкасаемый ни для кого мир в череду странных альтернатив из уже решенных уравнений, полученные ответы на которые являли собой наглый вызов всему, что было для него важно и к чему он стремился, не оставляя ни единого шанса для возражений, вероломно захватив его сознание в свой плен... И, синхронно замерев вместе со всем тем, что его теперь окружало, он вынужденно послушно подчинился этому удивительно стройному потоку логарифмов, интегралов и цифр, застыв

посреди автобана... уже с готовыми ответами, спрограммированно плавно трансформирующимися в наблюдаемую им сейчас иллюзию с одной-единственной неизвестной... которая теперь царила повсюду, вернув его в исходную точку...

И это его личное уравнение, его эксклюзивный вариант, был так безошибочно, так изощренно просчитан, что он еле дышал, словно попал в вакуум, словно всё мгновенно сделалось неживым, и осталась лишь эта картинка – такая нереально четкая, что было даже больно глазам, которые хотелось зажмурить, но он не мог... И поэтому всё смотрел и смотрел, удивляясь могуществу представленного ему доказательства сбывшейся несправедливости...

...И еще ничто и никогда не потрясло его так, как то, что он сейчас видел...

Однозначно. Конкретно. До отупения.

И так бездумно брошенная им где-то уже далеко позади, да еще и поперек движения всей автостреды «ауди» уже начала создавать затор...

Но даже громкие, нетерпеливые гудки, мгновенно застрявших, по его милости, в этой нелепой пробке автомобилей, обычно так беспрепятственно несущихся друг за другом на этом участке трассы, – даже они не могли вывести его из оцепенения...

А ведь еще минуту назад он и сам преспокойно ехал по своим делам...

Как вдруг, не в силах совладать с собой от увиденного, он лихо ударил по тормозам и, быстро выскочив из машины, зачем-то рванул куда-то вперед, бегом – вдоль раздельной полосы... словно сойдя с ума... словно от этого «марш-броска» могло хоть что-то измениться...

Но он всё бежал и бежал... пока, наконец, обессилев, не остановился... И, негодуя сжав кулаки, теперь лишь просто смотрел увиденному вслед, всё еще не веря в случившееся... В то, что так бывает, что так могло быть, что так было...

А потом кто-то словно нажал на «стоп»... И всё замерло.

– ...Да что же это такое?! – летело со всех сторон.

– ...Безобразие!

– ...Это же надо – перекрыть всё движение!

– ...Да морду набить этому дебилу! И дело с концом! – Гул недовольства неумолимо нарастал.

А он так и продолжал стоять, словно в ожидании еще чего-то... Будто ему было мало того, что уже происходило... И должно было произойти что-то еще... И, в ожидании этого неизбежно грядущего «чего-то», он, остолбенев, был не в состоянии даже пошевелиться... Словно наступающее являло собой саму фатальность, которая наконец-то настигла его, остановив этот миг, чтобы он мог как можно лучше рассмотреть эту почти наставшую неизбежность.

Но ничто не длится вечно... Ведь время неподвластно никому, и оно, и только оно правит повсюду, управляя и властвуя судьбами, решая, кому и когда раскрыть свои тайны... замедляя и ускоряя бег, останавливая или отпуская в бесконечность...

И даже это мгновение, так безропотно застывшее теперь, точно как по всё тому же волшебству вдруг снова превратилось в непрерывное движение, легко нарушив стройность этой поразительной числовой последовательности, казалось бы, такой совершенной и нерушимой, и всё вокруг, стремительно закружившись, опять обрело вполне реальные цвета и очертания...

Машины... Светофоры... Тротуары... Дома...

И... она...

...Та самая.

Но уже взрослая.

Восточная девочка с зимним именем.

Нет!

Нет!! Нет!!!

...Нет!!!!

Этого просто не может быть!

Не может быть, потому что не может быть никогда!

Неправда! Неправда, и всё! Так не бывает!

Она должна была остаться там – в том прошлом, где он ее и оставил. Раствориться в потоке времени. Исчезнуть. И больше не появляться на его пути. Никогда.

А уж если и появится, то уж точно не так.

Кто она? Сказочная принцесса? И над ней одной не властны законы вселенной? И ей можно всё прощать?

Он-то думал, что будет отомщен, а она вот – живет себе...

Глупец!

«Нет, я всё равно не верю...»

...А как же кармические долги? Она ведь должна была ответить за всё, что сделала. Потому что это она виновата в том, что они расстались!

Она! И только она!

...Та, которая сейчас и совершенно невозмутимо, в сопровождении двух широкоплечих детей в строгих черных костюмах с цепкими взглядами телохранителей, зорко оглядывающих всё окружающее ее пространство, сиделась в шикарный «бентли» и была... ну просто обалденна...

Она...

Легкая, призрачная, невесомая, как дуновение ветра...

...Точно виденье...

...Окутанная тонкой вуалью небесно-голубого палантина, который, небрежно струясь вокруг нее, то целомудренно скрывал, то наоборот, легкомысленно подчеркивал расслабленную грациозность ее неспешных движений... Она вдруг исчезла. Так же неожиданно, как и возникла... И с ним вновь остались лишь привычный городской гул и продолжающие нестись со всех сторон в его адрес весьма колоритные проклятия... И он уже рисковал быть побитым... И нужно было как можно скорее сесть обратно за руль...

Но...

...Он растерянно огляделся – приступ «непонятно чего» прошел, и всё выглядело совершенно обычным...

И пыльная трасса... И ожидающие дела... И, по всей видимости, приличный штраф за нарушение ПДД – ведь отовсюду на него злобно смотрели видеокамеры, однозначно уверенные в том, что он, без малейшего преувеличения, просто обдолбавшийся псих...

И не удивительно...

...Случившееся видение заставляло даже его самого засомневаться в собственной адекватности... Не то что бездушную электронику...

Хотелось вразумительных объяснений... Но их не было...

Только одна тупая бесящая мысль: «Не может быть! По ходу, меня глючит... Жара...». Удушливый городской смог самодовольно царил повсюду – ведь город уже с раннего утра тонул в знойной дымке. Не потому ли ему и мерещилась всякая всячина?

«Бред какой-то... Как в прошлый раз – после солнечного удара...»

И действительно, было очень похоже. Как тогда, когда он однажды перегрелся на солнце. Но только гораздо убойнее...

И отчего-то опять нет обещанного метеосводкой дождя.

И небо снова одуряюще-синее... И солнце, стоящее уже почти неделю в зените, реально действовало на нервы, безжалостно нагревая своими обжигающими лучами деловито шумевший город, который, как обычно, самоотверженно и несмотря ни на что куда-то спешил...

...Это же Питер! Ему что минус сорок, что плюс... Всё по барабану! Главное – сделать дела!

Да, и у него самого была назначена важная встреча...

Но он завис.

Тотально. И так просто. В одно касание.

В его уже давно и абсолютно оцифрованном сознании с совершенно последовательным и логичным алгоритмом вдруг сбились все настройки.

Ее появление, точно хакерская атака – наглая, жесткая, бесцеремонная, – рушило вокруг себя всё... Не знало пощады.

И установленная им когда-то и казавшаяся такой надежной защита сейчас почему-то не сработала – видимо, была просто не в состоянии противостоять такой огромной лавине неконтролируемых эмоций, которые так неожиданно нахлынули на него.

Это было 100% обрушение. Он снова стал уязвим.

...Злость – вот что он чувствовал...

Злость, возведенную в превосходную степень...

Степень, числовое выражение которой – бесконечность...

Бесконечная злость.

До сих пор. Даже спустя столько лет... Сейчас... В эту самую минуту... смотря вслед так молниеносно растворившемуся в потоке машин ее «бентли», – его злость превращалась в бешенство.

Неукротимое... Испепеляющее всё вокруг себя... Мешающее... Неуправляемое.

Ведь говорят же, что время не лечит, а лишь расставляет всё по своим местам! Ну это же надо!

Это что – его место?!

И кому же теперь сказать за всё это «большое человеческое спасибо»?! За то, что он сейчас чувствовал?

Ничего себе! Хорошенькое дело!

«Господи боже мой! Как же так?!»

...А еще говорят, что ангелы существуют! И не просто существуют, а помогают – всегда и во всём...

И, он, как последний лох, так долго и так наивно верил в это! В какую-то там вселенскую справедливость! И что? Что он сейчас видел?

Немыслимо!

А если они существуют, то как они могли допустить такое?!

...Он поднял глаза к ядовито-синему небу: «Как меня всё достало!»

Хотя... Если честно... Если очень-очень честно... Только для себя... И никому не рассказывая...

Ведь всё его окружение, как и он сам, – абсолютные материалисты...

Засмеют ведь!

...Но, сам-то он отлично знал, что хранители ни единожды спасали его.

Как добросовестно и виртуозно эти бесстрашные стражи «зачищали» всё то, что он так бездумно и неосмотрительно умудрялся «накосячивать»? С завидной регулярностью...

Ведь исправлять такое под силу лишь только им – ни один смертный не обладает такой властью и возможностями...

Так что их присутствие рядом безусловно и очевидно.

...Но только, похоже, не в этот раз...

И злость внутри него уже просто бурлила...

«Нечестно!»

А эти «помощнички» ну словно сговорились! Даже и не подумали смягчить удар! Который, надо признать, был ниже пояса...

«И вообще, там, наверху, хоть кто-нибудь слышит меня?» Пустая трата нервов: солнце слепило глаза, а от вида глянцевого неба уже тошнило – ни облачка!

Но его ангелы, очевидно, продолжали преспокойно спать, умаявшись окончательно и мечтая лишь об одном – о тишине... И, положив руку на сердце, от такого перенапряга кто угодно сольется в неизвестном направлении... Всему есть разумные пределы.

Еще бы! Накануне вытаскивание его задницы из стольких передраг превзошло все мыслимые границы! И это за один только вечер!

Да, после вчерашней пати кто угодно не проснется! Всё было не просто «на уровне» – они с друзьями, вне всякого сомнения, превзошли сами себя! Но то, что они сотворили на этот раз, было как-то... размыто... нечеткие очертания лиц и имен... скандал или легкая перепалка... ничего конкретного – так, какие-то бессвязные обрывки... К чему вспоминать?

И сегодня он сам тоже бы дрых до самого позднего вечера, если бы не работа...

...Мечты, мечты...

...Пить надо было меньше!

Но посидели они с мужиками знатно и перебрали-то... «совсем чуток»... Хотя машину ему всё же пришлось оставить у бара...

...Отдельный респект тому, кто придумал такси!

Водила оказался пацаном «что надо» – домчал с ветерком и на волне шансона...

Но после он помнил лишь звук разрывающегося над ухом будильника.

В промежутке до... – провал...

После будильника – кофе и аспирин. И всё равно смертельно хотелось спать и мутило.

Две следующие чашки тоже не особенно помогли – раздражало всё.

К тому же он словно слышал раздающийся вокруг себя храп – потеряв всякий стыд, его ангелы спали! Беззаботные и счастливые! Похоже, что даже эти суперответственные небесные создания, разозлившись вчера на него окончательно, напились сами... да так, что... хоть из пушки пали!

Но когда он проснулся, на часах было всего лишь восемь...

...Сейчас – двенадцать! Прошло полдня, а эти бездельники бессовестно продолжали игнорить свои прямые обязанности!

Предатели! У него проблемы, а им хоть бы что! Просто какая-то повальная спячка! И это посреди рабочего дня!

Как же всё задолбало!

...Разъяренные водители, продолжая гудеть, теперь спешно объезжали его, покручивая пальцами у висков или продолжая грозить кулаками. Еще повезло – ведь время для всех самое ценное, и на дурацкие разборки со всякими психопатами типа него его просто нет...

Признаться, чувствовать себя недоумком ему еще не приходилось... Но, говорят, всё когда-то бывает впервые...

Злость внутри него просто клокотала – ни на кого нельзя надеяться!

Горячий воздух обжигал горло – страшно хотелось пить, а минералка осталась там, в машине... Всё было плохо и еще хуже...

...А его ангелы спали себе абсолютно беспробудным сном!

«Пьяницы!» Хотя... кто бы говорил!

И тем не менее совершенно бессмысленно продолжать уповать на помощь этих слабаков с крыльями...

...Уже всё случилось. И ничего не исправить.

Все маски сорваны.

Имена названы. Причем громко и вслух.

Осталось только одно – осознать.

А после – не сойти с ума.

А вот это уж как пойдет!

Но начало (а скорее продолжение) было многообещающим...

...Впрочем, как обычно...

Вот это скорость! Обалдеть! И ветер... такой холодный и колючий... прямо в лицо... точно тысячи игл вонзаются в тебя... а ты летишь...

Но этот спуск – он такой неровный... и упирается в огромный сугроб...

А вокруг – вечерний парк, сосны...

Темно...

Но одинокие фонари заставляют снег искриться, точно всё еще светит солнце...

А под ногами – зеркальная ледяная гладь, уносящая их вниз по ледяному склону...

И так здорово катиться по нему, прильнув друг к другу и держась за руки! Даже несмотря на то, что на их пути сплошные трамплины – попробуй удержишься на ногах! Не горка, а полоса препятствий!

Но он так крепко держит ее за талию, так уверенно прижимая к себе, что она доверчиво и ничего не боясь балансирует вместе с ним, едва удерживая равновесие...

Но ноги не слушаются... Слишком скользко... И, не удержавшись, но уже в самом конце ледяного пути они всё же падают... вместе... в этот большой искрящийся сугроб из хрустящих на морозе снежинок...

Ее меховая шапка летит в сторону, а волосы рассыпаются по пушистому мягкому снегу золотыми каштановыми прядями... И он слышит ее звонкий смех... упав почти поверх нее, он нависает над ней, замерев лишь на мгновение...

Им пятнадцать...

Они впервые так близко...

Впервые так пристально смотрят друг другу в глаза...

...А сверху тихо падает снег, будто благословляя...

Они оба родились и выросли в Питере...

Он – высоченный еврейский мальчик с черными как смоль волосами и огромными карими глазами...

И она – миниатюрная, слегка восточная девочка с внимательным изумрудным взглядом и упругой волной шикарных золотисто-каштановых волос, собранных в пышную косу...

А еще они учились в одном классе. И никогда не ладили.

«Ну и лох!» – «Выдра!» – всегда привычно и наперебой дразнили они друг друга. Потому что были слишком разными.

Ведь она – вся такая правильная, с удовольствием и очень ответственно занимающаяся общественной работой (комсомольские собрания, стенгазеты, походы), считала его чем-то вроде балласта: «Лоботряс!»

И не удивительно! Ведь по тем временам он – настоящий диссидент, демонстративно игнорирующий всю эту «коммунистическую дребедень».

«Как вообще можно верить во всю эту чушь?!»

Когда она – прилежно учившаяся, показывающая своими успехами пример отстающим, – видела, как он откровенно и вызывающе ленился, то даже не могла и представить себе, что на самом деле он фантастически умен.

И что, собственно, именно это и спасало его от перевода в вечернюю школу.

«Позор!» – без конца твердила ему классная.

А ведь он действительно с легкостью мог бы закончить десятилетку с золотой медалью. Вот только ему всё это было влом...

Такой вот мятежный звездный мальчик. Звездный бунтарь.

Звездный – потому, что будто сама судьба при рождении щедро осыпала его своими дарами. И ее главный бонус – интеллект с зашкаливающим IQ. Но почему-то с резко отрицательным вектором, типа «начало занятий в 9:00»... «Ну и что?»

Она же – напротив, дисциплинированная и пунктуальная, с ног до головы накрахмаленная, с белоснежными воротничками и манжетами... И, между прочим, тоже далеко не глупая... Рисование. Музыкалка. И мечта стать врачом...

Как по-вашему: могло ли у них быть что-нибудь общее?

?????

А вот и не угадали! И чудо всё-таки случилось...

...Однажды их имена закружились по школьным коридорам и классам, перекликаясь друг с другом звучно и не переставая...

Снежанна и Филипп... Филипп и Снежанна... Словно эхо...

Тогда обалдела вся школа, включая весь педсостав и директора.

Все видели, и никому не верилось.

Снежанна и Филипп?!

...Стояла зима...

Шли дни, но наставшая вскоре весна тоже ничего не изменила – факт так и остался фактом: да, это были они. Снежка и Филя.

Им было пятнадцать...

Сейчас ему тридцать семь. И они уже давно не вместе.

И зачем он вновь увидел то, о чём не хотел вспоминать? И как теперь быть? Как теперь ему жить дальше?

...Но ведь он как-то жил...

...Жил?

...Жил...

Чертовка! И такая упрямая... Когда-то сделавшая всё по-своему... Назло!

А сейчас? Какая она теперь?

Наверняка всё такая же стерва. И наверняка по-прежнему не похожая на всех тех, кого он знал, знает и еще будет знать много и много раз...

И всё равно, как обычно, назло именно ему, так и останется единственной...

Проклятье!

Филипп снова чувствовал себя двадцатилетним мальчишкой, который так и не смог понять, почему Снежка выбрала не его, ведь она же его так любила! Он это знал точно. Так же, как то, что земля – круглая, а дважды два – четыре...

Даже если бы причиной этому был бы другой мужчина, ему было бы не так обидно! Этому хотя бы было объяснение!

Так нет же! Взять и поставить под удар их будущее! И из-за чего?!.. Из-за какой-то глупости! Зачем?!

Ее поступок был ему не то чтобы непонятен – скорее неприемлем.

Она обманула его, внезапно изменив приоритет своего движения. И это в двадцать-то лет?! Чистое безумие!

А она взяла и сделала! Не спросив его, как будто он был ей чужим!

Только вот они друг для друга должны были быть всегда и несмотря ни на что, неизменно важнее всего на свете! Уговор есть уговор!

...Но она вдруг решила иначе. И он так и не смог избавиться от горечи этой обиды, которая в те дни была на грани ненависти.

Но только на грани – всё равно побеждала любовь... И похоже, даже теперь...

Так всё-таки ненависть или любовь? Или любовь, или ненависть?

...Великие учат, что прошлое должно оставаться прошлым... И что нужно жить настоящим... И что нельзя войти в одну реку дважды... И что-то там еще...

Да, Филя всё так и делал! И что?

Бессмысленность. Скукота. Короче, всё стабильно тошно. Но зато ее не мучили никакие сомнения: его «Я» не разрывалось между желаемым и неизбежным. И, в общем-то, его всё устраивало.

А теперь? Что теперь?

А теперь потеряны все ориентиры...

И он – уже давно уверенный в себе прагматик: физик-теоретик, а по сути – практик, сердце со стажем, с бархатными глазами, раздевающими женщин за мгновение: пара пристальных взглядов – проверенный годами точный расчет, ведь математика его всё – был абсолютно повержен. Его разум отказывался воспринимать увиденное.

Зачем? Зачем снова какие-то глупости? К чему весь этот дурацкий напруг? И главное: почему ему опять всё это так небезразлично?

Ведь он знал, отлично знал: там нет ничего нового. И всё снова окажется таким ожидаемым – увы, все бабы банальны в своих желаниях – горький опыт, как уже доказанная им когда-то незыблемая аксиома... и лирика – давно не его стихия...

Он окончательно завязал с сантиментами еще в свои далекие двадцать. И теперь всё что угодно, но с холодной головой...

«Какая, к чёрту, любовь? Мне почти сорок!»

...Но Снежка, точно мираж, лишь мелькнув и тут же исчезнув со всех радаров его жизни, снова и безжалостно сделала бывшее частью его нынешней реальности.

И Филя был зол...

Дура! Расфуфыренная дура!

...Но почему он всё равно не мог оторвать от нее взгляда?

Игривые солнечные лучи, отражающиеся золотой россыпью в летящих складках ее легкого одеяния, манили и не отпускали. И всё та же копна небрежно собранных вверх каштановых волос, пылающих рубиновым заревом...

Такая же, как и тогда... Когда она сделала свой выбор...

И уже глубокой ночью... Снова... И вопреки всему... Особенно здравому смыслу...

Сидя в баре, но уже в абсолютнейшем одиночестве, и угрюмо смотря на стоящую перед собой рюмку с водкой, Филипп всё еще никак не мог прийти в себя.

Ни одной путной мысли. Ничего. Лишь отупляющая пустота. Которой он был не в силах сопротивляться.

Вот оно – одиночество... Кругом люди, а он один...

Даже в конце концов вернувшиеся в себя ангелы по-прежнему не желали ему даже посочувствовать, а лишь смотрели на него с молчаливым укором... Похоже, терпение закончилось и у них... И он окончательно впал в немилость... И поэтому теперь сидел один-одинешенек... Но в компании весьма приветливого бармена, готового исполнить любое его желание, прекрасно зная, что под утро получит щедрые чаевые: ведь Филя был завидный клиент – всегдашняя гдатель... И деньги для него – не проблема...

Но ничего не хотелось.

Лишь наполненная до краев рюмка с пониманием смотрела на него, пребывая в смиренном ожидании.

Но ужасная правда заключалась в том, что не было смысла даже начинать напиваться, – всё равно придется протрезветь.

А сегодняшнего утра ему хватило с лихвой – жуткое похмелье плюс...

...Нет, лучше сигареты.

Накрывшее его еще днем какое-то нереальное ощущение не отпускало. Кружа в воспоминаниях, оно зачем-то неотступно преследовало его, заставляя продолжать делать глупости...

Но сегодня даже глупости у него не очень-то получались...

И валявшийся рядом планшет, зависнув где-то в глубоких дебрях бесчисленных рядов «одноклассников», уныло мерцал, устало мигая задолбанным вконец поисковиком...

Бесполезно! Это не женщина – это фантом! Ее нигде нет!

Ни «ВКонтакте». Ни в «Фейсбуке».

И на бесчисленное количество показушно-позитивных фото счастливых до бесконечности незнакомых лиц уже было тошно смотреть... А она всё не находилась...

«И не найдется!» – издевательски зудело подсознание...

И было право...

...Ничего не изменилось. Она всё такая же, как и всегда – не такая, как все...

...Час... Два... Уже выкурена целая пачка... Три ночи... Следующая пачка опустела на половину... Четыре...

Зазвонил сотовый. Ксения. Ответить или нет?.. К чёрту! Пусть будет скандал! Плевать! Всё и так рухнуло!

...Эта встреча со Снежкой – просто настоящая подлянка!

Теперь ничто не будет, как прежде.

Телефон обиженно смолк.

Его уже мучило от табака, когда сотовый напомнил о себе снова.

...Анжелика...

Какое же всё пустое!

Режим «в самолете» – единственное спасение.

...Женщины...

Они были Филиной слабостью. И он никогда не отказывал себе в них...

...А еще была Снежанна... А вот в ней он себе отказал... Чтобы она поняла и запомнила, что значит остаться одной... без него...

Навсегда.

Но это «навсегда» почему-то закончилось... А должно было оставаться таким, каким и было задумано с самого начала!

Категоричным и безвозвратным. Потому что это он так решил... И точка...

Вот только имел ли он на это право?

Неважно. Главное – по его. И до конца.

И ему будет ни капельки не жаль. Никогда. Ни за что на свете!

...Так и было... До сегодня... До того, когда он снова понял, что всё осталось по-прежнему... И что любовь жива... А вот он, похоже, не очень...

Просто все эти годы, притаившись неподалеку, она насмешливо наблюдала за ним...

А он-то наивно думал, что получил вольную...

...Любовь...

...Так это дар или проклятье?

Что вообще он знал о любви? Вернее, что он помнил о ней?

А ведь когда-то он знал о ней всё... Давным-давно... Но предпочел забыть...

...Но сама Ее Величество Судьба настойчиво заставляла его вспоминать ее цвет и запах, словно брала реванш...

И теперь образ Снежки, точно наваждение, стоял перед его глазами – ее повзрослевшая красота и еще больше Востока...

Она была так реальна и так невозможно далека! И так сногсшибательно прекрасна!

Но сногсшибательным было не только это.

Ее спутник, так предупредительно придерживавший ее за талию, был заклятым врагом его босса...

...А она...

...Как же счастливо она ему улыбалась!

...И приходилось признать очевидное... Однозначно – его женщиной...

Задумчиво опустившись в мягкое белоснежное кресло, Максим не спеша раскурил сигару и, глубоко затянувшись, обвел свой пышущий важностью кабинет абсолютно бесстрастным взглядом.

Изящные стеллажи с оригинально расположенными внутри многочисленными полками и заполненные снизу доверху забавными безделушками; дизайнерские светильники разнообразных форм и размеров; кожаные диваны, сделанные по авторским эскизам и на заказ – в тон его креслу. И красавец-стол из какого-то суперпрочного стекла, за который он обязательно усаживался, принимая своих посетителей...

Всё это великолепие, отражаясь в зеркальном полу своей точной копией, почему-то сейчас невероятно раздражало его своим запредельным лоском и самолюбованием.

Впрочем, как и всё остальное, что еще находилось вокруг него...

...И огромный аквариум во всю стену с замысловатыми экзотическими обитателями...

...И навороченная плазма – практически в половину соседней стены...

...И панорамные окна в пол...

...Всё это вдруг стало для него чем-то лишним и бесконечно надоевшим, словно это вовсе не он и не сам лично согласовывал с дизайнерами каждый сантиметр этого убранства.

И вообще, последние несколько дней он отчего-то всё время и беспричинно грустил – у него неожиданно появилось необъяснимое желание послать всё куда подальше. И не только все, но и всех...

...И начать сначала...

Но где оно, это начало? И существует ли оно еще?

Наверное, во всём виноват возраст... Ведь вчера ему исполнилось сорок!

«Возраст!» Да для мужчины – самое то!

Но Максима отчего-то рвало на части. Что с ним? Откуда такие нелепые мысли?

Усталость? Неудовлетворенность? Проблемы?

Ничего подобного!

Он удачлив. И даже очень!

И всё, к чему до сих пор продолжают стремиться многие другие, – для него уже давно привычная реальность.

Деньги. Полезные связи. Друзья, приближенные к самым-самым мира сего...

Собственная сфера влияния.

Ну и чего же еще можно пожелать себе в день рождения?

...Максим глубоко затянулся еще раз...

И, вместе с уверенным движением его правой руки на идеально отглаженной манжете рукава его лаконично-черной шелковой рубашки, вдруг ярко блеснула бриллиантовая запонка – в свете нечаянно упавшего на нее солнечного луча, который затем, быстро скользнув по массивному, уверенно сжимающему его запястье браслету весьма брутальных, но вместе с тем шикарных швейцарских часов, молниеносно закончил свой путь ослепительным бликом где-то в глубине платинового перстня, красовавшегося на его безымянном пальце.

Безупречно!

Сочетание мужественности и шика.

В каждом движении.

И он это отлично знал. Знал, что так надо.

Потому что по-другому нельзя. Ты ли монолит, или так... ничего серьезного...

...Но Макс был серьезен...

И когда-то, серьезно решив, он создал свою бизнес-империю. Свое личное финансовое чудо.

Как? Сейчас это было уже совершенно не важно: победителей не судят.

Создал – и всё.

Всё. Как это было точно! Ведь жизнь всегда дает нам либо то, либо другое.

Просто одновременно с таким ошеломляющим финансовым успехом ему с разочарованием пришлось осознать, что за это «всё» надо платить. И он заплатил. Сполна и до смешного банально.

С утра до ночи предоставленная самой себе его жена, ради которой он, вообще-то, и начал свое восхождение к этим вершинам, обзавелась любовником.

Сколько длилась их связь, Максим даже не поинтересовался.

Застав их вместе, он тут же порвал с ней. И развод с его стороны последовал незамедлительно.

Но потом еще очень долго в тишине одиноких ночей, без конца задавая себе один и тот же вопрос – «почему судьба опять отобрала у него счастье?», – так и не находил на него ответа.

И первые несколько лет после стали настоящим испытанием – он никак не мог избавиться от чувства отвращения ко всему, что связано с женщинами.

И с тех пор его общение с ними сводилось лишь к необходимым деловым контактам и ни к чему не обязывающим рукопожатиям: бизнес-леди – так бизнес-леди. Никаких интрижек! Ни за что! И ни при каких обстоятельствах!

Ведь он, как никто другой, слишком хорошо знал, как легко всё продается и покупается. Особенно любимые...

Пепел с сигары упал на зеркальную поверхность пола. Рядом с носом его ослепительно начищенного ботинка.

Даже в его обуви величественно отражался достигнутый им статус.

Где даже в шелковых шнурках с невероятно сложным брендовым плетением откровенно читался недвусмысленный намек на исключительность.

Как и во всей его нынешней жизни, наполненной беспрецедентным комфортом. Словно он был не простым смертным, а каким-то небожителем. Хотя... Почему бы и нет?

И, пребывая всё в такой же задумчивости, Максим неторопливо снял телефонную трубку и набрал номер Стаса – своего компаньона и единственного друга.

Послышались длинные гудки – ни Стаса, ни его жены не было дома.

Что ж...

На сотовый Макс звонить не стал – ничего срочного. Вся эта дурацкая рутина преспокойно может подождать.

Тем более вечером банкет по случаю его юбилейного дня рождения. Там они и увидятся. ...Юбилей. А настроение – впору справлять поминки.

...И прошлое почему-то снова грузило, заставляя вспоминать, вспоминать, вспоминать...

Когда-то их было трое – в те самые лихие 90-е.

А еще у них был общий бизнес – так, ничего особенного, но дела шли довольно успешно. И перед ними троими уже тогда открывались весьма заманчивые перспективы, как вдруг...

По спине Максима пробежал неприятный холодок...

Эдик! Мерзкая самовлюбленная скотина, не знающая ни стыда, ни совести!

Всегда безукоризненно одетый. Ухоженный от макушки до пяток, вечно свежезагорелый и благоухающий...

И если не знать то бесчисленное количество женщин, которое прошло через его постель, то для непосвященных он без всяких сомнений легко мог сойти за «голубого».

Но если бы только это...

Ведь благодаря именно его махинациям их тогда еще на самом взлете общее детище было неожиданно признано банкротом и... аннулировано...

Эд же каким-то чудесным образом умудрился вывести в офшоры с их совместных счетов почти все заработанные деньги.

Сволочь!

...С тех пор прошло много лет... И уже вместе со Стасом они сумели сделать почти невозможное – не только восстановили свои утраченные перспективы, но даже достигли куда больших высот.

Оказалось, позитивная злость творит чудеса! А они были очень злы. И неутомонно неутомимы.

И вот уже теперь их собственная, вновь созданная заново и уже целая корпорация охватывала своей деятельностью всю Россию, а не только Питер... А еще они имели свои филиалы и за границей.

Но бизнес – это всегда война. И в ней ничто не может быть позабыто. Особенно такие подставы.

Как говорится, всему свое время. Но как узнать, когда и настанет ли оно вообще? Осталось только надеяться...

И если деловая жизнь у Максима наладилась, то вот личная...

«С меня хватит! Того, что я пережил, вполне достаточно! Одиночество – это такая удача! Только дурак будет спорить с этим!»

Однако, когда природа брала свое и когда ему хотелось «отвлечься», он пользовался услугами специального элитного агентства соответствующей направленности. Очень дорогого, но зато самого лучшего.

«Ни одна женщина больше не стоит моего внимания», – это решение было окончательным и обжалованию не подлежало.

Стас же, напротив, наслаждался веселыми загородными пирушками и спустя некоторое время назад женился. Причем как-то неожиданно быстро даже для себя самого. И тем не менее был вполне доволен своим браком. И искренне переживал за друга, который упорно предпочитал коротать бесконечные холостяцкие вечера один.

Но однажды...

Это произошло три года назад. На каком-то очередном деловом приеме.

Где Максим и встретил ЕЕ.

Она увлеченно разговаривала со своей спутницей. И даже после того, как он был лично представлен ей как владелец одной из самых известных торговых корпораций страны, было совершенно очевидно, что его общество для нее крайне скучно, хотя на ее губах и застыла предупредительно вежливая улыбка с таким легким налетом снисходительности – так взрослые улыбаются детям, когда хотят поощрить их своим одобрением за хорошее поведение.

На этом в тот вечер их общение и закончилось.

Невероятно! Но он не произвел на нее никакого впечатления!

Она была неприступна и холодна.

С ног до головы окутана восточной загадочностью... А еще – красива...

Домой Максим вернулся злым на весь свет, с ужасом понимая, что влюбился.

Разбив две хрустальные пепельницы и одну фарфоровую статуэтку, приобретенную недавно на антикварном аукционе, он так и не почувствовал себя лучше.

«Она даже не назвала своего имени!»

Всё таким же злым он направился спать.

Но заснуть так и не смог.

И уже было решил пригласить к себе очередную «ненавязчивую гостью», чтобы снять стресс... Но почти сразу понял, что просто секса ему теперь мало, – впервые за много лет ему хотелось отношений.

И, еле дождавшись самого раннего утра, он бесцеремонно разбудил свою секретаршу и дал ей срочное поручение...

На этот раз он хотел знать всё об этой ледяной незнакомке.

...И уже к вечеру на его столе лежало заветное досье...

...Ее звали Снежанной... Так необычно... Словно что-то очень легкое и прозрачное, словно ослепительное сияние горного хрусталя струилось вокруг этого имени, освещая своими холодными лучами дорогу в неизвестный и такой манящий мир своей неприступной хозяйки...

Ей тридцать семь... Работает в фирме... Ее деловая жизнь... Круг знакомых... Имеет дочь... В возрасте...

Максим достоверно хотел знать лишь одно: свободно ли ее сердце...

...Когда-то давно была замужем... С тех пор одна...

А вот это была удача! Такой необходимый ему реальный шанс на возможное более близкое знакомство.

Максим с облегчением закрыл глаза – вот уже почти сутки он просто бредил этой женщиной...

Внутри него постоянно рождались какие-то безумные фантазии, и он совершенно напрасно старался взять себя в руки – желание быть рядом с ней балансировало на грани безумия.

ОНА. Это – всё, о чём он мог теперь думать.

...И вот сегодня они снова встретятся... И проведут еще один прекрасный вечер в обществе друг друга...

Три года!

Прошло три года!

Таких чудесных и таких печальных... для него...

Конечно, они несколько сблизились за это время, но ровно настолько, насколько представлялось допустимым ей...

...Посещение театров, поездки за город, почти ежедневные ужины... Но никогда – завтраки ...

Всё ограничивалось лишь долгими легкими рукопожатиями и долгими молчаливыми взглядами на прощанье, словно какая-то невидимая стена стояла между ними, которую не решалась разрушить именно она.

– Послушай, – очень редко, но всё же позволявший себе высказаться Стас, видевший, как его друг по-прежнему упрямо ждет неизвестно чего, – это всё как-то очень странно! И как тебе еще не надоела вся эта тягомотина? Мало, что ли, вокруг баб? Да, красивая... Да, независимая... Но в ней как-то всё... и очень, и слишком... А на выходе – ноль!

Максим терпеливо выслушивал эти тирады... И только почти братские отношения до сих пор не сделали их врагами.

Тем более что Макс понимал: Стас был прав на все 100%.

«И правда, – сам себя иногда спрашивал он, – какого хрена меня так заклинило?»

Он злился на нее в ее отсутствие... и таял, лишь только она появлялась возле.

Эта необъяснимая неприступность делала ее такой желанной!

Но почему она отвергала его? Столько лет! И ни его деньги, ни его статус... Да в конце концов, он и сам был недурен собою!

Регулярно появляясь на обложках известных мужских журналов, Максим недоумевал: «И чего ей только не хватает?»

Снежанне всё это было без разницы. Она на расстоянии и очень вежливо принимала его ухаживания. И не более.

А может быть, она хотела замуж? Да, он был согласен даже на это! И не даже... А очень хотел! Почти мечтал.

Но Снежка не соглашалась даже на поцелуй!

И если честно, Максим еще ни разу и не пытался. Так что Стас зря переживал. «Я тоже хорош – ни разу так и не попробовал прикоснуться!»

Они оба медленно плыли по течению – неизвестно куда.

«Похоже, у нее тоже было разбито сердце...»

Догадка Максима была верна.

...Но он и представить себе не мог насколько.

Они валялись на траве, утопая в золотой россыпи бархатных одуванчиков.

– Ты любишь меня?

В ответ она лишь звонко рассмеялась.

Он приподнялся на локте и заглянул в ее хитрые зеленые глаза:

– Так ты любишь меня?

– Это вопрос? – не унималась Снежанна, пытаясь подавить очередной приступ неукротимого смеха.

Филипп сделал вид, что призадумался.

– ...Пока еще нет, но лучше тебе сразу признаться в этом страшном грехе по-хорошему...

Шли уроки, а они совершенно бессовестно валялись на благоухающей свежей зелени поляне, скрытые от чужих глаз высокой травой, и были абсолютно счастливы.

«Кошмар!» – так бы сказала завучиха.

Но сейчас это не имело значения.

Где-то неподалеку, деловито жужжа, пролетел шмель, не обратив на них никакого внимания: он был слишком занят для того, чтобы замечать подобные глупости, – по-видимому, не имея дурной привычки совать нос в чужие дела.

А вот мохнатые одуванчики, напротив, неодобрительно покачивали своими солнечными головками оттого, что эти двое так бесцеремонно осмелились нарушить царившие вокруг тишину и умиротворение.

– Я давно хотел тебя спросить. – Филя низко склонился над ее губами. – Почему у тебя такое странное имя?

Но Снежанна молчала; смотря в его огромные карие глаза, она чувствовала, как тонет в них. Широко распахнутые, они были как бездна, из которой не было возврата.

Голова кружилась, а горько-пряный аромат поляны, окружавший их, пьянил своей терпкостью...

А потом она почувствовала поцелуй – легкий, словно его и не было вовсе; словно в этом мире больше ничего не осталось, кроме этого мгновения...

Словно сама нежность коснулась ее губ...

Входная дверь с грохотом распахнулась, и к ногам Снежанна упал уже довольно потрепанный джинсовый рюкзак.

Затем появилась и его хозяйка.

– Мама! – радостно провозгласила Валерка, счастливо сверкая огромными голубыми глазами. – Это просто потрясающе!

Но в ответ Снежанна лишь неодобрительно посмотрела на дочь: летающие по квартире рюкзаки – это уже слишком!

– ...Потрясающе? – наконец, но совершенно невозмутимо переспросила она. – Это уж точно. Твой новый способ входить в дом весьма экстравагантен. – И Снежанна всё так же невозмутимо направилась в свою комнату.

– Ну, мам... – виновато протянула Валерка, следуя за ней по пятам. – Я больше не буду... Обещаю...

Сменив гнев на милость и усевшись в кресло, Снежанна уже ласково спросила:

– Что случилось?

Валерка снова радостно просияла и вытащила из заднего кармана джинсов конверт, в котором лежала небольшая, но очень изящная открытка.

– Вот. – И она протянула свое незатейливое сокровище матери. – Меня приглашают принять участие в конкурсе «Мисс Санкт-Петербург», а потом и «Мисс Россия», если повезет. Здорово, правда?

Снежанна оторопело уставилась на дочь, которая просто светилась от счастья.

– ...А почему именно ты? И как к тебе попало это приглашение?

– Мне вручил его курьер. Прямо у школы.

– Так такое приглашение получила только ты?

– Да, – гордо ответила Валерка.

Снежанна пробежала глазами текст – похоже, эта открытка действительно была официальным документом.

Валерке предлагалось представлять одну очень известную корпорацию.

В приглашении были также указаны день и время, когда сам президент концерна намерен уделить ей немного своего драгоценного времени, чтобы познакомиться с ней лично и обсудить условия ее участия. Если она, конечно, даст свое согласие.

«Ничего себе! Не слишком ли много чести для такой соплячки?» – недоумевала Снежка, а вслух добавила:

– У тебя два месяца до выпускных. ЕГЭ – это не шутки! А вся эта затея – какая-то сомнительная авантюра. Я – против!

Валерка поверженно опустила голову.

– Я так и знала, – раздосадованно промямлила она.

Снежанне было жаль дочь – Валерка выглядела очень расстроенной, – однако здравый смысл подсказывал ей, что в этом лощеном конверте, скорее всего, кроется подвох. Но она не могла прямо сказать дочери об этом, хорошо понимая, что все ее доводы сейчас абсолютно бесполезны.

– Нельзя менять дело на безделье, – назидательно продолжила она. – Уж не думаешь ли ты отказаться от юридического?! Ради какого-то шоу?!

– Но участие в нём займет всего три дня! – На глазах девочки заблестели слёзы. – И потом мне заплатят хорошие деньги!

Услышав о деньгах, Снежанна разозлилась уже не на шутку:

– Ушам своим не верю! Разве тебе чего-то не хватает?! И вообще, вся эта затея отнимет у тебя массу времени и сил. Кроме того, ты уже достаточно взрослая и должна понимать, что нельзя стать впоследствии хорошим адвокатом с таким сомнительным прошлым, как участие в этом балагане! Эта профессия слишком ответственна!

«Тебя до конца дней будут считать шлюхой!» – чуть не сорвалось с ее губ. Но она сдержалась.

Господи, да ее дочь не понимала, что собирается натворить!

Валерка же терпеливо выслушала мать и, ничего не ответив, ушла к себе.

«К чёрту, плевать я хотела! У юриста должны быть хорошие мозги! А чем я занимаюсь в свободное от работы время, никого не касается!»

Но что Валерка знала о настоящей жизни?

...Ей было всего семнадцать!

Весь оставшийся вечер мать и дочь не разговаривали.

Валерка деловито крутилась перед зеркалом, собираясь на свидание.

Снежанна пыталась читать книгу.

Но обе они думали друг о друге. Обоих тяготила случившаяся размолвка.

Карьера адвоката сулила отличное будущее, но вместе с этим Валерка совершенно не хотела прожить свою жизнь безлико и неинтересно, не совершив чего-нибудь эдакого.

Как и все девчонки ее возраста, она, естественно, мечтала блеснуть на голубых экранах и покрасоваться на обложках глянцевого журналов.

И, собственно, почему она должна отказаться от своего шанса на славу? Почему ее судьбой должны стать лишь работа и семья?

От всего этого веяло невыносимой скукой.

Стирка, уборка, магазины – и ты в конце концов станешь еще одной степенной, умудренной житейским опытом, сентиментальной занудой.

Такая перспектива никогда не вдохновляла ее юное, стремящееся к азартным приключениям воображение.

Валерка была хороша собой и отлично это знала.

Многие одноклассницы откровенно завидовали ей, а потому очень часто говорили всякие гадости.

Но Валерка не унывала и уже давным-давно перестала обращать внимание на грубые выпады в свой адрес. Ее вообще мало интересовало мнение окружающих – с самого раннего детства она была точно кошка, гуляющая сама по себе.

Еще раз придирчиво оглядев себя в зеркале, Валерка довольно улыбнулась своему отражению.

И последние легкие штрихи немногочисленных аксессуаров придали ее и без того идеальным формам абсолютное совершенство.

Ну что ж! Этот конкурс очень даже кстати! Пришло время заняться чем-нибудь серьезным и самостоятельно попробовать найти свой путь.

Лучшего начала и придумать было невозможно. Выйти на подиум... Что может быть заманчивей и драйвовей?

И сегодня днем, вскрыв конверт, Валерка точно попала в сказку. Как будто какой-то добрый волшебник вдруг прочел ее самые сокровенные мечты и исполнил одну из них. Причем самую смелую...

...Жаль только, мама не хотела даже слышать об этом.

Пока дочь прихорашивалась, Снежанна, уже отбросив книгу в сторону, нервно расхаживала по спальне, лихорадочно соображая, как же ей убедить свое неразумное чадо не принимать участие в этом чудовищном безобразии.

Неужели для нее так важно оказаться среди этих разукрашенных кукол?

И, когда за Валеркой захлопнулась входная дверь, Снежанна вдруг совершенно отчетливо осознала, что ей нужна помощь.

«Мне необходимо увидеть Максима – он наверняка посоветует, как быть дальше».

Сегодня, как никогда раньше, она почему-то была уверена, что он и только он в состоянии ей помочь.

И Снежанна позвонила ему, что делала крайне редко. А если честно, вообще еще никогда – ни разу...

Его сотовый ответил мгновенно.

Услышав ее встревоженный голос, Максим тут же вызвался приехать. Но она неожиданно предложила встретиться у него.

«Произошло что-то серьезное», – Максим просто терялся в догадках.

Желание увидеть его дом Снежанна высказала впервые – раньше она всегда вежливо отказывалась от его приглашений.

Что же это могло быть?

И действительно, она его удивила, оказавшись настолько расстроенной, что прежде, чем расспросить ее о чём-либо, Максим сначала приготовил для нее свой любимый мятный чай.

И почти силой заставил ее выпить целую чашку этого душистого напитка.

И лишь только после этого спросил:

– Что стряслось?

И тут глаза Снежки наполнились слезами.

Слёзы!

Они будто специально ждали удобного момента и словно по команде градом покатались по ее щекам, не давая сказать ни слова...

За все годы их знакомства Максим ни разу не видел ее в таком состоянии – всегда выдержанная и уравновешенная, сейчас Снежка была не похожа на саму себя.

– Что? Что? – опустившись перед ней на колени, снова и снова спрашивал он. Но она не могла произнести ни слова.

Словно вдруг вся невыплаканная печаль, накопившаяся внутри нее за долгие годы, внезапно вырвалась наружу, и она была не в силах совладать с этим огромным потоком эмоций – выходка дочери была последней каплей.

– ...Это катастрофа... – наконец выдавила она из себя. – ...Там... в сумке... – и ее голос снова сорвался на рыдания.

Тщательно изучив текст открытки, Максим нахмурился:

– И Валерка, конечно же, хочет участвовать?

– Да, – убито ответила Снежанна.

– Всё это несомненно заморочно, но всё же тебе не стоит так переживать, – удивительно спокойно произнес Максим. – Это дело можно легко уладить.

Поток Снежкиных слёз моментально прекратился.

Его голос был так мягок, так нежен, а слова так просты и убедительны, что она невольно застыла в немом оцепенении, пораженная такой реакцией на ее, как казалось ей самой, совершенно неразрешимую проблему.

Увидев ее замешательство, Максим осторожно продолжил:

– Понимаешь, – он старательно подбирал слова, боясь показаться ей бездушным циником, но другого выхода всё равно не было. – Валерка – очень интересная девочка. Она настолько выделяется из общей массы своих сверстниц... – Он развел руками и добавил: – Что является просто находкой для спонсоров. Валерка – это сенсация!

Снежанна молча смотрела на Максима, не в силах что-либо ответить, кроме двух бессвязных слов:

– ...Ужас...Просто ужас...

Максим тоже не сводил с нее глаз – неужели он наконец видел ее настоящую?

Оказывается, она была так беззащитна, так уязвима и одновременно так трогательна, что он вдруг впервые осмелился обнять ее – просто желая хоть как-то утешить, укрыть ее сердце от нагрянувшей бури.

– Положись на меня, – прошептал он, ткнувшись носом в копну ее душистых волос. – Ведь именно мой холдинг уже второй год подряд является генеральным спонсором этого безобразия...

Домой Снежанна вернулась далеко за полночь.

Валерки еще не было. Но этого и следовало ожидать – ночной клуб! Придет только под утро.

«И слава богу! Мне просто необходимо побыть одной. Лишние вопросы сейчас ни к чему – мой вид слишком откровенен».

...Лицо горело от поцелуев... Губы пылали...

Но она так и не смогла решиться...

И Максим послушно отвез ее домой.

Всё случившееся, вернее – не случившееся было какой-то глупостью.

Ее глупостью.

Оставшись одна, Снежанна наконец призналась себе в том, что Максим ей нравится. Очень. И даже больше, чем очень.

Бесцельно слоняясь по квартире, она отчетливо ощущала окружающую пустоту.

«Я веду себя как дура! Теперь он точно решит, что я самовлюбленная истеричка!»

И страх потерять его безжалостно сжал ей грудь.

Но почему она никогда раньше не задумывалась о том, что он может просто взять и исчезнуть? Однажды устав ждать.

Почему только сейчас она почувствовала, как необходим ей этот мужчина?

Что именно с ним она действительно хотела бы заняться любовью? А может, и прожить оставшуюся жизнь.

Ведь именно Максим и его гостеприимный дом перенесли ее точно в сказку, в которую она столько лет боялась войти.

Там царили уют и покой. И огонь в камине мерцал дружелюбно и ласково.

Словно тихая бухта, она буквально околдовывала своей безмятежностью – там всё было наполнено надежностью и силой. Как и сам хозяин этого волшебного места.

Максим... Его объятия были такими щедрыми, такими волнующими, словно сама любовь заботливо окунула ее в бездонный океан его чувств. И Снежанна наконец разглядела его.

Ощувив прикосновения его крепких рук, впервые за многие годы она позабыла обо всём на свете: о времени, о цели своего визита, о тревоге, которой была охвачена все последние часы. И уже была почти готова утонуть в теплых волнах этого блаженства...

Но всё равно предпочла уехать.

И теперь окружающая пустота делала его объятия еще более желанными. А ведь еще час назад всё могло бы быть по-другому.

«Я всё испортила».

Это уж точно!

Ее взгляд остановился на телефоне, и Снежанна несмело взяла трубку.

– У тебя всё в порядке? – Голос Максима звучал ровно, но немного устало.

Причина этой усталости была очевидна.

– ...Да... Как ты доехал?.. Хотя... Я хотела сказать совершенно не это. – Ей казалось, что сердце вот-вот вырвется из груди. – Прости... Я всё испортила... Я не хотела... Вернее, хотела...

– Прошу тебя: перестань, – невольно улыбнувшись самому себе, прервал ее он. – Надеюсь, что ты подаришь мне еще один такой же прекрасный вечер...

«Еще один прекрасный вечер?»

Да сейчас она уже была готова провести с ним хоть тысячу ночей!

И наконец вспомнить, как это прекрасно – любить и быть любимой...

День клонился к вечеру, а они всё еще продолжали валяться на траве, погруженные в свой волшебный мир.

– ... А еще одну можно?

Но вместо ответа Снежанна опять дразняще смотрела на него своими хитрющими глазами.

Ее строгая школьная блузка уже была наполовину расстегнута его проворными пальцами.

С каждой следующей пуговицей эта невинная забава принимала всё более пикантный оборот – из-под небрежно распахнутой шелковой ткани уже виднелся кружевной узор белого снежного нижнего белья, интригуяюще сжимающего ее упругую грудь.

Снежанна же продолжала кокетливо молчать.

Но вдруг ее взгляд случайно упал на часы – было почти пять.

И это едва заметное движение ее глаз в один миг лишило Филю сентиментальности.

Он сел к Снежанне спиной и демонстративно принялся надевать валявшиеся возле кроссовки.

Она же удивленно, почти разочарованно уставилась на своего обожателя. И, видя, что тот не обращает на нее никакого внимания, уселась рядом и, прижавшись щекой к его плечу, принялась тихонько тереть рукав его пиджака.

– Отстань! – обиженно огрызнулся Филипп. – Сначала делаешь вид, что тебе нравится, а потом зеваешь от скуки и глядишь на часы! Нечего дразниться! Это нечестно! Лучше отстань!

Но Снежка и не думала сдаваться: даже несмотря на то, что Филя с решительным видом продолжал завязывать шнурки, игнорируя ее своей невозмутимостью.

В конце концов, не выдержав, он бросил на нее сердитый взгляд – в глазах девушки тут же зажегся озорной огонек.

– Хватит делать из меня дурака! – Филипп резко встал с земли.

– Всё ясно, – вздохнула Снежка, – Обиделся.

– Нет, не обиделся! Просто пора домой.

Добродушная улыбка мгновенно слетела с ее лица, и, опустив голову, она принялась разглаживать руками юбку, точно прилежная ученица. Филипп же был непреклонен.

Но, тщательно отряхнув свой костюм от травы, он всё же взглянул на нее: Снежанна сидела среди одуванчиков, растрепанная и наполовину раздетая.

Пушистые каштановые волосы, непослушно выбившиеся из косы, изящно подчеркивали ее юное очарование.

И Филя раздосадованно понял, что слишком долго не сможет сердиться.

Заметив это, Снежка тут же надулась.

«О господи, это просто невыносимо! Чего добивается эта сумасбродная девчонка? Никогда нельзя понять, что в действительности творится в ее голове!»

Поправив одежду, Снежка расплела косу, и по ее плечам рассыпались волосы. А затем всё так же оскорбленно, не проронив ни слова, схватила портфель и мгновенно скрылась в кустах зацветающей сирени, пытаясь найти тропинку, по которой они забрели на эту поляну.

Филя послушно поплелся следом.

Но, нырнув под крону душистого куста, он тут же оказался в объятьях ее нежных рук, ласково обвивших его шею.

Одуряющий запах сирени дурманил сознание, делая их поцелуи еще более головокружительными.

Еще через мгновение Снежанна снова куда-то исчезла, но тут же появилась вновь и, сверкая, горящими от счастья глазами, спросила:

– Надеюсь, теперь-то я прощена?

«Надеюсь?»

Какая хитрюга! Она не только надеялась – она точно знала, что Филипп никогда на нее не сердился по-настоящему.

Ее звонкий смех закружился над парком, тормоша дремавших в густой зелени птиц.

И, в последний раз чмокнув Филиппа в щеку, она уже серьезно сказала:

– Ну ладно, уговорил. Пошли домой, а то дурацких расспросов не оберемся...

Максим не спеша потягивал коньяк: янтарный напиток приятно грел ладонь, убаюкивающе мерцая в замысловатом узоре хрустального бокала.

«Вот это да!» – пребывая в совершенном замешательстве, он никак не мог понять, что мешает этой красивой молодой женщине, не связанной никакими обязательствами, жить полной жизнью, наслаждаясь каждым ее мгновением.

Тем более что у нее для этого было всё... И даже он сам.

Это было необъяснимо, если не сказать «ненормально».

Но еще больше его удивил ее телефонный звонок – ведь он был абсолютно уверен, что теперь-то она уже точно пошлет его к чёрту.

И ее такое искреннее переживание, почти раскаянье в том, что сегодня она отвергла его, казалось ему чем-то нереальным... Словно происходящее ему снилось.

Ее взволнованный голос ошеломил его своей откровенностью.

Ее слова были равносильны признанию, о котором он мечтал все эти годы.

И вот оно случилось.

Правда, немного не так, как ему представлялось. Но в этом-то и была вся прелесть этой восточной красотицы – в ее непредсказуемости...

По утрам Эд, как обычно, несмотря на ожидающую его кучу дел, непременно должен был понежиться в своей шикарной постели.

Особо мягкая перина, тонкие, почти прозрачные простыни, легкий аромат лилий, стоящих в вазе на окне, – всё это вносило изысканную прелесть в его сумасшедшее существование.

Поэтому искать его в офисе раньше полудня было абсолютно бесполезным занятием. И Максим хорошо это знал.

Так что он подъехал к Эду около двух часов.

Миловидная блондинистая секретарша приветливо встретила его и незамедлительно проводила в кабинет босса.

Эд важно восседал за весьма помпезным рабочим столом, деловито склонившись над какими-то документами.

– Много работы? – не здороваясь, спросил Макс.

– Хватает, – недовольно пробурчал тот в ответ. – Чего надо?

Неожиданный (как, впрочем, и любой другой) визит Макса не сулил ничего хорошего. «День пропал», – уныло подумал он про себя.

– Нам необходимо кое-что прояснить относительно предстоящего конкурса, – ответил Максим и, не дожидаясь приглашения, по-хозяйски уселся в стоящее перед ним кресло и закурил.

– А в чём дело? Ведь всё уже оговорено.

– Возникли некоторые сложности.

– Какие еще сложности? – раздраженно поинтересовался Эд.

– Меня сильно беспокоит этическая сторона нашего мероприятия. Вчера мне стало известно, что ты собираешься устроить всем нам большие неприятности. Наши инвесторы хотят получать максимальную прибыль от своих вложений. Прокат рекламы – это не шутки. Ты же знаешь, что наш конкурс считается одним из самых престижных, так как у нас очень строгие правила для участниц. Это же Питер! Или ты забыл, где живешь? Зачем ты хочешь всё испортить?

– Что-то я не совсем понимаю, куда ты клонишь? – Эд поднялся из-за стола и принялся нервно расхаживать по кабинету.

– Валерия, – невозмутимо произнес Максим. – Тебе знакомо это имя?

– Валерия?

– Да, Валерия. Ведь это именно ты предложил ей участвовать в шоу? – Эд молчал. – Неужели забыл? Но ведь это именно твоя подпись стоит на приглашении, которое она получила. – И, помахав открыткой в воздухе, Максим бросил ее на стол. – А ты знаешь, сколько ей лет? Что ей нет еще восемнадцати?

Эд неопределенно фыркнул:

– С каких это пор ты стал таким морально устойчивым?

– С недавних, – спокойно ответил Максим.

– Что-то я не припомню, чтобы в уставе конкурса речь шла о каких-либо возрастных ограничениях для имеющих паспорт. Насколько я знаю, ей семнадцать. Значит, она имеет право участвовать.

Максиму было совершенно нечего ответить – ведь это действительно было так.

– И поэтому, – самодовольно продолжил Эд, – если эта девочка захочет, она будет участвовать. И даже ты, великий и ужасный, не сможешь этому помешать.

В воздухе повисло зловещее молчание.

Но лишь на мгновение.

– А теперь слушай меня внимательно, – медленно произнес Максим, отчеканивая каждое слово. – Мне глубоко плевать на все уставы и указанные в них условия. Мне очень дорога эта девочка, и я не позволю тебе втянуть ее в эти грязные игры.

– Так она твоя пассия? – нервно расхохотался Эд, чувствуя, как внутри всё закипает от бешенства. – Bravo!

– Если ты не понял, могу повторить еще раз: даже не думай прикоснуться к ней своими грязными лапами!

– И что ты сделаешь?

Максим ослепительно улыбнулся: такой улыбке могла позавидовать самая крутая реклама зубной пасты. Но в глазах его была стужа:

– Я просто убью тебя, – всё так же спокойно ответил он.

Эд невольно вздрогнул: похоже, на этот раз Максим был серьезен, как никогда.

К превеликому удовольствию Эда и несмотря на возражения матери, Валерка всё же решила и, созвонившись с его секретаршей, договорилась о встрече.

Снежанна была вне себя. Но Валерка не собиралась сдаваться.

И в назначенное утро она проснулась без будильника – сама, и очень рано – ей не спалось.

Не спеша потягивая апельсиновый сок и закутавшись в теплый плед, она удобно устроилась перед телевизором.

Собирающаяся на работу Снежка старательно делала вид, будто она – сама невозмутимость.

И всё же, уходя, вместо обычного «пока» она лишь молча закрыла за собой дверь, тем самым напоминая дочери о том, что по-прежнему не одобряет ее запредельную неразумность.

Но у Валерки было слишком хорошее настроение, чтобы обращать внимание на подобные мелочи, тем более передача была так интересна, что она даже умудрилась позабыть о времени и чуть не опоздала на встречу.

А Эд с нетерпением ждал ее. Сидя за своим огромным рабочим столом, он сосредоточенно просматривал утреннюю корреспонденцию.

Валерка опаздывала уже на целых пятнадцать минут. И Эду это не нравилось. Он чувствовал досаду и раздражение.

Что о себе думает эта смазливая девчонка? Он человек занятой, его время стоит дорого. Какая беспечность!

Но лишь только она переступила порог его кабинета, от его мании величия не осталось и следа.

Завораживающая сила ее молодости, окутанная невидимым облаком свежего цветочного аромата, снова и мгновенно породила внутри него патологическую зависимость от ее длинных ног и сияющих глаз.

Как тогда, когда он впервые увидел ее на Невском...

Она беззаботно прогуливалась с подругами. Такая веселая и радостная, будто ей принадлежал целый мир.

Простое ситцевое платье. Копна непослушных черных волос...

От ее походки у Эда даже закружилась голова.

К тому времени он уже почти полгода ежедневно просматривал кипы самых разнообразных фотографий потенциальных претенденток для представления его холдинга на ежегодном конкурсе красавиц. Но по большому счету, в основном для участия в съемках на его личной, закрытой от посторонних киностудии, которая уже десять лет плодотворно и весьма успешно выпускала фильмы весьма пикантного содержания.

Но о своем участии в таких откровенных видео девушки узнавали лишь после подписания контракта.

Так что это становилось для них полной неожиданностью, но деваться было некуда. Контракт было необходимо выполнить полностью.

Никакие слёзы и мольбы на Эда не действовали – киностудия приносила солидный доход.

Но главное – ему нравилось ощущать себя причастным к питерской богеме, ведь он снимал кино!

Эда прельщали не столько деньги, сколько причастность к великому.

Искусство вечно...

Но увы! Среди бесконечной череды ярких лиц и совершенных тел – блондинок, брюнеток; лукавых, страстных, томных – не находилось той единственной, способной цеплять, будоражить искушенную мужскую фантазию, заставлять мечтать, хотеть смотреть снова и снова.

Обычно фильмы его студии шли нарасхват. Но в последнее время поклонники интимного жанра начали терять былой интерес.

Вездесущий Интернет делал свое дело – любители старательно пытались занять место профессионалов. Домашняя съемка выбрасывалась на многочисленные сайты просто в фантастическом количестве.

Качество, конечно, так себе, но зато совершенно бесплатно.

Хотя оставалось еще очень большое число гурманов, на коих и была рассчитана продукция Эда. И которые ни за что бы не променяли столь качественный продукт на какие-то сомнительные дешевки...

Но тем не менее и поэтому Эду как воздух нужны были новые концепции. Нужно было новое лицо.

Это должен был быть прорыв... Чтобы у искушенной аудитории просто остановилось дыхание. Если, конечно, в порноиндустрии такое вообще возможно.

Бесконечные просмотры фотографий не давали требуемого результата.

Валерка же была настоящей удачей.

И уже к вечеру его люди раздобыли ее домашний адрес и телефон.

Всё складывалось так замечательно! Но кто же мог знать, что это прелестное создание опекает сам всемогущий Макс!

Проклятье! Как же Эд его ненавидел...

Еще несколько лет тому назад он готов был поклясться чем угодно, что Максим уже никогда не выберется из того дерьма, в котором он его оставил.

Но, как оказалось, возникающие трудности делали Максима и Стаса только упорнее и тверже.

И с их успехами он еще как-то был готов мириться... Но отказаться от Валерки – ни за что!

«Эта девочка однозначно и несмотря ни на что будет моей!»

А Максу так и надо! Будет неповадно в следующий раз так вести себя! Бросаться из крайности в крайность! Думать только о себе!

«Настало мое время выбирать женщин – тех, которые нравятся мне. И плевать я хотел на чье-то мнение! Особенно на мнение этого тюти! А то я не помню, как это было!»

Но если Валерия – его дама, то теперь можно ожидать любого подвоха. Тем более Эд даже не сомневался, что у всезнающего Максима против него наверняка имеется компромат.

И поэтому Эд был зол как никогда.

Года два назад, в один не прекрасный день, Максим вдруг заявился к нему прямо домой – естественно, не забыв прихватить с собой Стаса.

«Настало время вернуть должок», – заявили они. И с тех пор это была самая большая головная боль Эда.

Максим со Стасом всерьез решили отомстить ему, заставив заняться контрабандой бриллиантов. Сами-то они не хотели светиться, а он – типа их должник. А для успешного трафика им нужно было надежное и недорогое прикрытие. Эд же вообще им обходился бесплатно! И это реально выбешивало! Но что он мог?! Макс стал очень влиятелен. Эд – тоже...

Но идея его бывших компаньонов была просто гениальна: их алмазы, его доставка.

«Что, им денег мало? Зажрались совсем!» – это было более чем странно...

Вначале он всё-таки пытался отвертеться, но они были категоричны: «Не забывай: это ты нам должен. А отдавать долги – дело чести».

Ледяной, ничего не выражающий взгляд Макса преследовал Эда до сих пор.

«Вернешь всё с процентами – и катись к чёрту!»

«Засранцы! Нет, я всё-таки правильно сделал, что тогда свалил от них!»

Так что с тех пор к порносьемкам прибавилась и перевозка алмазов. А еще у Эда был собственный наркотрафик. Хорошо замаскированный – попробуй докопайся! Он уважаемый бизнесмен, занимающийся благотворительностью.

«Эти двое решили подвести меня под статью. Но мы еще посмотрим, кто из нас самый умный! – воинственно решил Эд, – Рано или поздно я всё равно покончу с этими мерзавцами. Еще не время».

И вот Валерка стояла посреди его кабинета и являла собой само совершенство.

И Эд словно помешался на ней – желание обладать этой девочкой лишило его даже инстинкта самосохранения.

«Вот теперь-то и настал нужный момент, чтобы избавиться от этих мерзавцев».

Конечно, можно было убрать их обоих и сразу – это как раз не проблема. Но уж слишком просто. Нет изюминки. Хотелось получить наслаждение – хотелось отомстить. Ну, например, упрятать за решетку.

У Эда чесались руки, но подходящего решения никак не находилось.

Но один козырь у него всё же был. Где-то примерно года два назад ему неожиданно повезло. Недаром говорят: на каждого мудреца довольно простоты.

Случайно прознав через свои закрытые каналы, что Максим со Стасом в свой главный питерский офис ищут опытного секретаря, Эд не теряя ни минуты ловко подsunул им свою двадцатипятилетнюю любовницу. Прекрасного администратора.

Помимо умопомрачительного секса, она еще в совершенстве владела своей профессией и бралась за любую работу за хорошие деньги.

Максим и Стас совершили непростительную ошибку – на тот момент они были совершенно не в курсе личной жизни Эда.

Именно так в их офисе и появилась Анжелика – очаровательная дама с весьма соблазнительными формами. Задача перед ней стояла более чем конкретная: войти в доверие своих новых боссов и нарыть что-нибудь эдакое.

Но, несмотря на предпринятые усилия, навредить своим обидчикам Эду так и не удалось.

А теперь Макс еще и заполучил себе в пользование такую красоту!

Валерка... Эд ею почти бредил.

Отлично понимая, что еще не поздно отказаться от своей затеи, он всё же был не в состоянии это сделать.

Она слишком хороша... просто завораживала...

Стоя в золотом сиянии солнечных лучей, струящихся из распахнутых настежь окон, она обворожительно ему улыбалась.

Поднявшись из-за стола, Эд галантно поприветствовал девушку.

Как она была соблазнительна!

Сколько откровенной гадости сняла его неутомимая студия за эти годы, но ни одна главная героиня так и не смогла сравниться с очарованием этой юной прелестницы.

Еще совсем недавно Эд был намерен превратить ее в сенсацию – в неосуществимую мечту всевозможных эротических мужских фантазий, возбужденно смотрящих на экран... О которой те бы только мечтали...

Но теперь он совершенно отчетливо понимал, что не хочет делить ее ни с кем на свете.

Невероятно! Он что – ревновал?.. При чем самого себя к своим собственным планам?

Сказать, что он сходил с ума, – ничего не сказать... И это – он? Любовник со стажем?!

И, чувствуя, что напряжение внутри него неумолимо нарастает и что сдерживать себя уже скоро просто не будет сил, Эд поспешил проводить Валерию к ожидающей их машине.

А ничего не подозревающая девушка пребывала в прекраснейшем настроении – наконец-то у нее появилась реальная возможность почувствовать себя независимой.

Ей до смерти надоела роль глупой безмозглой школьницы, которой все только и указывают, что и как надо делать.

А, Эд – просто СУПЕР!

Он был таким обходительным, и его в первую очередь интересовали ее мнение и ее желания.

К тому же прогулка по магазинам в обществе такого импозантного мужчины была намного более приятным занятием, чем выслушивание очередных до смерти надоевших претензий матери.

Знала бы она, сколько таких наивных девочек, как она, уже попало на его удочку!

Но ее это мало заботило: она – не они, значит ей ничто не угрожает. И в чём-то она была права – словно чувствовала, что Эд серьезно запал на нее. И, именно это обстоятельство делало ее неуязвимой.

Проехать с ними по магазинам была приглашена и его личный стилист – он никогда и ничего не приобретал, не посоветовавшись с ней.

Элеоноре – так ее звали – было около сорока.

Шикарный брючный костюм. Туфли на высокой-высокой шпильке. Идеальный маникюр.

Короткая стрижка выгодно подчеркивала тонкие черты ее лица.

Она выглядела так, будто только что сошла с обложки VOGUE. А бесстрастный расчетливый взгляд ее холодных глаз выдавал в ней человека с железной хваткой, знающего себе цену.

Лишь один раз взглянув на Валерию, она бегло оценила все ее достоинства, самым бесспорным из которых была молодость.

«Красивая, и даже слишком», – вынесла она свой молчаливый вердикт и со скучающим видом вновь уставилась в окно лимузина.

Эд же не переставая разговаривал по сотовому, раздавая бесконечные указания подчиненным.

Это, конечно, было совсем не обязательно, но ему так хотелось показать этой юной барышне, какой он серьезный и важный! Словно желторотый мальчишка, он старался произвести на нее необходимое ему впечатление.

И, похоже, у него получилось.

У Валерки было такое ощущение, будто она попала в сказку.

Эд провел с ней целый день. И весь этот день они потратили на приобретение всевозможной одежды, обуви и косметики.

Валерка была в восторге: «Невероятно! Ну просто как в кино!»

Но особенно много времени ушло на выбор купальника, в котором ей предстояло сделать кинопробы.

Ее глаза просто разбегались – разнообразие фасонов и цветовых гамм ошеломляло.

А какие красивые магазины! Сплошные бренды! Снежанна, конечно, хорошо ее одевала. Но чтобы так!

Выбор Элеоноры пал на скромное однотонное мини цвета морской волны, цельного покроя, которое эффектно подчеркивало ее грудь и бедра.

Эд любовался этим действием. Если не сказать больше.

И на свой страх и риск даже пригласил ее поужинать: «Макс будет в бешенстве!»

Валерка же была на седьмом небе от счастья: «Расскажу в школе – не поверят!»

Так удивительно... Рядом с этим взрослым мужчиной она ощущала драйв. Ах, если бы он был ее ровесником! Она бы, наверное, абсолютно точно на него запала.

Ее преследовало легкое приятное возбуждение, но она упорно гнала от себя прочь эти мысли – не может быть... Чтобы он нравился мне, как... МУЖЧИНА?! Нет, просто мы провели слишком много времени вдвоем...

Но Эд был хорош... Высок... Подтянут... Воспитан... И... богат...

Но любовь не продается. И у меня есть Влад.

... Прекрасная, наивная юность!

Было около одиннадцати вечера, когда она наконец переступила порог дома и Снежанна впервые в жизни наорала на нее.

Валерка опешила.

Удивленно уставившись на мать своими огромными голубыми глазищами, совершенно обалдев от происходящего.

– Пока ты живешь в моем доме, – не помня себя от ярости, кричала Снежка, – я не допущу такого безобразия! НИ ЗА ЧТО!

Сжав зубы, Валерка быстро направилась в свою комнату, но мать неотступно следовала за ней:

– Я не для того тебя растила, чтобы ты вертела голым задом перед сборищем лощеных павлинов!

– Мама, пожалуйста, успокойся! – Голос Валерки дрожал от негодования. – Неужели ты действительно хочешь лишить меня такой классной возможности?! Это очень престижное шоу! Может быть, у меня даже появится шанс стать профессиональной моделью! Ведь меня увидят представители стольких рекламных агентств... – И на ее глазах появились слёзы. – Я никогда не думала, что ты такая бессердечная!

Услышав такое, Снежанна потеряла дар речи: это ей-то безразличны мечты ее дочери?!

Да она всю свою сознательную жизнь только и занималась тем, что безостановочно зарабатывала деньги, чтобы обеспечить своего единственного ребенка всем необходимым, дабы ее маленькая беззащитная девочка ни в чём не нуждалась...

Однако, как и все дети, Валерка никогда не задумывалась об этом, но и не собиралась отказываться от задуманного.

И никакие крики и увещевания не могли изменить ее решения.

Горечь и обида от непонимания оказались сильнее дочерней любви.

Лишенная материнского благословения, она чувствовала себя отверженной.

А это так нечестно!

В конце концов, бросив в последний раз испепеляющий взгляд на дочь, Снежанна заперлась в ванне.

Она надеялась, что, приняв душ, сможет хотя бы немного успокоиться.

Но увы! Злость в ней закипала всё сильнее.

Сколько бессонных ночей она провела у кровати дочери, когда та болела! Первые слова, первые шаги – всё это Снежанна помнила так отчетливо, словно Валерка всё еще была той маленькой несмышленной малышкой.

Но, похоже, ее чадо стало взрослым. Вернее, оно думало, что уже выросло.

...Они легли спать, так и не помирившись...

«Всё уладится... Утро вечера мудренее...»

Уже было около трех часов следующего дня, когда Максим, наконец заканчивая последние срочные дела, мечтал лишь об одном – поскорее исчезнуть из офиса.

Бесконечная бумажная волокита ему окончательно осточертела, и он хотел как можно скорее попасть на теннисный корт, чтобы немного расслабиться.

И именно в этот момент Снежанна буквально ворвалась в его кабинет и, захлопнув дверь перед самым носом возмущенной секретарши, еле слышно произнесла:

– Валерка вчера ушла из дома... Я думала, она легла спать... А она...

Отбросив бумаги в сторону, Максим встревоженно подошел к ней и, по-дружески взяв ее за плечи, осторожно встряхнул, чтобы хоть немного привести ее в чувства:

– Успокойся, я всё улажу... Я же обещал... Ты помнишь?

Но она лишь убито смотрела на него, не в силах что-либо ответить.

Странно, но после той неудавшейся ночи они еще не виделись... Целых два дня разлуки...

Не сговариваясь и ни в чём не упрекая друг друга, они словно взяли молчаливый тайм-аут, который был так необходим им обоим.

Но Максим действительно был всё это время невероятно занят, да и Снежанна тоже всё еще пыталась самостоятельно разобраться с Валеркиными выходками.

– ...Ты знаешь, где она?

– ...Да... Она оставила записку... Что пока всё не уладится, она поживет у Влада... Это какое-то безумие!

Ее била мелкая дрожь, и, позабыв об обозначенной ею же самой дистанции, она отчаянно прильнула к нему, крепко сжав в своих объятьях.

«Вот оно, такое долгожданное, прикосновение...»

У Максима чуть не остановилось сердце...

Но, почти сразу опомнившись, Снежка снова смущенно отстранилась:

– Прости... Я слишком надоедаю тебе своими проблемами... – но, заметив в его глазах игривые смешинки, она, еще больше смутившись, запинаясь добавила: – Извини... Я не хотела тебя обидеть... Я не понимаю, что со мной... – Ее мысли предательски путались, никак не желая ладить друг с другом.

«Ну сколько можно!»

– Может, чаю? Тебе надо немного успокоиться, – как обычно, вежливо поинтересовался Максим и, не дожидаясь ответа, потянулся к кнопке вызова секретарши.

– Нет! Не надо! – Снежка быстро схватила его за руку. – Нет... – уже шепотом добавила она, и ее глаза невольно закрылись. – Я хочу... – Голова отчего-то сильно кружилась, охватившая тело слабость мешала сосредоточиться...

Но она чувствовала, как, уже теряющую сознание, Максим подхватил ее в свои объятья.

«Какая же я дура... Ну и пусть...»

Владу безумно нравилась Валерка. Он вообще балдел от всего того, что она делала.

Но ей было семнадцать!

И когда вчера она появилась у него на пороге поздно вечером, он и представить себе не мог, что ее присутствие окажется для него такой пыткой.

Вначале он даже обрадовался, хотя его всё же очень сильно беспокоило, как ко всему этому отнесется ее мать.

Снежанна... Такая элегантная. Всегда благоухающая какими-то совершенно невероятными ароматами. И строгая... От одного только взгляда этой женщины Влада бросало в дрожь.

Но Валерка была такой расстроенной, что ему ничего не оставалось, как предложить ей остаться. Но только на одну ночь... Или на две... Не больше!

Хотя было очень похоже, что домой она вообще не собиралась:

– Мама меня совершенно не понимает, – уныло сообщила она. – Еще немного – и меня упекут в какой-нибудь монастырь! И это из-за одного только моего нежелания отказаться от конкурса! Можно, я немного поживу у тебя?

– Конечно. Сколько захочешь, – уверенно ответил Влад, хотя вовсе не был в этом уверен.

...Конечно, он хотел. И очень много... Но ни на что не имел права.

До знакомства с ней Влад имел дело только со взрослыми дамами. Да, именно дамами. Но теперь всё это было в прошлом. Все его бесконечные романчики закончились в тот день, когда он встретил Валерку.

С тех пор всё свое время он проводил только с ней.

А ведь еще были желания.

Жизнь иронична...

Приходилось признать.

И вот сегодня они были так близко... И эта однокомнатная квартира вдруг оказалась слишком крохотной для такой взрывной парочки, как они.

А наличие всего лишь одного-единственного дивана наводило на размышления...

Но выбора всё равно не было.

И, ложась спать, Влад себе клятвенно пообещал, что будет благоразумен.

Но, лежа рядом с Валеркой и напряженно вслушиваясь в полночную тишину, он понимал, что она тоже не спит.

«Это безумие, и этого делать нельзя», – твердил он себе, из последних сил стараясь не выдать своего желания.

В конце концов Валерка – видимо, здорово разозлившись, – демонстративно отвернулась к стене и уснула.

Влад же до самого рассвета так и не смог сомкнуть глаз.

Но наконец-то наставшее утро оказалось еще хуже ночи.

Не успев проснуться, Валерка тут же надулась и всем своим видом старательно действовала ему на нервы.

Но даже после этого юноша проявил завидную стойкость.

Быстро одевшись и молча положив перед ней вторые ключи, поспешно ушел: ему предстоял долгий, полный беспокойных событий день агента службы госбезопасности.

Проводив Снежанну домой, Максим направился в свою тихую холостяцкую квартиру.

Его мысли сейчас были так далеки от реальности, что, наплевав на все встречи, назначенные на вторую половину дня, он решил побыть в одиночестве.

Доверившись холодному душу, он минут двадцать простоял под его спасительными струями.

Но сегодня вода не спасала.

При одном только воспоминании о Снежанне каждая мышца его тела снова начинала изнывать от неукротимого желания наслаждаться этой женщиной бесконечно...

...Она отдалась ему прямо на полу – среди беспорядочно рассыпавшихся бумаг и скрепок... И, потеряв счет времени, они наконец-то занялись любовью... Не замечая ничего вокруг, словно того, что было вне их сознания, не существовало.

Произошедшее между ними напоминало юношеское сумасшествие – они вели себя так, будто до этого дня ни один из них и не подозревал о том, что на белом свете существует такое чудо, как секс.

И когда, наконец, они замерли в объятиях друг друга, Максим нежно прошептал:

– Я люблю тебя... Это невероятно, но я люблю тебя...

Снежкины щеки покрылись ярким румянцем, и она застенчиво ткнулась носом в его волосатую грудь, благодарно целуя губами щекочущие волоски.

Боже! Как в тот миг он хотел ее снова!

Но нужно было тормознуть – чтобы Снежка вдруг не решила, что совершила ошибку.

«Женщины... Никогда не угадаешь, что у них в голове. Особенно у этой...»

Снежанна проснулась около шести утра, обнаружив себя лежащей прямо в рабочем костюме на жестком диване, возле раскрытого настежь окна, через которое сердитый утренний ветер задувал холодные капли дождя.

«Похоже, погода снова испортилась...» – промелькнуло у нее в голове, и, сбросив с себя окончательно потерявшую вид одежду и закутавшись в теплый махровый халат, она принялась варить кофе. И на всякий случай включила TV – надо же знать, что творится в этом безумном мире.

Но мысли ее были так далеки от криминальных сводок и курса рубля, что она даже не слышала голоса диктора – так что-то маячило где-то там на экране.

Ее тело всё еще ощущало жадные прикосновения сильных мужских рук.

Но ее сердце вновь молчало. Что с ней? Ее наполняло какое-то непривычное состояние безразличия. Ее ничто не волновало и не тревожило.

Все бесконечные метания, стремление всё успеть, постоянная готовность решать проблемы... Всё это было где-то далеко и совершенно не важно – неуловимо и призрачно, как сигаретный дым. Как было призрачно всё то, что связано в ее жизни с мужчинами.

Кого она обманывала?

Она просто боялась опять почувствовать себя счастливой.

Потому что твердо знала только одно: еще одну потерю она не вынесет.

Снежанна хорошо усвоила, что жизнь – очень жестокая штука. К тому же полна сюрпризов. По большей части печальных.

Хмурое утро выжидающе смотрело в ее окно своим невеселым взглядом.

Задумчивые часы показывали восемь.

«Надо собираться... Работа».

О Валеркиной выходке она больше не думала, ведь изменить что-либо она уже была бессильна.

«Хотя не мешало бы узнать, чем они там занимаются...»

Смешно! Всё было и так понятно. В общих чертах. А подробности? Теперь ей с лихвой хватало своих.

Она не то чтобы не одобряла выбор дочери, просто, как любая мать, она хотела, чтобы у ее любимой девочки было как можно меньше проблем.

А уже пошли вторые сутки, как Валерка находилась у Влада.

День тянулся невыносимо медленно, словно специально заставляя ее еще раз все хорошенько обдумать, давая как можно больше времени на размышления.

Такая неожиданная, а может, слишком долго ожидаемая близость с Максимом нарушила ее спокойное размеренное существование, в котором ей было так уютно и безопасно среди привычного течения обыденных дел.

К вечеру вихрь этих сумбурных мыслей буквально свалил ее с ног.

Вернувшись домой, она тут же уснула.

Максим приехал поздно вечером с огромным букетом чайных роз. Как обычно – улыбающийся и в безупречно сидящем на нём костюме.

И Снежка замерла, ощутив ладонями легкое покалывание упругих розовых стеблей, и в ожидании взглянула на него... Ей вдруг так захотелось... поцелуя... Но Максим лишь вежливо осведомился, как она провела день.

«Ну да! Вежливость – это его всё!» – раздосадованно подумала Снежка и, промямлив в ответ что-то неопределенное, поспешно исчезла в кухне...

...Поставить цветы в воду...

Небрежно бросив на стол благоухающий сверток, она сильно сжала виски ладонями, чувствуя, что начинает болеть голова.

«И это всё?!»

Зловещая мысль сводила с ума, лишая последних капель рассудительности.

С силой рванув пуговицы на блузке, Снежка склонилась над цветами.

– Что с тобой? – услышала она за спиной и, обернувшись, увидела встревоженный взгляд Максима. – Что с тобой? – снова спросил он и, подойдя, нежно привлек ее к себе. Но, заметив в ее взгляде вновь появившуюся знакомую неприступность, грустно улыбнулся:

– Ты всё еще сомневаешься?

Снежанна молчала.

– Ты хочешь, чтобы я ушел?

– Нет, – очень быстро ответила она. – Останься...

Максим отошел в сторону и закурил.

Снежка безмолвно смотрела, как невероятно быстро, превращаясь в прозрачный дым, тает его дорогая сигарета. И как беспомощно дрожит его рука.

Даже огромный золотой перстень на его безымянном пальце, всегда величественно красующийся перед чужими завистливыми взглядами, теперь выглядел грубым и потускневшим, словно был всего лишь дешевой безделушкой.

«Я снова всё испортила! Дура!»

А ей так хотелось броситься к нему на шею и опять вдохнуть его такой пьянящий и уже почти родной запах...

Но молчание затягивалось, и она в отчаянии отвернулась. Чтобы он не увидел ее слёз... Она ведь уже почти плакала...

Наконец потушив сигарету, Максим не спеша достал из внутреннего кармана пиджака маленькую атласную коробочку и, подойдя к Снежке, открыл ее. Это было золотое, усыпанное какими-то удивительными камнями обручальное кольцо.

– Выходи за меня, – негромко проговорил он. – Я так люблю тебя, что не могу больше ждать... Для меня очень важно быть с тобой... Всегда...

– Я что, уродина?! – громко рыдала Валерка. – Почему ты упорно делаешь вид, что меня не существует?

Влад же лишь безмолвно смотрел на свою возлюбленную, по щекам которой катились горячие слёзы. И такая искренняя обида делала ее еще прекрасней.

Одеяло предательски сползло, обнажив ее красивую упругую грудь.

– Ты меня не любишь! – обиженно всхлипывала девочка. – Всё, что ты говорил мне, – неправда! Уже вторую ночь ты делаешь вид, что меня здесь нет!

– Успокойся, дуручка, ну что ты такое говоришь? – наконец как можно ласковее проговорил Влад, пытаясь хоть немного прикрыть ее возбуждающую наготу продолжающим сползать вниз одеялом.

– Не смей ко мне прикасаться! – истерически взвизгнула Валерка и вскочила с дивана. – Что со мной не так? Что тебя во мне не устраивает?!

– Послушай, – снова примирительно попытался продолжить он, – ты меня неправильно поняла... – лихорадочно соображая, как ему быть дальше.

Перед ним стояла обожаемая им девушка с потрясающими формами и совершенно голая! А он, как последний кретин, не позволял себе дотронуться до нее.

Внезапно Валерка смолкла и быстро отвернулась – ее вдруг охватили смущение и стыд.

– Хорошо, – тихо произнесла она, забирая со стула свою одежду. – Я сейчас уйду... Но учти. – Она резко обернулась, и ее глаза вновь сверкнули опасным огнем. – С этой минуты между нами всё кончено!

...Но несмотря на свою угрозу, она всё-таки осталась.

Джинсы и майка тоже остались валяться на полу, безнадежно забытые своей сумасбродной хозяйкой.

...Влад еще никогда не целовал ее так...

Его руки, которые очень медленно и неспешно прикасались к ее телу, дарили совершенно нереальное ощущение единства ее души и его желаний.

А может быть, и наоборот...

Голова кружилась, и всё вокруг казалось сказочным... И Валерка вскоре почувствовала, что Влад уже готов к последнему шагу... но отчего-то медлил...

А он, смотря в ее бездонные глаза, будто стоял на пороге великого открытия, но всё же боялся познать его.

– Ты действительно хочешь этого? – хрипло спросил он.

Но вместо ответа Валерка, густо покраснев, моментально выскользнула из его объятий – сказочная иллюзия почти сбывшегося чуда была безжалостно разрушена этой неосторожной фразой.

Что может быть ужасней, чем быть отвергнутой?

– Не следует делать того, чего не хочешь, – коротко сказала она. – Наверное, я слишком наивна... надеясь на что-то большее...

– Нет, что ты! – Влад поспешно перебил ее. – Я просто очень боюсь, что ты потом будешь жалеть о случившемся... – Его голос был тихим и странным.

Замолчав, он удрученно уселся на краешек дивана и виновато посмотрел на нее.

Но вместо ответа, завернувшись в злополучное одеяло, девушка примирительно уселась рядом и положила голову ему на плечо.

Перед ее глазами почему-то маячил образ Эда... Интересно: а как бы поступил он? Неужели и его тоже пришлось бы упрашивать?

«И зачем мне так мало лет? И почему мысли об Эде так навязчиво преследуют меня? Волнуют. Заставляют думать о нём. Что за напасть? Он ровесник моей мамы! Невозможно!»

Но внутренний голос упрямо твердил: «Ну и что? Нечего искать проблему там, где ее нет. Эд безумно сексуален!»

Но ее мужчиной был Влад. Она же влюблена. И она точно это знает... А Эд...

Пройдет.

Так они и просидели, обнявшись, до самого утра, уже мечтая лишь об одном: чтобы эта ночь поскорее закончилась.

– Как, уже рассвет? – удивилась Снежанна, когда в распахнутое окно ее спальни осторожно заглянул любопытный солнечный луч.

Скользнув по царившему в комнате беспорядку, он смущенно исчез в складках сбившихся на пол влажных простыней, которые были наполнены теплом их обнаженных тел.

Стены, мебель, цветы, небрежно разбросанные вещи...

Здесь даже воздух пах сексом.

Голова Максима блаженно покоилась на Снежкиной груди, глаза закрыты.

– Утро? – разочарованно переспросил он.

– Увы...

– Жаль. И почему эта ночь была такая короткая?

– Неужели? – рассмеялась она, и их губы вновь встретились.

И всё вокруг снова закружилось.

И лишь когда стрелки часов приблизились к половине восьмого, Максим, уже действительно в последний раз поцеловав Снежку, исчез в душе.

На сегодняшнее утро у него было запланировано много дел, но он клятвенно пообещал Снежанне незамедлительно уладить все возникшие разногласия между ней и дочерью и наконец поставить точку в этом затянувшемся конфликте поколений.

Накануне он уже успел кое-что обсудить с Валерией по телефону, но особенного результата это, конечно, не дало.

Единственное, на чём он сумел настоять, – так это на том, что ей всё же придется подписать с приглашающей ее участвовать фирмой несколько договорных документов, которые подготовят юристы его холдинга.

– Хочешь участвовать – ради бога, – тоном, не терпящим возражений, заявил ей он. – Но только после подписания всех необходимых официальных соглашений.

Но даже ответное молчание, раздающееся из трубки, выражало ее крайнее недовольство – Валерка терпеливо слушала, не издавая ни единого звука, демонстративно показывая, что ее вынуждают к этому столь неприятному для нее разговору.

И через пару часов они должны были встретиться и обсудить детали.

Но несмотря ни на что Максим находился на седьмом небе от счастья. Он ощущал невероятный прилив сил – прошедшая ночь сулила непременно удачный день: отныне ему всё по плечу и он готов решать любые задачи, преодолевать любые трудности.

Это было какое-то волшебство – он чувствовал себя всемогущим и полным решимости убедить Валерку вернуться домой.

Но увы, после своей бессонной ночи та, напротив, была совершенно не расположена ни к каким беседам. Тем более к душевным. А с Максимом – подавно.

Но, понимая, что особого выбора у нее нет, она послушно пришла выслушать очередную порцию нудных наставлений. После чего как можно быстрее отправиться восвояси.

– Как дела? – словно ничего и не происходило, приветливо поинтересовался у нее Максим.

– Спасибо. Плохо, – нарочито вежливо ответила Валерка, но на самом деле внутри нее всё кипело, и ровно через мгновение, тряхнув копной беспорядочно спутанных волос, видимо, набравшись смелости, с вызовом спросила:

– Ты ведь на самом деле хочешь узнать, спала ли я с ним?

Такого поворота беседы Максим никак не ожидал.

Ничего себе!

Но что касается тех двух ночей, что Валерка провела в обществе Влада, – тут было всё яснее ясного. И говорить-то особо не о чем.

Даже Снежанна уже смирилась с неизбежным: «Я помню себя в пятнадцать... Что же мне, теперь ее убить?»

В ответ на Валеркины слова Максим задумчиво достал сигареты.

– Боюсь, мне придется тебя разочаровать, – очень спокойно произнес он. – Но я хотел обсудить с тобой совершенно не это.

– Звучит интригующе! – съязвила девушка, до глубины души оскорбленная таким безразличием к ее личной жизни. – И что же такого невероятного ты хочешь мне сообщить помимо необходимости подписания этого дурацкого контракта?

– Мы с твоей мамой решили пожениться, – невозмутимо закончил он, не обратив никакого внимания на ее едкие словечки.

– Правда? – неожиданно лицо девочки счастливо просияло. – Здорово! С ума сойти! – Она действительно искренне обрадовалась этому известию.

Максим нравился ей: «Настоящий мужик! То, что надо!»

Но в следующее мгновение ее глаза потускнели, и она подавленно смолкла.

– Что с тобой? – заботливо спросил Максим. – Может, тебе нужна помощь? Говори! Сегодня я чувствую себя всемогущим! – И он ободряюще подмигнул ей.

Валерка взглянула на него исподлобья и грустно произнесла:

– ...Он не стал со мной спать... Наверное, он не любит меня больше... Это ужасно... Я не перенесу такого унижения... Я прямо сегодня изменю ему! – И в ее голосе послышались воинственные нотки. – Он еще пожалеет! Только вот пока еще не знаю с кем...

Филипп уже второй час кружил по городу в своей ярко-красной «Ауди», пытаясь собраться с мыслями.

До встречи со Светланой оставалось уйма времени, и ему было совершенно нечем себя занять. Домой же ехать ему не хотелось. Что ему там делать? Там ведь никого нет.

Всё сегодняшнее утро он провел в аэропорту, провожая жену и дочь в Болгарию, где они должны были провести ближайшие две недели.

А у него наконец-то наступит долгожданная передышка в его безрадостном семейном марафоне и можно будет расслабиться и отвлечься от надоевших однообразных серых будней,

ненадолго вернувшись в почти позабытый им, но такой заманчивый мир беззаботной холостяцкой жизни.

Такая возможность выдавалась ему, может быть, всего пару раз в год, когда его жена с дочерью уезжали в отпуск, а он оставался наслаждаться каждым мгновением наставшей свободы.

Хотя он и так не отличался особенной привязанностью к своей второй половинке и уже очень давно имел любовницу.

Ею была нынешняя подружка его босса – Анжелика. Красивая. Холеная. Стильная.

Вот уже почти пять лет они неплохо проводили время.

Впрочем, Филю всегда окружали женщины. Ему нравилось это будоражащее состояние поиска. Адреналин. Ему неизменно не хватало остроты в уже случившихся отношениях.

Дамы же с удовольствием отвечали взаимностью.

Казалось бы, чего еще желать-то? Живи да радуйся!

Не получалось...

Что он искал среди этих бесконечных красоток?

Увы... Лишь спустя столько долгих лет он наконец нашел ответ... Который был сколь очевиден, столь и горек.

...Снежанна...

Безумный водоворот воспоминаний беспощадно увлекал его за собой, ворвавшись в его жизнь. Без спроса. Без стука. Без жалости.

Соединив прошлое с настоящим, эта давно забытая им женщина своим появлением сделала его устремления и планы абсолютно бессмысленными. И он с ужасом понимал, что отныне им владеет единственное желание увидеть ее хотя бы еще раз. Но в то же время прекрасно понимал, что это почти невозможно, – ведь она принадлежит другому.

Филипп упорно гнал от себя мысли о ней, зная наперед, что всё тщетно. Что она никогда даже не посмотрит в его сторону. Никогда не заговорит с ним. А значит, никогда и не узнает, как сильно он теперь раскаивается в том, что сделал тогда...

Она. Его первая жена. Его первая любовь. Его первая женщина.

Та, с которой он совершил свои первые глупости, постиг самое сокровенное, навсегда запомнив вкус этой святой порочности... свойственной только юности...

С ней всё было впервые. Восхитительно и незабываемо. Как прыжок с парашюта. Когда, ощущая свободное падение, ты словно взрываешься вверх. Когда от прикосновения почти останавливается сердце. Когда...

И когда только его безумная злость успела смениться отчаяньем?

Невыносимо!

Невыносимо знать правду. Правду о том, что он сам отказался от нее.

«Герой!» ... мать вашу...

... Так появилась Ксения.

Ему было двадцать, и его отношения с ней были более чем стремительными.

Они накрыли его, как цунами, и он уже больше не мог думать ни о чём, кроме нее.

...Она была скорее мила, чем красива – вся такая пышная и манящая.

Высокая, с шикарной грудью и округлыми бедрами; спокойный уверенный взгляд; губы с очень яркой помадой... Но ее это не портило, а лишь эффектно подчеркивало матовую белизну ее кожи.

А еще она курила...

Дымящаяся сигарета в ее руке просто завораживала – изящные длинные пальцы с идеальным маникюром, которые обволакивало легкое облако табачного дыма, обладали какой-то магией, и Филя не мог оторвать от них восторженного взгляда.

Затяжка. Еще затяжка...

Словно заколдованный, он наблюдал, как белоснежная грудь Ксении в весьма откровенном декольте лениво вздымается в унисон тающей сигарете.

Ее небрежная расслабленность была наполнена таким удивительным спокойствием, словно всё в этом мире ею уже было доделано и досказано, а потому совершенно не важно.

Их отношения окрыляли: такие ненавязчивые – без каких-либо обязательств; без глупых проблем, без необходимости к чему-то стремиться, чего-то достигать, пытаться соответствовать.

С Ксенией можно было целыми днями беззаботно плыть по течению – вот так запросто, совершенно бездумно пить водку и ругаться матом, неспешно дрейфуя посреди океана вседозволенности. А по ночам – качаться на крутых волнах упоительного безрассудства, абсолютно не беспокоясь о том, что их ждет утром.

Его покорило, как, смело ворвавшись в его жизнь, она решительно рушила всё вокруг, уверенно создавая свою новую реальность.

Презрительно отметаая всё, что было до себя, Ксения жестко демонстрировала окружающим свое недостижимое превосходство, однозначно давая понять, что никакому прошлому нет места рядом с ее настоящим.

И Филипп, не задумываясь, смело шагнул навстречу этой новой для него реальности, полной азартного драйва, – все последние месяцы они просто купались в лучах собственного обожания.

И, ослепленный своим таким неожиданным увлечением, Филипп не заметил, как неуправляемый ураган его страсти смёл на своем пути всё, чем он так дорожил...

Отношения со Снежанной были разбиты вдребезги – от их любви остались лишь потускневшие осколки. И еще – дочь. Которой теперь было суждено расти без него...

Но тогда Ксения казалась ему вершиной женского совершенства, а всё остальное – ничего не значащей ерундой...

... Тем тяжелее было отрезвление.

И однажды, словно очнувшись от дурного сна, он обнаружил, что его жизнь уже была поделена на «до» и «после». И отныне мало походила на увлекательное путешествие. И все его попытки поймать ускользающее равновесие выглядели жалко и убого.

Всё, что еще вчера казалось таким романтическим, вдруг стало совершенно обыденным, да еще с горьким привкусом того, что он так легко предал забвению.

А еще оказалось, что Ксения всего лишь совершенно обычная – такая же, как и все. Такая же зависимая и слабая. Такая же незащищенная и уязвимая. И окончательно и бесповоротно влюбленная. В него.

И что хочет она того же, что и все обычные бабы, – семью и детей. Эту простую банальную рутину.

Вот так и закончилась эта «волшебная сказка», но отступить уже было некуда, и ему ничего не оставалось, как только жениться вновь. На той, которая из независимой, уверенной в себе хищницы вдруг превратилась в подозрительную, постоянно ищущую подтверждения его неверности истеричку.

Филипп ничего не понимал – он ошалело смотрел на предмет своего недавнего восхищения и недоумевал: и куда только подевалось бывшее очарование?

Словно оглушенный, он с ужасом начинал осознавать, что то, что он считал взлетом, на самом деле было падением.

И не просто падением. Это был крах.

А после рождения Женьки стало еще хуже.

Вот именно с тех пор Филину жизнь украшала бесконечная вереница женщин, с которыми ему было бесконечно скучно. Пресно. И предсказуемо.

Зачем? К чему? Эта нескончаемая монотонная череда многочисленных знакомств не приносила утешения.

Не осознавая этого, он всё искал и искал то незабываемое и теплое, почти детское и ни с чем не сравнимое ощущение настоящего счастья.

Но больше не мог найти. Оно ушло. Навсегда. И безвозвратно.

А недавняя встреча со Снежкой была точно контрольный выстрел.

Наповал. В самое сердце.

«Мне кажется, или я схожу с ума? Мне просто необходимо отвлечься. Любым способом...»

Но наверняка он знал только один.

Анжелика.

Проведя в ее объятьях два часа, Фил почувствовал себя гораздо лучше, еще раз убедившись в том, что просто отличный секс, не обремененный никакими чувствами, является самым лучшим средством прочищения мозгов.

Он был неисправим!

А еще это – отличная привычка снимать стресс, ни на чём не заморачиваясь и ни о чём не заботясь. Это – как чистить зубы по утрам. Хочешь, чтобы не болели, – чисти и всё!

А теперь его ждали дела.

Припарковавшись возле торгового комплекса, откуда он должен был забрать весьма милую молодую барышню, именуемую Светланой, Филя принялся ждать.

И отчего время сегодня тянется так долго? И в груди всё равно почему-то теснится то ли тревога, то ли груз накопившейся усталости?

Но ведь он, как ему казалось, уже уладил все свои внутренние противоречия. Или всё-таки нет?

К тому же ему так не хотелось тащиться в загородную резиденцию Эда. Да еще всю дорогу слушать глупую Светкину болтовню.

И хотя они неплохо ладили, всё же в последнее время она стала невероятно сильно раздражать его.

Хорошенькая, почти красивая – слегка вздернутый носик, губки бантиком, длиннющие ноги... Всё при ней...

Но на Эда другие и не работали!

«Эстет, блин!»

Смазливая, а в голове одни опилки!

Филя взглянул на часы – ровно через три минуты она появится из главного входа, и так как выбора не было, они быстро смотаются за город. Шурик примет товар – и он наконец будет свободен до завтрашнего утра.

Но что всё это значит?

Филя снова посмотрел на часы – прошло уже больше пяти минут. Светка опаздывала.

Странно! Обычно она точна и пунктуальна – ведь они обязательно должны придерживаться графика, в котором заранее оговорены все условия встреч и передачи товара. И еще никогда не было сбоев – всё неизменно четко и отшлифовано годами их совместной работы.

Но следующие пять минут тоже закончились.

«Что-то случилось!» – просигналил ему мозг и оказался абсолютно прав.

Из стеклянных дверей центрального входа вдруг с истерическими криками стали выбегать посетители.

А одна весьма полная женщина, случайно обо что-то спотыкнувшись, грузно рухнула на асфальт, и на нее сверху тут же начали падать бегущие следом за ней люди, образуя живое

препятствие на пути всех тех, кто еще находился внутри, но тоже рвался наружу вслед за всеми остальными. К спасению.

С детьми, тележками, пакетами, набитыми доверху всякой всячиной, перепрыгивая, перешагивая через друг друга, все они неслись вперед, образуя совершенно невообразимое месиво из рук, ног, голов... И увеличивающееся с каждой минутой.

Прямо на глазах удивленных прохожих, которые, как загипнотизированные, обалдело смотрели на происходящее – естественно, ничего не понимая.

И когда только все они, несущиеся вперед сломя голову, успели превратиться в совершенно обезумевшую массу рвущихся к спасению «непонятно кого»...

Да и от чего они, собственно, спасались?

Ведь все эти люди только что беззаботно прогуливались по, расположенным внутри магазинчикам, сидели в кафешках, посещали SPA и тренажерные залы – одним словом, вели себя, как вполне разумные существа.

Но сейчас...

И, смотря на это совершеннейшее безумие, можно было с легкостью представить, что творилось на уходящем под воду «Титанике» ...

Ну просто полный п...ц!

Вот это и называется паникой. А паникующая толпа – страшное действо! И не дай бог в нём участвовать!

И, стараясь сохранять хотя бы внешнее самообладание, Филипп, выйдя из машины, как можно неспешней направился к одному из боковых входов, из которого, на удивление, почти никто не выбегал – все ломились в центральные двери.

И Филя абсолютно беспрепятственно оказался внутри.

В главном холле тоже царили хаос и неразбериха.

Но среди напуганных и мечущихся в поисках выхода людей, оказывается, были и те, кто бесстрашно и несмотря ни на что предпочитал оставаться в самой гуще событий.

И эти «те» совершенно невозмутимо, увлеченно снимали весь этот кавардак на камеры своих мобильных.

И их небольшое, но всё-таки множество, образуя в самом центре зала плотное полукольцо – замкнуть его им не позволяли местные секьюрити, – с любопытством наблюдало за тем, что будет происходить дальше, словно это было какое-то «реалити-шоу», а не происходящее на самом деле событие...

В основном, конечно, молодежь.

Секьюрити же, точно по чьей-то команде, все как один висели на телефонах, причем одновременно, и безуспешно пытаясь навести хоть какой-нибудь порядок на вверенной им территории.

Но их никто не слушал.

Подойдя ближе, но всё же держась на расстоянии, Филя просто остолбенел, парализованный увиденным.

На мраморном полу в какой-то немыслимой позе лицом вниз лежала Света. Ее платиновые волосы слиплись от крови. Длинная юбка из красного шелка не к месту сбилась, обнажив пару точеных ножек.

«Она мертва!»

...И это было ужасно.

Но еще более ужасным было то, что пропал бесценный кейс, за сохранность которого они оба отвечали головой.

На правую руку девушки, как и полагалось, был надет миниатюрный стальной наручник, обычно скрытый от посторонних глаз манжетой ее пиджака.

Но сейчас он был выставлен на всеобщее обозрение, демонстративно торча из-под так некстати задравшегося рукава.

Лоб Фили покрылся испариной. В висках стучало.

Ему был просто необходим глоток свежего воздуха.

Где-то уже совсем недалеко послышался звук полицейской сирены.

«Еще немного – и здесь начнется нечто невообразимое. Менты будут трясти всех подряд и без разбора. Только этого мне и не хватало – сесть в тюрьму во второй раз!»

Звук неумолимо приближался. Нужно было очень быстро исчезнуть из этого места. Немедленно. И сообщить обо всём Эду.

И, проворно двинувшись уже вместе со всеми к выходу, он снова оказался на улице.

«Слава богу!»

...Но... чей-то пистолет больно ткнулся ему в спину...

«Сегодня мой день! Я создал сенсацию!»

Эд чинно восседал на почетном месте председателя жюри.

Радостно улыбаясь в камеры телевизионщиков и откровенно любуясь Валерией, беспрецедентно и единогласно выбранной королевой этого года, он чувствовал себя счастливейшим из смертных.

«Никто не сможет меня упрекнуть в том, что это я повлиял на голосование. Она – чудо во плоти!»

Действо приближалось к своему апогею – церемонии вручения главного приза – короны – и множества разнообразных поощрительных сертификатов для остальных участниц.

Валерка стояла в центре сцены в пышном белоснежном платье, стоившем Эду сумасшедших денег, но он был доволен как никогда – ведь ему вновь удалось добиться головокружительного успеха – и опять чувствовал себя почти богом.

Небрежно развалившись в своем кресле, он с нескрываемым наслаждением наблюдал за происходящим.

Цветы. Сияние прожекторов. Поздравления. Восхищение спонсоров. Слезы радости и печаль проигравших. Сбывшиеся мечты и разбитые надежды.

Всё это блесело, шевелилось, отражалось в разноцветных складках бальных платьев участниц чудесной радугой, делая происходящее какой-то невероятной феерией.

Но тут кто-то осторожно коснулся его плеча.

Эд недовольно обернулся – это была одна из его многочисленных секретарш, сообразительная, но иногда крайне надоедливая особа.

И Эд хотел уже было рассердиться, но по выражению ее лица понял, что случилось нечто серьезное, – она была сильно бледна и казалась напуганной.

– Вот. – Дрожащей рукой она протянула ему записку и тут же предусмотрительно исчезла, чтобы больше не мешать...

Как будто после такого известия можно было думать о чём-то еще, кроме как о том, что теперь делать...

– Полезай в машину! – в следующий момент услышал Филиа позади себя знакомый голос и обернулся: это был Шурик.

– Ты что, не понял? – снова рявкнул тот, теперь уже тыча ему в бок пистолетом, спрятанным в кармане своего неопрятно измятого плаща.

И Филе ничего не оставалось делать, как исполнить его «просьбу».

Шурик же вслед за ним взгромоздился на заднее сиденье, не спуская с него глаз и постоянно держа на прицеле.

...Наконец, удобно устроившись и подозрительно оглядевшись по сторонам, он командовал:

– Поехали! – И Филя рванул машину с места.

Но, проехав несколько кварталов, резко затормозил.

Глаза Шурика нервно забегали, и он еще крепче вцепился в ствол, который теперь даже не считал нужным прятать.

Заглушив мотор, Филипп обернулся и зло спросил:

– Какого хрена ты затеял всё это дерьмо?

Левый глаз Шурика, казалось, еще немного – и вылезет из орбиты.

«Окончательно обдолбался...» – подумал про себя Филя, смотря на совершенно отупевшее – видимо, уже от достаточно долгой наркотической эйфории – лицо самого близкого друга Эда.

– Поехали, я сказал! – еще более противным голосом взвизгнул Шурик. – Или я тебе дырку в башке сделаю!

Его руки дрожали, а некогда красивые глаза сейчас были глазами безумца.

Филя краем уха слышал, что он в последнее время вроде бы серьезно пристрастился к ****. Но чтобы до такой степени? Чтобы пойти против Эда?! Ну просто полный абзац!

Единственное, что было понятно, – так это то, что теперь он сам невольно оказался впутанным во что-то такое, что, вполне возможно, может стоить ему жизни. А может быть, и не только ему.

То, что Шурик подставил всех, Эду явно не понравится. И это еще мягко сказано.

Но зачем? Неужели этому бездельнику плохо жилось под теплым крылышком такого воротилы? Какая муха укусила этого придурка, купающегося в деньгах, проживая каждый божий день в свое удовольствие?

Сказать, что Филя был зол, – это не сказать ничего. Но еще больше он был растерян, так как не находил ни одного разумного объяснения происходящему.

«Я в ловушке», – эти слова, точно набат, стучали в его голове.

Шурик же молча сидел, сверля его своим совершенно обезумевшим взглядом.

И тут Филипп заметил, что на его коленях лежит кейс... тот самый пропавший кейс... забрызганный кровью...

«Бедная Светка...»

При виде этих уже немного подсохших пятен Филя почувствовал, что ему становится дурно, и отвернулся.

Положение было – хуже не придумаешь!

Еще через мгновение у Филя в мозгу мало-помалу начала вырисовываться жуткая картина: значит, это Шурик, сам лично, убил ее. У этого кретина совсем поехала крыша, если он начал убивать своих!

Непонятно только одно: почему?

«Но какая теперь, собственно, разница? Теперь я заложник этого проклятущего наркоши!»

Время шло, и Шурик всё больше погружался в прострацию, но всё же продолжал держать ситуацию под контролем.

Он упрямо шел к какой-то неведомой цели, известной лишь ему одному, и, по всей видимости, ему было глубоко плевать, сколько еще трупов он оставит на своем пути.

– Ну! – снова истерически взвизгнул он. – Поехали!

И тут Филя вдруг почувствовал невероятную усталость.

Неожиданно и совершенно не к месту перед его глазами стали проноситься события из его жизни. Но эти видения были какими-то безликими. И Филе захотелось раскрасить их в самые яркие цвета, вдохнуть в них тепло и радость, прожить заново эти драгоценные минуты...

Но реальным было только дуло Шурикова пистолета.

– Куда едем? – безразлично спросил Филя, заводя мотор.

Эд еле досидел до конца шоу.

Фотовспышки, аплодисменты, восторженные отзывы прессы о его находке – «девочке-мечте»... Всё это теперь лишь выбешивало.

Ну это же надо! Пока он тут развлекался, купаясь во всеобщем внимании, у него практически из-под носа были похищены бесценные документы! И это не считая кучи денег и личной партии отборнейшего белого порошка для VIP-клиентов!

Да еще кем? Его ближайшим другом! Человеком, которому он доверял, как самому себе!

Но шоу нельзя было отменить, и ему вместе с Валерией всё же пришлось сделать кучу фотоснимков. Реклама – дело святое!

Но счастливая улыбка теперь давалась ему с неимоверным трудом – все его мысли были заняты похищенным кейсом.

И хотя Эд совершенно не сомневался в том, что его люди очень скоро поймают непонятно отчего вдруг взбесившегося Шуру, тем не менее случившееся сильно действовало ему на нервы.

Наблюдая за всем этим со стороны, Максим, тоже присутствующий в зале (Снежка наотрез отказалась всё это видеть!), был несколько озадачен: отчего это вдруг Эдик так загрузился? И сразу как-то заспешил?

Никто из присутствующих, конечно, не заметил этого, но Максим слишком давно и хорошо его знал: «Что же это могло значить?»

Но времени на выяснения не было – через три часа у него самолет, его ждут в Вене. Контракты должны быть подписаны в срок. И еще у него были назначены кое-какие встречи.

«Если что-нибудь серьезное – узнаю после», – и, весело подмигнув Валерке, Максим направился к выходу.

Эд же был вне себя. Даже решил не участвовать в праздничном фуршете и категорически настоял на том, чтобы и Валерия покинула торжество вместе с ним: «Нечего ей здесь болтаться! Тем более без меня!»

– Выпускной бал! Это очень важно! И вручение аттестатов, – многозначительно прокомментировал он свое решение присутствующим, напустив на себя всю серьезность, на какую только был способен. И, вручив Валерку Владу, назидательно добавил:

– Доставить до дома в целости и сохранности! – А про себя подумал: «Собственными руками отдать это чудо какому-то мальчишке! А ведь мы должны были провести вместе целый вечер! Я задушу этих гадов лично! Сорвать мне все планы! Только вот доберусь до них!» – и, лучезарно улыбнувшись прессе, поспешно скрылся за спинами своих телохранителей – подальше от любопытных глаз. Особенно от всевидящего ока Макса. «Еще только с ним мне сейчас не хватает разборок!»

Но, с удовлетворением всё же успев заметить, как удивленно, а скорее – с плохо скрываемой досадой Валерка посмотрела ему вслед. Видимо, тоже ожидая от вечера нечто большее. А тут такой облом!

«Неужели запала? А может быть, просто хочет еще больше славы? Слава – наркотик».

И всё же... Как она хороша!

Похоже, что его наркотиком теперь была эта девочка. Он жаждал дозы. Но был вынужден уйти.

Филипп послушно вел машину и раздумывал над положением, в котором он оказался.

Сейчас его жизнь полностью зависела от идиота, сидящего у него за спиной и которому вдруг почему-то захотелось почувствовать себя бравым техасским ковбоем. И его пистолет был явно снят с предохранителя. Как, впрочем, и всегда.

«На всякий случай!» – его любимая прибаутка.

Раньше Филя и не задумывался, насколько это могло быть опасно. Но теперь...

«Нет, Шура точно свихнулся! На что он надеется? Его всё равно пристрелят. Эд не даст ему уйти с такими деньгами».

Они выехали на Невский. Поток машин резко увеличился, и Филе пришлось сосредоточиться на дороге.

Шурик изредка давал указания по поводу маршрута, и, судя по всему, они двигались в сторону Московского вокзала.

– Мы должны попасть в камеры хранения, – наконец изрек он. – Я должен спрятать кейс.

В остальном речь Шурика состояла из отборных ругательств вперемешку с приступами кратковременных истерик и коротких безмолвных пауз перед очередным припадком ярости.

Филя взглянул на часы – оказывается, прошло всего полчаса с момента убийства. Ему же казалось, что этот кошмар длится уже целую вечность.

Но Эд наверняка уже всё знает. И его головорезы наверняка уже начали поиски. А этим красавцам хватит и получаса, чтобы...

Об этом не хотелось даже думать. А парализующая сознание мысль навязчиво и неотступно зомбировала своей жестокой конкретностью: «Они убьют не только этого придурочного Рэмбо, но и меня! Хотя нет. Сначала они захотят получить назад деньги».

Они с трудом припарковались, причем в неподобающем месте.

Ну как бельмо на глазу! Но с Шурой лучше было не спорить.

– Вылезай! – вернувшись в себя, он снова начал командовать. – Только без фокусов!

«Интересно, как он с такой рожей пройдет мимо охраны? А еще везде рамки металлоискателей».

Но выбора не было.

Филя послушно шел рядом со своим похитителем, а в его бок упиралось холодное дуло пистолета.

Возможно, сейчас он станет свободным. Впереди пост пропуска...

Но боги! Они вошли просто так! Какие к чёрту рамки? Хоть пронеси тонну тротила! Никто и не заметит!

Совершенно задолбанные полицейские возились с целой кучей галдящих на весь зал ожидания цыган.

Так не бывает! Но, похоже, в его случае надежда – всегда призрак...

«Сколько же мне осталось жить? Час? Два?»

Тем нелепее сейчас выглядели проделки его юности – когда вместе с еще такими же, как и он, обалдуями, неудачниками-спекулянтами они по ночам «раздевали» припаркованные во дворах машины.

То были безрадостные 80-е – время всеобщего дефицита. Когда, минуя прилавки еще тогда государственных магазинов, продавалось и покупалось всё, что можно было где-нибудь достать.

Вот они и доставали.

Колёса, лобовые стёкла, боковые зеркала... И еще куча всякой ерунды, которую в те далекие времена можно было выгодно толкнуть на толкучке.

Ну а за автомобильные запчасти давали стабильно хорошие деньги.

Одним словом, им тогда это казалось весьма удачной затеей.

Причем всё это безобразие совершенно не мешало Филя учиться в одном из престижнейших питерских ВУЗов.

Впрочем, как и его горе-друзьям. Все они были новоиспеченными студентами.

Вывавшись из душных школьных коридоров на такую долгожданную свободу, они сразу же решили не тратить время попусту. Смекалка и еще раз смекалка! И вот результат: они, имея при себе достаточно приличные деньги, наконец-то почувствовали себя взрослыми. Ведь с самого начала этой заварухи они были совершенно уверены в том, что именно деньги дают настоящую независимость. И в первую очередь от родителей.

А еще существовала огромная армия симпатичных девушек, которым нравились щедрые мужчины, а не какие-то сосунки-первокурсники.

Так что их путь был сколь прост – столь и рискован. Но отказаться от него они были уже не в силах.

Разгульные вечеринки – вино, сигареты с ментолом (в те времена очень круто!), поездки за город большими шумными компаниями... Всё это было так здорово! По-взрослому! Быть в центре внимания, сорить деньгами, влюблять в себя девчонок... Все эти «раскрашенные куклы» тогда были пределом их мечтаний! Стыдно вспоминать!

А их собственные прически? Господи! И кто только надоумил их выкраситься в эти невероятные цвета?!

Филя, естественно, был круче всех! Его чернящая шевелюра узкой полосой, прямо вдоль пробора, была окрашена в ярко-ярко-рыжий цвет. И почему он только решил, что этот идиотизм вообще может кому-то нравиться? Но он был невероятно горд собой!

...Жизнь налаживалась...

Но им постоянно необходимы были всё новые и новые средства.

Так что ночь за ночью они снова и снова совершали свои разбойные вылазки.

Что это было? Романтика? Скорее невероятная глупость! А на языке закона – попросту воровство!

О чём они только думали? Особенно он, когда покупал оружие – настоящий боевой обрез?!

А еще они угнали чью-то новенькую «Волгу»! Прямо среди бела дня! От какого-то министерства... Зачем?

О, вот это была погоня! Как в кино!

Правда, через несколько кварталов машину пришлось, конечно же, бросить. И они даже каким-то чудом еще и умудрились сбежать от ментов...

... Хотя, как выяснилось, ненадолго...

...Сначала ему показалось, что всё происходящее – это просто кошмарный сон.

Его вели по длинным тюремным коридорам, от тусклого освещения которых и липкой сырости на стенах его начало невероятно тошнить, а от бесконечной вереницы металлических лестниц и зияющих пустотой пролетов ужасно кружилась голова.

Сердце билось часто-часто. В ушах звенели гулкие шаги конвоя.

«Спокойно, надо просто сосредоточиться, – твердил себе Филя, – скоро наступит утро, и я проснусь».

Но шаг. Еще шаг. Опять и снова... Уже испуганный и несмелый. И с каждым мгновением становилось всё страшней и страшней, а хмурые тюремные коридоры – всё длиннее и длиннее.

Всё произошло так быстро, что он даже не успел опомниться, как очутился сначала в КПЗ, а потом, через двое суток, – уже здесь, в СИЗО. На Арсенальной...

За ним приехали под утро, когда весь город еще мирно спал, беззаботно досматривая сновидения.

Мать убито смотрела, как два опера бесперемонно обыскивают его комнату.

Отец, мертвенно-бледный, стоял отвернувшись к окну, изо всех сил стараясь сохранять спокойствие.

А в Филиной голове почему-то вертелся его вчерашний разговор со Снежкой...

Они не виделись уже несколько месяцев, но накануне всё же решили встретиться. И отчего-то именно вчера.

Он позвонил ей ближе к вечеру. Ему вдруг, неожиданно даже для себя, захотелось увидеть ее.

И теперь он точно знал: это было предчувствие.

Поэтому вчера, как-то вдруг, вначале совершенно не собираясь, он рассказал ей всё.

И, видимо, поэтому сейчас, стоя посреди своей комнаты в окружении спящих туда-сюда милиционеров, он так отчетливо видел перед собой ее глаза, полные неподдельного ужаса:

– Ты в своем уме? – после услышанного не переставая твердила она. – Тебя же посадят!

– Не говори ерунды! – недовольно огрызнулся он ей в ответ. – Умные люди не попадают! А лишние деньги – не помеха.

Но в конце концов она разозлилась:

– Врешь ты всё! Ты просто вруша! Это не может быть правдой! Я не верю тебе!

– Это еще почему? – удивился Филя. – Все верят, а ты – нет!

– Вруша! Вруша! А еще – дурак безмозглый!

– Хватит! – Филя никак не ожидал такой реакции: «Всем нравится, а ей – нет!» – И, вообще, – категорически тогда заявил он Снежке. – Хватит меня пилить! Ты не моя мама!

Кончилось тем, что они снова поссорились.

Блестяще! Ради этого стоило встретиться!

Но слова, сказанные ею на прощанье, именно сейчас всплыли в его сознании с безжалостной очевидностью их абсолютной правоты:

– Когда тебя посадят – даже не думай жаловаться! Мне будет совершенно всё равно, где ты и что с тобой!

И она ушла.

«Ну и ладно! Переживу как-нибудь!»

«Дура!»

...Но ему стало очень грустно. Будто он остался один. Совсем один на этом свете. Снежка... Его Снежка... Как она могла?

Он понял только сейчас. Что она была просто слишком зла на него... в тот вечер...

Словно почувствовала, что его ждет беда... и что она уже так близко...

И вот он был здесь. Один. Идущий под конвоем по длинному тюремному коридору... Вперед... И без вариантов...

Холод. Холод. Холод.

А еще очень хотелось есть. И спать. Даже непонятно, чего больше.

Тело ныло. Мучил кашель.

Хоть и весна, но тепла так и нет... Это же Питер! Так что хотеть от «Крестов»?

Тонкая серая роба не грела. А он уже почти сутки сидел на каменном полу – стоять просто не было сил.

Кровать отстегивается от стены лишь на ночь, а поутру – всё сначала.

Таковы правила для карцера. Это такая маленькая-маленькая комнатка. Одиночка.

Но попал он сюда совершенно заслуженно...

Последние несколько суток – это только бесконечные драки в камере.

Филя так и не понял: а может быть, он уже кого-то убил? И теперь его будут судить еще и за убийство? Хотя уже хорошо, что не убили его самого. И это реально было настоящей удачей.

Но те – типа «крутые», как они сами думали, ребята – просто еще не знали, на кого нарвались.

Уроды!

«С такими глазками – только в девочки!» – услышал в свой адрес Филя, лишь только переступил порог камеры... А дальше последовал удар. Сильный. Очень сильный.

И стало очень обидно. А еще больше – страшно. Оттого, что его могут сломать.

И он дрался. Дрался несколько дней подряд. Пока, похоже, не проломил кому-то голову. Или чего-то не сломал.

И вот... Практически отдельный номер! В лучших традициях этого заведения!

Но, по крайней мере, никто не бьет. И живой.

Только холодно.

Сам же он с головы до ног был в синяках. И всё болело.

Утро. День. Вечер. Ночь. Всё слилось в бессмысленном движении по кругу, и уже было совершенно не важно, что происходило, зачем и куда стремились в итоге.

Просто больше некуда было спешить. А наказание в одиночке когда-нибудь всё равно закончится.

Так и случилось...

Его вернули в ту же самую камеру...

И он уже приготовился к схватке... Но теперь всё было по-другому:

– Наш чел – никого не сдал! – услышал он одобряющий гогот со всех сторон, после того как массивная железная дверь за ним плотно закрылась.

– Да пошли вы!

«Наш чел!»

Еще бы! Он дрался, как зверь. Вся накопленная внутри злость – на себя, на «друзей-подельников»...

... «Подельники!» ... Это Артём-то с Пашкой? Да какие из них подельники?! Слились, как последние... Как говорится, так, ни о чём...

... На всё то, что осталось там, на воле, и отныне было ему недоступно... И, на всё то, что еще недавно казалось совершенно невозможным... Оказаться ... в тюрьме...

... Было вложено в нанесенный им ответный удар.

И его положение среди сокамерников изменилось – стало, если можно так сказать, более комфортным...

Умение работать кулаками сделало свое дело – и теперь Филя чувствовал себя настоящим мужиком. С большой буквы «М».

И отныне его бархатные глаза больше не были предметом запретных желаний.

И можно было немного расслабиться.

И хотя было всё так же холодно, он всё-таки умудрился отоспаться. Даже получив в пользование кровать! И это в переполненной-то камере! Заслужил! Что было очень непросто. Но он смог... И даже не понял как...

Просто другого выхода не было: или стать, или погибнуть...

Еще в КПЗ он узнал, что «малолетка» – это страшно. И это оказалось правдой. Ни законов, ни правил, а лишь круглосуточный беспредел. Как среди ЗК, так и среди надзирателей...

Беспрестанные шмоны, построения, переключки... В любое время суток...

А за любую провинность – удар, удар, удар... За неповиновение – карцер...

Резиновая дубинка как средство дрессировки...

Но ему всего-то нужно продержаться девять месяцев – до совершеннолетия. А там – «взросляк».

Дожить бы... И теперь он точно и лично знал, что уйти с «малолетки» – это как заново родиться...

И Филя ждал. А точнее – получал бесконечные уроки мастерства по тюремному выживанию, где каждый его день уже давно превратился в борьбу за возможность увидеть следующее утро.

Но люди привыкают ко всему – и он наконец пришел в себя.

Вдоволь наспавшись, он с удивлением обнаружил, что появились мысли и он понял, что может думать еще о чём-то, кроме как о том, наступит ли для него завтра и почему в эту преисподнюю попал только он... И это вместо того, чтобы учиться... любить...

Любовь... Здесь и сейчас смысл этого слова для него равнялся молитве.

Любовь была его единственной надеждой... верой в то, что где-то там, далеко-далеко, кто-то до комка в горле родной еще помнит о нём...

И он заклинал всех богов, чтобы они сжалились над ним. Над его глупостью... И сделали так, чтобы она помнила...

Пистолет Шурика больно упирался в бок. И всё происходящее было до отвращения реально.

История повторялась. Снова.

...Но вот помнил ли о нем бог?.. Теперь...

Тем временем взбешенный Эд метался по своему кабинету, извергая неистовые проклятья.

Оставшись один, он наконец дал волю накопившимся за эти часы эмоциям.

«Предатели! Ворюги! Украла не просто деньги, а важные документы! И откуда они только узнали, что в кейсе не только бабло? Там флешка! Она просто бесценна! И что деньги предназначались Максу! Ведь чтобы обналичить такую сумму, нужно время!»

Время! Время!

Эд машинально уставился на часы: прошло уже сорок минут, как его люди начали поиски этих недоумков. Но известий пока не было.

«Какого чёрта происходит?! Разве я мало платил им?»

Прошло еще полчаса.

«Ну и ну! А этот Филипп оказался еще тем кренделем!»

Он взял Филю к себе на работу лет пять назад... Платил очень хорошие деньги... И, насколько ему было известно, тот не был обременен какими-то суперобязанностями... Так что всё это значит?

Эду нравились его покладистый характер, сообразительность. Диплом физтеха – это серьезный аргумент. Плюс кандидатская... И в самое ближайшее время он собирался дать предложить ему повышение...

Удивительно, но его собственная служба безопасности, последние две недели наблюдавшая за Филиппом круглосуточно, дала положительную оценку его надежности.

Но случилось то, что случилось. И зачем только они украли кейс? Или их перекупили конкуренты?

«Не могу поверить! Чтобы Шура...»

Наконец сотовый дал о себе знать.

– Босс, – услышал он как обычно весьма бодрый голос Капы. – Мы их засекли: они в районе Пулково – движутся по Московскому шоссе.

Эд почувствовал невероятное облегчение:

– Они нужны мне живыми, а главное – кейс...

Игорь устало прилег на диван и закрыл глаза – у него сильно болела голова, он чувствовал себя вконец измотанным и разбитым.

Еще с самого раннего утра он мечтал, придя домой, хорошенько выспаться, но теперь его неотступно преследовала мысль об убитой девушке, труп которой он осматривал несколько часов назад.

Молодая. Красивая. Ее нашли мертвой в главном холле одного из самых крутых торговых центров Питера.

Наркотики – слишком многое указывало на это, И эта девушка была не просто девушкой, проходящей мимо.

Его отдел уже почти год расследовал причину внезапной гибели целой группы подростков.

Пять мальчиков почти одновременно скончались от передозировки высококласным ****. Причем ни один из них не был наркозависимым. Но количество порошка, найденного при обыске их одежды, могло легко умертвить еще человек десять.

Мальчишки... Им не было еще и шестнадцати. И за их убийство должен был кто-то ответить.

Пока Игорь не столкнулся с наркотиками вплотную, всё то, что говорилось и писалось об этом принимающем угрожающие размеры социальном явлении было для него абсолютной абстракцией – всего-навсего ежедневной сводкой с бесстрастными цифрами. Не более того.

Но так бывает всегда и со всеми. Тебе кажется, что это происходит где-то далеко, в другом мире. И что лично ты защищен от этого зла...

Но после увиденных им воочию этих детских смертей всё изменилось.

Двоих мальчиков Игорь хорошо знал – они учились в одном классе с его сыном. И волею судьбы в ту ночь именно его группа выехала на место происшествия.

На момент их прибытия все пять мальчиков уже находились в глубокой наркотической коме. Двое из них скончались еще до приезда неотложки. Остальные почти одновременно умерли в реанимации.

Буквально на следующий день вся центральная пресса обвинила местные власти в бездействии, а Москва вынуждена была взять ситуацию под контроль.

Но всё было хуже некуда – похороны превратились в широкомасштабную акцию скорби, и уже вечером того же дня губернатору пришлось сделать официальное заявление о том, что он лично возглавит расследование, проводимое органами МВД.

Пытаясь хотя бы немного успокоить горожан и хоть как-то обуздать полёт фантазии журналистов, он решительно заверил общественность в том, что со стороны властей уже приняты все необходимые меры для задержания преступников.

Но, естественно, в это никто не верил: «Как всегда, одна болтовня!»

И были абсолютно правы – расследование, к которому были подключены лучшие силы питерских криминалистов, почти сразу зашло в тупик. Сбор улик затягивался в связи с практически отсутствием таковых.

Опросы родственников и друзей погибших тоже ничего не дали. Круг общения ребят был ничем не примечателен – ничего такого, чтобы навести на след.

Время шло, и становилось совершенно очевидно, что у полиции не было ни малейшего шанса найти что-либо. Ровным счетом ничего, что могло бы помочь сдвинуться с мертвой точки.

Оставалась одна-единственная версия – групповое самоубийство. Но это выглядело уж как-то слишком нелепо. Все понимали абсурдность этого вывода.

Убийство – вот истинная причина их гибели. Но вот как доказать это?

... И вот с момента этой трагедии прошло уже больше года, а у Игоря до сих пор не было ничего конкретного – не было даже мотива! НИ-ЧЕ-ГО-ШЕНЬКИ!

Каждый раз пытаясь восстановить более-менее разумную цепочку событий, Игорь рано или поздно обязательно терял ту единственную путеводную ниточку, которую с таким трудом находил среди царившего вокруг хаоса.

Его поиски напоминали бег по замкнутому кругу.

Тела мальчиков нашли вечером в парке, примерно на расстоянии ста метров друг от друга, без каких-либо следов насилия.

Осмотр места преступления тоже ничего не дал.

Однако возле одного из мальчиков была найдена визитка служащего известного питерского холдинга «****». Но этой неоднозначной находке нельзя было придавать слишком большого значения – всё-таки парк, здесь имеют право гулять все, кто желает. И, прогуливаясь, случайно ее обронить.

Но Игорю почему-то думалось, что разгадка этой жуткой трагедии кроется именно в этом клочке бумаги.

Чутьё сыщика подсказывало ему, что это верный путь.

Но начальство отреагировало на его предположение весьма сдержанно – подозревать корпорацию с безупречной репутацией?! Нет, от этого может быть слишком много проблем! Тем более это были лишь одни догадки.

Тем не менее Игорь всё-таки поручил своему помощнику собрать как можно больше информации о роде деятельности этой компании – о связях, сфере влияния.

Но Влад только спустя несколько долгих месяцев, и то совершенно случайно обнаружил одно очень странное направление в сфере логистики отдельных подразделений холдинга.

И возможно, это и был канал искомого ими наркотрафика. И не возможно, а скорее всего.

Было проведено еще одно – еще более тщательное расследование.

Суммировав полученные сведения, группа Игоря теперь уже вплотную занялась сбором информации на учредителей. Точнее – на учредителя...

И с каждым следующим шагом становилось всё более понятным, что та визитка имела наипрямейшее отношение к делу.

Но нужны были железобетонные факты! А их не было!

Хотя Игорь с Владом работали не покладая рук: день за днем они скрупулезно проверяли, перепроверяли, анализировали... Искали хоть что-нибудь...

Но всё без толку!

Президент холдинга «****» был одним из самых уважаемых предпринимателей Петербурга – широко занимался благотворительностью и в связях, порочащих его высокоморальный облик, замечен не был. Не человек, а хрестоматия по хорошему тону!

Его многочисленные подчиненные строили свою жизнь по тому же принципу – корпоративный дух: во что бы то ни стало ты должен соответствовать, не противоречить, не выделяться из коллектива своими экстравагантными представлениями о чём-либо.

Короче, ничего интересного.

Налоговый аудит тоже ничего не дал – зря они выпрашивали его проведение у самого министерства. Им даже дали людей, чтобы никто в холдинге не заподозрил неладного.

По итогам проверки выяснилось: дела велись безупречно. Даже как-то очень. Чересчур гладко. Ни одного, самого малейшего нарушения! Похоже, безупречность – их лозунг.

Всё было в таком шоколаде, что удивилось даже само министерство. Но что оно могло? Надо было радоваться, но все недоумевали.

На том всё и закончилось.

...Но сегодня была убита девушка. Безжалостно и жестоко.

Среди ее вещей была найдена записная книжка – по нынешним временам большая редкость. Так, со всякой ерундой: диеты, рецепты омолаживающих масок, адреса салонов красоты... Но среди всего этого девичьего спама попались данные всё той же злополучной кор-

порации. Причем без каких-либо опознавательных знаков – просто цифры. Но сыщики из его команды, номера этих телефонов знали уже наизусть!

В ее мобильник эти телефоны вбиты не были. Зато было много других – тоже без имен и аватарок. Они тоже дублировались и в ее записях на всякий случай – значит, очень важные. И их нельзя было терять. Они всегда должны быть под рукой. На случай, если всё же мобильник будет потерян.

Всё это не могло быть просто совпадением. И связь между этими двумя убийствами еще нужно будет доказать. Но Игорь чувствовал, что они наконец вышли на верный след.

Слишком уж много смертей вокруг такой процветающей империи.

Электронные часы показывали 23:30.

Валерия внимательно рассматривала себя в зеркало, и то, что она там видела, вполне устраивало ее привередливый взгляд.

На ней было надето легкое платье из голубого шёлка – глубокое декольте, пышная юбка. Туфли на очень высоком каблуке... Всё это отлично гармонировало между собой и смотрелось на ней просто отменно.

«Скоро приедет мама», – мечтательно подумала она, уже успев соскучиться за столь недолгое отсутствие Снежанны.

После их окончательного примирения, которое было так важно для них обеих, они очень сблизились, и Валерка никак не могла дождаться ее возвращения. Снежка обещала сегодня.

Еще раз оглядев себя, девушка довольно улыбнулась. Класс! Не хуже, чем на сцене! Надо снять, пока не измяла...

Но ее отвлек раздавшийся звонок в дверь.

Это был Влад. Радостно улыбающийся и с огромным букетом цветов.

– Ты просто великолепна! – пожирая ее глазами, выдохнул он.

– Спасибо. Я знаю. – Валерка чмокнула его в щеку и, выхватив у него из рук цветы, ткнулась носом в благоухающие бутоны роз и задумалась.

– Ты чем-то расстроена? – спросил как-то сразу погрузневший Влад.

– Нет-нет! Всё хорошо... Даже слишком...

Но на самом деле ее уже несколько часов одолевало необъяснимое смятение.

Как-то странно они сегодня расстались с Эдом... Словно он куда-то срочно заспешил. А ведь обещал ей праздник... до самого утра...

«И не всё ли мне равно?»

Но что-то цепляло...

Эдуард Семёнович... «Зови меня просто Эд...» Вот это было именно то, чего она хотела и одновременно боялась... Ее вполне устраивали и их нынешние отношения. Но, по-видимому, ему этого уже было мало.

Или ей так показалось?

...А ей? Она ведь тоже что-то чувствовала. Независимо от самой себя... И боялась признаться себе, что...

«Ужас!»

То необъяснимое ощущение непременно возникающего у нее возбуждения, которое Эд все последние дни вызывал у нее одним только своим присутствием, не имело никакого логического объяснения. Приступы этого неконтролируемого волнения всё больше и больше сгущались вокруг нее густым облаком неприличных мыслей, от которых она никак не могла избавиться...

И если сначала Валерку это пугало, то теперь ей стало даже интересно: а каков он, этот Эд? Женское любопытство брало свое. Желание познавать.

«А, собственно, что в этом такого?»

Ведь для чего-то придумано кем-то это разнообразие?

Ее окончательно замучили сомнения после того, когда ей в очередной раз пришлось фотографироваться с Эдом для прессы.

Ощутив на себе легкое прикосновение его сильных рук, она невольно почувствовала непонятное смущение и в то же время – абсолютную готовность познавать...

Но всё это по-прежнему виделось ей какой-то глупостью: «Он настолько старше меня, что даже думать об этом не стоит и начинать! Этого не должно случиться! Я для него слишком молода...»

Но тогда зачем она думала? Зачем вспоминала?

«У него красивые глаза... И губы – такие чувственные...»

Спасло ее только одно: у Эда явно случилось нечто серьезное, раз он даже отказался от банкета.

И ей пришлось отправиться домой.

И теперь, смотря в такие счастливые глаза Влада, Валерка уже начала жалеть о том, что была так упряма и неосмотрительна в своих стремлениях... Не видишь и не бредишь...

И всё же, если начистоту... Стоя в лучах ослепляющих своим светом прожекторов, она просто балдела от этого ощущения, чувствуя себя настоящей королевой.

И это удваивало ее смятение.

И как вообще из этого можно выбирать?

Успех. Слава. Или забвение среди юридических справочников о своде норм и законов?

Выбор семнадцатилетней девушки очевиден.

А вот юноша или взрослый мужчина... Валерка боялась ответа на этот вопрос.

И именно поэтому, когда глубокой ночью ее сотовый определил входящий от Эдда, она поспешно сбросила звонок и отключила мобильник...

Эмоции зашкаливали – нужно было притормозить. Не было ничего такого, чего нельзя обсудить завтра. Тем более сейчас почти полночь.

Ее взгляд стал замученным и усталым. И это-то после одержания такой победы? Одолевали размышления. А еще больше – чувства, которые были ей неподвластны.

Но, чтобы не расстраивать Влада, она ласково улыбнулась ему, пряча, отключенный от сети сотовый под подушку.

Вот так! До утра!

Уже стемнело. Правда, ровно настолько, насколько может стемнеть в пору белых ночей, а погоня всё продолжалась.

«Этого следовало ожидать», – зло думал Филипп, продолжая набирать скорость легким нажатием на педаль сцепления, хотя они и так шли под двести.

Люди Эда сели им на хвост примерно через час после убийства – оперативно, нечего сказать!

Но у Фили уже несколько недель было такое ощущение, что за ним ведется слежка. И похоже, это действительно было так.

Ничего себе! Если за ним постоянно следили, то его карьере, а скорее и жизни так и так уже точно крышка. Это значит, что Эду уже доложили о его связи с Анжеликой.

Поиметь любовницу собственного босса! Когда-нибудь это должно было плохо закончиться.

Теперь и Анжелике придется несладко.

Но эти разборки их ждут в перспективе. Если он, конечно, выживет. А вот как быть сейчас?

Шурик, с круглыми то ли от страха, то ли то дозы глазами, с ужасом смотрел на преследующий их сзади черный «мерседес». Проблески сознания в его остекленевшем взгляде всё-таки начали появляться: похоже, действие наркотиков немного ослабло.

Пистолет уныло болтался в его руке и тоже выглядел таким же беспомощным.

– Брось пушку! – не оборачиваясь, проговорил Филя.

– Еще чего! – грубо огрызнулся Шурик и снова крепко вцепился в револьвер.

– Брось! – уже достаточно громко рявкнул Филипп. – Ты всё равно покойник! Лучше отдай кейс – и может быть, тебя отпустят восвояси.

На этот раз Шурик, к удивлению Фили, послушался. Но эта временная покладистость вовсе не означала, что Шурик опять не возьмется палить вокруг себя с прежним рвением.

Кроме того, Филе было совершенно ясно, что их преследователи – это Капа и Гном, личные телохранители Эда. Причем очень-очень личные.

Только им Эд доверял самые ответственные и сложные задания. А это значило лишь одно: они влипли, и влипли серьезно. И то, как быстро они их запеленговали, еще раз доказывало, что это серьезные ребята, отлично знающие свое дело.

После Шурика Капа и Гном были самыми близким к Эду людьми. Знали все или почти все его секреты. И повсюду следовали за ним, обеспечивая абсолютную безопасность его персоне.

Между собой эти двое отлично ладили, можно сказать, даже дружили и в любых компаниях появлялись вместе. Над ними даже подшучивали: «сладкая парочка», да и только!

Но такими добродушными они были только с виду – недаром Эд поручал улаживать самые заморочные дела.

Их ловкости и быстроте реакции могли бы позавидовать многие киношные супермены. Да и смекалка у них была что надо! Вдвоем они были отличной командой, и, насколько Филя знал, у них еще не было ни одного прокола, словно они были заговоренными.

Не лучше ли остановить машину и будь что будет?

«Нет, они мне не поверят! Ведь спал же я с Анжеликой?! Так почему бы не спереть кейс?»

... До Фили дошло окончательно: с ними даже не попытались связаться...

Это конец!

И тут у него созрел план. Не факт, что получится, но стоит попробовать... Терять-то всё равно нечего...

Пока дорога слишком оживлена, Капа и Гном вряд ли предпримут более серьезные действия, чем погоня. А это значит, что для маневра есть еще немного времени.

«Мне нужно симитировать собственную смерть».

Идея была проста, а потому гениальна. Он должен был умереть для всех, оставшись в живых для себя. Ну, хотя бы на время. Но как это сделать?

Филины размышления прервал Шурик, который каким-то совершенно непонятным образом сумел перебраться на соседнее переднее сиденье, рядом с ним, и принялся рыться в бардачке.

«Ну, там-то что нужно этому придурку?»

Пошуровав среди бесполезных для себя мелочей, Шурик разочарованно сник и устало закрыл глаза.

И тут Филя заметил, что лицо Шурика начало покрываться испариной: «Ему нужна доза... Он искал ****...»

Это было началом ломки.

А на небе продолжали сгущаться тучи – в любую минуту мог начаться дождь.

Филипп бросил взгляд в зеркало заднего вида – черный «мерседес» не отставал ни на метр от выбранной им уже несколько часов назад дистанции.

Эти две гориллы капитально висели у них на хвосте. И обмануть их будет непросто.

«Ну, что ж! Значит, я буду первой неудачей в их карьере.

Ха!

Не слишком ли я самоуверен?! А почему бы и нет? Что, собственно, я теряю?

... Уже ничего... Это моя самая крупная ставка...»

– Надо их брать! – раздраженно пыхтел Капа. – Брать их надо!

– Рано! – невозмутимо твердил Гном, продолжая бешено гнать машину.

Капа недовольно откинулся назад и сердито щелкнул предохранителем на своем кольце:

– Эд с нас шкуру спустит, если они уйдут!

– Не уйдут... От меня еще никто не уходил! – самодовольно хмыкнул Гном.

– А этот Филипп – лихач! Ишь как обходит соседей на поворотах! Видать, знает толк в таких догонялках!

– Да уж! Он не промах еще и во многом другом – небось на всю катушку оттягивался с подружкой шефа, – с завистью проговорил Капа. – И не побоялся же! Или он окончательный кретин, или мы чего-то не знаем. Но, по всей видимости, стоит у него отменно!

– Эд охренеет, когда узнает, что у него еще и рога выросли! – И они оба заржали, видимо, представив себе эту картину во всей красе.

Погоня продлилась еще несколько минут... и...

... Ни Капа, ни Гном так и не поняли, что же произошло.

«БМВ», который они преследовали в течение нескольких часов, скрывшись за поворотом, вдруг бесследно исчез.

Осторожно остановив свой «мерседес», мужчины тупо озирались по сторонам, видя вокруг себя лишь огромные лесные просторы.

Ничего себе! Но куда они могли деться?

Впереди – мост. По бокам шоссе – крутые обрывы и густые перелески вперемешку с болотами.

– Господи Иисусе! – в конце концов выдавил из себя Капа. – Фантастика! Они испарились!

Но не успел он договорить, как справа от них, откуда-то сбоку, из самой низины, из хлопьев густого тумана послышался громкий взрыв, и высоко в ночное небо взметнулось алое зарево.

Почти одновременно выскочив из машины, они бросились к обрыву: далеко внизу, у самой реки полыхал огонь.

... Филипп всё-таки не справился с управлением и не вписался в поворот.

И в том, что и он сам, и Шурик погибли, сомнений не было.

Увы...

Снежанна не любила ездить в дождь: мокро, скользко, опасно.

Она вообще не любила хмурое небо и лужи. И темные пасмурные вечера. А еще больше – черные безлунные ночи.

И хотя в Питере и настала волшебная пора белых ночей и круглосуточно было светло, Снежка очень неохотно собиралась в дорогу и с превеликим удовольствием предпочла бы этой поездке мягкое кресло и интересную книгу... Но не сегодня...

Ей нужно было ехать обязательно – завтра у Валерки выпускной.

«И зачем только я дотянула до вечера?»

Одним словом, копуша.

Но отдых на даче, несомненно, пошел ей на пользу: целая неделя совершенного безделья... Она взбодрилась и окончательно привела в порядок свои мысли и чувства.

Настала пора возвращения в суету большого города.

И, тревожно слушая сводку о погоде, она торопливо собирала вещи, озабоченно поглядывая в окно. Похоже, ее опасения не были напрасны – метеорологи на этот раз не ошиблись, и на небе действительно собирались тучи.

Теперь ей уже точно придется ехать под дождем – Валерка ждала ее сегодня.

А тут эта непогода... Ну просто напасть какая-то!

Филипп очнулся в кустах – где-то под самым обрывом...

Вокруг было тихо и темно. Бледная, невыразительная луна боязливо выглядывала из-за тяжелых туч. Накапывал дождь.

Он попытался подняться на ноги, но это оказалось непросто – тело ныло, голова раскалывалась, во рту ощущался сладковатый привкус крови.

И всё же невероятным усилием воли он заставил себя встать, но это далось ему очень тяжело – слишком неудачным было падение.

...Или всё-таки удачным? Ведь каким-то удивительным образом он умудрился ничего себе не сломать.

Но, оказавшись на ногах, он тут же почувствовал сильнейшее головокружение.

Сделав несколько шагов, он снова упал на землю.

«Надо уходить! – беспрестанно твердил мозг, пытаясь заставить тело двигаться. – Надо бежать! Или ты покойник!»

Взрыв был настолько сильный, что ударной волной его отбросило далеко в сторону, и поэтому Филя был совершенно уверен в том, что Шурик погиб. И, оторопело смотря на вздымающиеся в низкое небо высокие языки зловещего пламени, он почему-то ничего не чувствовал... Ни злости, ни страха... Словно все эмоции кончились. Сгорели в этом жутком синем-оранжевом зареве, полыхающем перед его глазами.

К тому моменту, как их «БМВ» подъезжал к мосту, Шурик уже окончательно отключился, находясь в глубокой наркотической коме. И как только он еще сумел столько часов продержаться в сознании?

Он был бледен – весь покрыт испариной, руки были ледяными, пульс не прощупывался... Шура и так был уже одной ногой в могиле.

Странная, нелепая смерть... Что же заставило совершить его такое безумие?

На какое-то мгновение в сознании Фили промелькнуло желание спасти этого вконец обдолбанного наркошу... Но разум подсказывал, что затея эта бессмысленная, – голова Шурика бессильно поникла... Он был точно тряпочный и скудно набитый ватой, напоминая не нужную никому игрушку, промокшую под дождем...

Проклятые наркотики! Но нужно было что-то решать...

«Не погибать же нам вместе! У меня есть семья, родители...»

И, стараясь больше не думать о том, что ждет впереди его самого, Филя, зажмурив глаза и ударив со всей дури по сцеплению, резко крутанул руль вправо и направил машину с неотвратимо приближающегося обрыва вниз...

Внутри всё замерло... И стало слышно биение сердца...

Как же не хотелось умирать! Ему бы немного везения... Хотя бы чуть-чуть...

Но тут настала приятная невесомость... И...

...Как будто кто-то выключил свет. И тишина была какой-то неестественно пронзительной. Словно его жизнь всё-таки оборвалась...

Но судьба решила спасти его и на этот раз – только нужно было немедленно убраться подальше от этого места.

Еще одна попытка встать... и он удержался на ногах...

Звездный мальчик!

Сколько еще ему было отмерено удачи?

...Разве он смел просить? Хотя... если только самую малость...

Чтобы хватило дожить до утра... Чтобы позвонить... отцу... и маме...

Лишь только Снежанна выехала на трассу, в лобовое стекло ее машины ударили первые капли.

Чёрт! Но почему именно сейчас? Она даже не успела доехать до моста: ведь самое опасное место на ее пути – это мост. Но, вопреки ее мольбам, дождь только усиливался.

Снежанна прибавила скорость. Еще каких-нибудь пять минут – и она будет у цели, а потом уже останется ерунда... Самое главное – проскочить виадук, который вечно в пасмурную погоду утопает в густом непроглядном тумане...

«Ненавижу мосты!»

Встречных машин не было, и Снежка включила дальний свет – по асфальту уже вовсю хлестал ливень, но всё вокруг по-прежнему тонуло в густой темноте.

«Так не бывает, – почему-то подумалось ей, – дождь и туман одновременно...»

И, вот впереди появилась гирлянда неоновых огней, освещающая невидимый контур обрыва.

Снежанна предусмотрительно сбавила скорость – не стоит рисковать, лучше приберечь свою храбрость для чего-нибудь более важного...

И вдруг в ярком свете фар она увидела лежащего посреди дороги человека...

...Мужчину.

Подъехав ближе, она невольно подумала, что, скорее всего, сходит с ума. Более разумного объяснения тому, что видели ее глаза, у нее просто не было.

...На мокром асфальте под проливным дождем в разорванной одежде лежал... Филипп...

...Эд был в бешенстве.

– Придурки! Идиоты! – орал он во всё горло на весь офис, благо уже давно была ночь и все его сотрудники мирно спали у себя дома. – Хороши, нечего сказать! Неужели нельзя было хотя бы подойти к машине и посмотреть на то, что от нее осталось?! И какого дьявола вы не остановили их раньше? Кретины – вот вы кто!

Капа и Гном невозмутимо молчали, словно эти вопли относились не к ним, а к кому-то другому.

Наконец Эд вдоволь наорался и замолчал.

Чтобы прийти в себя, он налил целый стакан минералки и залпом выпил его.

«Глаза бы никого не видели! Козлы!»

А Капа и Гном всё так же и абсолютно невозмутимо продолжали молчать и, не спуская с него глаз, ожидали неминуемого продолжения.

Но пауза затягивалась, и это было дурным знаком.

– Значит, так, – наконец изрек Эд. – Немедленно возвращайтесь обратно и хорошенько всё осмотрите. И молитесь бога, чтобы там не было копов! Иначе... – дальше он даже не стал продолжать.

Она узнала его сразу и инстинктивно вжалась в сиденье, крепко вцепившись руками в руль.

Зажмурив от страха глаза, она отчаянно пыталась избавиться от этого видения.

Несколько мгновений она сидела не двигаясь, еще надеясь, что это только мираж.

«Это всё нервы – я слишком не хотела ехать... Проклятый дождь!»

Невероятным усилием Снежанна всё же заставила себя разомкнуть веки – видение не исчезло.

«Может, это не он?»

Собравшись с силами, она вышла из машины и несмело приблизилась к лежащему под дождем человеку.

... Увы... сомнений не осталось – это всё-таки был Филипп.

Растерянно оглядевшись по сторонам, Снежанна бросилась обратно к машине и, найдя в бардачке аптечку, достала нашатырь.

Между тем дождь усиливался, словно специально устраивая на и без того уже достаточно намокшем асфальте какие-то безумные пляски из холодного града капель, стекая ручьями по пологим склонам шоссе в овраги.

Почувствовав резкий запах, Филя слабо шевельнулся, пытаясь отвернуться от флакона. Но Снежанна не отступала, и наконец, через несколько долгожданных секунд, он открыл глаза, кое-как придя в сознание.

Дождь безжалостно хлестал его по лицу. Не переставая гремел гром. Молнии злорадно скакали с небес своими дьявольскими улыбками...

А прямо перед ним, стоя на коленях, склонилась испуганная Снежка...

«Наверно, я всё-таки умер», – подумал он и снова отключился.

Яблоневые сады были усыпаны белоснежными цветами, словно посреди июня вдруг выпал снег. А в их нежно-зеленой листве, точно в зеркале, отражалось солнце.

Сверху на них смотрело огромное голубое небо...

Как же это здорово – быть вместе! Они уже и не помнили, что такое быть врозь...

Летняя школьная практика только началась, и весь этот месяц они еще будут неразлучны. А потом – дача. У нее своя. У него своя.

А пока, валяясь на траве у заброшенного пруда, они наслаждались каждой минутой, проведенной рядом друг с другом.

Это было каким-то чудом – просто лежать и держаться за руки... И молчать, молчать, молчать... И целоваться ... до головокружения...

А потом снова смотреть в небо – в его окрыляющую высоту...

– Поднимайся! – услышал он где-то совсем рядом, с трудом приходя в сознание. – Я отвезу тебя в травму.

– Нет! Лучше до ближайшей границы... – пробормотал Филя и отключился заново.

Прошло еще минут десять, прежде чем Снежанне удалось поставить Филиппа на ноги.

Кое-как взгромоздив его на заднее сиденье своей «вольво», она села за руль и, как всегда, поступила вопреки тому, о чём умолял его здравый смысл: она повезла Филю к себе на дачу.

И скорее всего, если бы это случилось не с ней, она бы ни за что не поверила, что такое вообще возможно. И хотя она абсолютно ничего не понимала, совершенно очевидным было одно: Филя снова влип в историю.

Немного проехав вперед, Снежанна притормозила и обернулась, чтобы еще раз взглянуть на ночное шоссе – туда, откуда исходила опасность.

Но сзади их преследовали лишь темнота и дождь.

Их. Само это слово излучало безумие.

Их. Снежкин взгляд остановился на Филе... Его голова устало упала на грудь. Глаза были закрыты. То ли он снова отключился, то ли...

«Судьба просто смеется надо мной, – грустно подумалось ей. – Но разве так бывает?!»

Но Филипп был сейчас реален как никогда.

И всё же, опасаясь, что какие-нибудь отморозки всё-таки ищут его среди этого крошечного мрака, Снежка на всякий случай решила свернуть с трассы и пуститься в объезд. Хотя если его действительно искали, такая нехитрая мера предосторожности вряд ли помогла бы им.

И тем не менее она всё же решила немного поколесить по округе.

Филипп медленно приходил в сознание. Во всём теле была такая слабость, что у него едва хватило сил, чтобы ненадолго открыть глаза.

Заметив, что он наконец очнулся, Снежанна, не отрываясь от дороги, спросила:

– Что с тобой приключилось на этот раз?

– Да так... Ничего особенного... – неохотно ответил он.

«Ничего особенного! Зато коротко и очень ясно! Ну просто обалдеть!»

Ну вот! Снова всё сначала!

Она. Филя. И, как обычно, сопутствующие всему этому проблемы.

Проблемы? Как интеллигентно! Да, похоже, это был полный аут!

Сколько долгих лет она мечтала о встрече с ним! Раньше. Когда-то. Очень давно.

Но, бог свидетель, всё изменилось. И она стала совсем другой.

Ее мысли, поступки, желания – они теперь тоже были другими. А жизнь наконец-то наполнилась долгожданным покоем.

«И зачем мне всё это? Тем более сейчас! Абсурд какой-то!»

Она злилась, но не могла поступить иначе.

Наконец они приехали.

Снежанна заглушила двигатель и обернулась.

– Где мы? – хрипло спросил Филя, к которому потихоньку начала возвращаться способность соображать.

Но она не ответила, а лишь пристально смотрела на него, невольно удивляясь тому, как лихо он ворвался в ее жизнь... И всё равно как-то не верилось.

Но вот он. Здесь. Рядом. Нежданный. Негаданный. Непрошенный.

Впрочем, точно такой же, как и всегда... Как и раньше...

Он решительно влез к ней в окно и уселся на подоконник.

– А если бы я жила не на первом этаже? Ты что, тоже полез бы?!

– Конечно полез бы! – И он довольно чмокнул ее в щеку. – Пойдем гулять!

Стояла глубокая ночь.

– Ты псих! А если меня хватятся?

Но Филипп не слушал...

Ловко спрыгнув вниз, он нежно потянул ее за собой, такую послушную, и бережно подхватил на руки...

И Снежка вновь оказалась в его объятьях.

Город спал. Сонные деревья и кусты тонули в теплом летнем тумане.

Это были те самые белые ночи... Они пьянили, манили, искушали...

И Филя, совершенно не заботясь о последствиях таких проделок, тайком привел Снежку к себе домой, где преспокойно спали его ничего не подозревавшие родители. А какой бы разразился скандал, если бы еще и Снежкины отец и мать вдруг обнаружили, что их дочери нет дома посреди ночи!

Но все эти тревоги были сейчас где-то далеко-далеко, и Снежанну вся эта ерунда тоже мало интересовала – крепко вцепившись в протянутую руку своего возлюбленного, она доверчиво шла за ним... словно лунный свет их обоих лишил рассудка...

Вот как сейчас, только что, здесь, на трассе...

«Это какой-то идиотизм! Это не лечится!»

Но Филя словно прочел ее мысли: «Конечно, идиотизм!»

Словно им снова шестнадцать... Когда...

...Он помнил лишь ее широко распахнутые глаза... И ее губы, которые были так близко... И как оглушающе тикали часы...

Ему показалось, что прошла целая вечность, прежде чем он решился ее поцеловать и их словно взяло в свой сладостный плен само волшебство, – так трогательно открывали они этот таинственный мир своей неожиданно повзрослевшей любви... Так несмело, едва касаясь друг друга...

Вот так, пока Питер мирно спал, они сотворили собственное чудо... А потом еще долго стояли обнявшись под ее окном, не в силах расстаться...

И как потом он в одиночестве до самого рассвета бродил по сонному парку, зная, что всё равно не сможет заснуть. И рвал для нее цветы. Разноцветные тюльпаны, умытые ночной росой, трепетали в его ладонях, точно его сердце, которое переполняла нежность... Такое это было счастье... Знать, что она есть...

И, когда, уже почти рассвело, он на свой страх и риск снова забрался к ней в спальню и, положив огромную охапку этих душистых бутонов на ее подушку, еще долго не мог оторвать взгляда – так безмятежно она спала...

И так невыносимо... было с ней расстаться...

До того вечера Филиппу еще никогда не звонили девушки, и он был здорово озадачен тем, что Снежанна всё же сдержала данное ему обещание.

Оказалось, что эта помешанная на собственных достижениях активистка, столько лет портившая ему жизнь, могла быть весьма покладистой особой!

И, несмотря на то что у него всё-таки были некоторые опасения, что добром эта затея не кончится, он всё-таки решил отправиться вместе с ней на прогулку.

Он бы сам ни за что не стал напрашиваться пойти в парк вместе со всеми – ребята не очень-то ладили с ним, просто он случайно оказался среди собирающихся неплохо провести вечер.

И, как обычно, его никто не замечал, точно его и не существовало вовсе. Но Филя не был ни обижен, ни удивлен – за те несколько лет, что он отучился в этом классе, он уже отлично усвоил, что его все и всегда будут считать недотепой, ни на что не способным тютей.

Наверное, потому, что еще год назад он очень сильно заикался и вот только совсем недавно его родителям всё-таки удалось избавить его от этой напасти. Несколько сеансов гипноза оказались удачны – и вот он теперь стал таким же, как все... Да вот только его по-прежнему не замечали.

А в тот день рядом с ним вдруг оказалась Снежанна.

Только лишь одними глазами участвуя в шумной ребячьей болтовне, она время от времени либо улыбалась, либо задорно отмахивалась в знак своего несогласия и смеялась – звонко-звонко... А планы на вечер, похоже, были грандиозные!

И Филя по привычке уже хотел было отойти в сторону, но неожиданно для себя увидел, что, заметив его досаду, она вдруг нахмурилась, видимо, припоминая те неприятные моменты, которые неизбежно были связаны с их общением...

«Конечно! Он никогда не оставался в долгу, если что!»

Но сегодня ее взгляд не был столь враждебен, как обычно, а скорее выражал замешательство, хотя в нём всё же читалось легкое раздражение оттого, что эта неловкая ситуация очевидна лишь ей одной.

Снежкины глаза отчаянно искали поддержки в лицах своих собеседников, но никто из них не замечал ее безмолвного крика – все они были слишком заняты друг другом.

«И с чего это я замораживаюсь? Мне-то что?! Пусть себе смотрит!»

Но это было просто невозможно! Чувствовать себя, как... Но почему она чувствовала, а все остальные ... Да им было плевать!

Вот если бы кто-нибудь отогнал Филю в сторону! Кто-нибудь, только не она! И проблема решилась бы сама собой... И ей не пришлось бы...

Но ни одна звезда не отклоняется от своего пути.

И неуютно было только Снежке. Но совсем чуть-чуть... И она решилась. Только чтобы больше не думать об этом. Только чтобы не чувствовать себя совсем гадко... Сделать и забыть!

И она, как можно небрежней, спросила:

– Пойдешь с нами?

Невероятно! Неужели эта зазнавала решила наконец окончить эту многолетнюю войну?

И на миг Филиппу даже показалось, что в ее глазах блеснула нотка настоящего дружелюбия и он ей стал интересен... Но нет – он ошибся: Снежка сразу же безразлично отвернулась, в ее приглашении не было ничего личного. Обычная вежливость. Ни больше – ни меньше.

О, а вот это уже был настоящий ужас!

К вечеру сильно похолодало. А что, собственно, хотеть-то? Всё же зима!

И почти все ребята решили остаться дома. Идти на прогулку по-прежнему хотела только Нина. И Снежанна вроде бы уже почти уговорила ее тоже остаться и посмотреть телек, но та вдруг ехидно съязвила:

– Не пойдем? А как же Филя? Ведь ты обещала. Он же такой милый! Лопоухенький! Давай, звони!

– Ну ты и дура! – выпалила Снежка. – А еще подруга!

– Я так и знала: тебе слабо!

Снежанна обреченно посмотрела в окно – начиналась метель.

– Где ты была весь вечер? Уже почти девять! – это было первое, что услышала Снежанна, вернувшись домой.

Голос матери был строгим, почти резким, а взгляд не предвещал ничего хорошего.

– Гуляла, – коротко ответила Снежка.

– Что это еще за новости? Ты ведь даже не сядишь за уроки!

Но Снежанна не слышала – ее мысли были так далеки... Она вспоминала его глаза... Огромные карие глаза... А еще руки – они были такими сильными... Когда она поскользнулась, Филипп ловко подхватил ее, и она ощутила их силу... А потом он рассказывал что-то смешное, но она уже не помнила о чём... Да и не важно...

А еще оказалось, что он очень высокий, – рядом с ним она почувствовала себя такой крохотной... Он был точно скала...

...А его присутствие давало приятное ощущение защищенности – такое простое и естественное. И всё вокруг вдруг стало другим – вроде было всё тем же, но отчего-то до неузнаваемости новым.

...Еще никогда она не чувствовала себя так классно! Эти теплые, почти мужские, ладони... Ладони, которые подарили ей мир...

– Вставай, а то опоздаешь!

«Господи, ну почему снова утро? И почему так быстро?!»

– Вставай же!

А Снежке показалось, что она закрыла глаза всего лишь мгновение назад, но почему-то сразу, сквозь только что сморивший ее сон, до нее совершенно отчетливо доносился мелодичный голос мамы, которая ласково, но весьма настойчиво тормозила ее:

– Вставай! – Сегодня эти привычные слова звучали особенно пронзительно и громко и бесцеремонно будили мирно дремлющую комнату, звеня в воздухе бесконечным каскадом навязчивых повторов, проникая в каждый ее уголок, лишая покоя и безмятежности.

«Неужели уже восемь?»

И кто только придумал эту летнюю практику? Как хорошо в детстве: раз лето – значит, каникулы! Нет, этот «кто-то», додумавшийся до такого, точно был извращенцем!

Снежка еле-еле подняла тяжелые веки...

...Какой же ее ждал восторг!

Ее нос, щеки, губы игриво щекотали лежащие возле, прямо на подушке, тюльпаны.

«Наверное, я еще сплю...» – но, несмело коснувшись рукой упругих листьев, она тотчас ощутила, как холодные капли росы обожгли ее пальцы.

«Филька!» – нежные бутоны словно шептали его имя.

И, мечтательно закрыв глаза, она глубоко вдохнула их чудный аромат, наслаждаясь своим неожиданным подарком.

– Да вставай же! – снова слышала Снежанна и окончательно проснулась.

Ее встретил вопросительный материнский взгляд: «Охалка тюльпанов прямо в постели? А разве есть повод? Да еще в такую рань?», многозначительность и пристрастность которого молниеносно вернули Снежку из мира грез в обычное будничное утро.

И, чтобы избежать надвигающихся расспросов, она быстро выскользнула из-под одеяла и послушно направилась в ванную. Нужно поскорее исчезнуть из дома – авось к вечеру всё как-нибудь утрясется...

Но, как известно, нельзя избежать неминуемого.

Именно этот день и стал первым серьезным испытанием в ее жизни, когда вместе с ярким солнечным светом к ней понемногу начало возвращаться ощущение реальности, которая жестко отрезвляла неотвратимостью грядущих перемен.

Теперь они несомненно наступят. И уже очень скоро.

«Я сошла с ума! И о чём я только думала?»

Наставшее сегодня тянулось невыносимо медленно.

Проклятая практика!

И этот завод к началу обеденного перерыва уже почти свел ее с ума своими бесконечными коридорами.

И в машинописном бюро, где она проводила бульшую часть учебного времени, было так душно! И непрекращающийся стук пишущих машинок действовал на нервы... Казалось, этому не будет конца!

Снежка вяло перебирала изрядно потрепанные формуляры местной картотеки, нехотя расставляя их по алфавиту.

«Что же теперь будет?»

Да, еще Нинка всё утро приставала к ней со своими дурацкими расспросами, будто догадывалась, что случилось нечто важное, – от ее цепкого взгляда не могло ускользнуть столь явное замешательство, в котором пребывала Снежанна.

– Ты что, переспала с ним? – в конце концов прямо в лоб спросила она.

Снежка обалдело уставилась на подругу:

– С чего это ты взяла?

– Да у тебя на лбу это написано, – со знанием дела ответила та. – Ну и как? – Ее глаза тут же вспыхнули азартным огнем.

Но Снежка ее не слышала:

– ...Кошмар... И зачем я только это сделала?

Нинка неопределенно пожала плечами:

– Сделала – и сделала... Это случается со всеми рано или поздно... Забей!

– Это как?

– Ты что, дура? Теперь ты тоже член нашего клуба. И, наконец, узнаешь, серьезно это у вас или так...

Снежка выронила из рук коробочку с карточками – Нинкины слова были так безжалостны, так отвратительно невозмутимы, словно речь шла не о любви, а о какой-нибудь тарелке супа.

– Да ладно тебе, – улыбнулась та, не скрывая своего удивления и не на шутку испугавшись мертвенной бледности, которой покрылось Снежкино лицо. – Увидитесь – и всё будет, как прежде.

...Но он не пришел.

Снежанна растерянно стояла рядом с заводской проходной, где каждый день ровно до сегодняшнего, после окончания практики ее встречал Филя.

Всегда.

Но не сейчас.

Она непонимающе оглядывалась вокруг – Нинкины слова, точно злое пророчество, попали в самую точку.

Никаких шуток – всё по-взрослому!

Добро пожаловать в ад!

И Снежка невольно почувствовала, как ей вдруг стало холодно – жаркие солнечные лучи больше не грели. Словно настала зимняя стужа.

Ледяными пальцами она сжала виски: невысказанно!

«Я не должна была спать с ним!»

Но сожалеть уже было слишком поздно...

И до самого вечера Снежка одиноко бродила по парку.

Удивленно наблюдая за ней, он с пониманием хранил вежливое молчание и старался не мешать ее уединению, видя, что ей отчего-то очень грустно.

Снежка не плакала – нельзя, ведь рано или поздно придется пойти домой. А что она скажет родителям, если придет вся в слезах?

Отец точно разозлится – он и так-то не в восторге от ее дружбы с Филей.

«Дружбы!»

Она устало опустилась на скамейку.

Почти семь...

«Меня, наверное, уже обыскались...» – но всё равно не могла заставить себя сдвинуться с места...

А Филя уже почти три часа подряд торчал в раскрытом окне своей комнаты с огромным командирским биноклем в руках: шикарная вещь – весь двор как на ладони!

Недаром его татап частенько наблюдала за ним, еще когда он был совсем мальчиком, при помощи этой штуки.

Куда же подевалась Снежка? Уже вечер, а ее всё еще нет!

Он уже бесконечное количество раз звонил ей на домашний, но всё без толку!

«А может быть, она просто больше не хочет меня видеть?»

Невозможно!

И он упорно продолжал искать ее среди пестреющего муравейника их огромного двора, боясь даже на мгновение оторвать глаза от бинокля. Почти в иступлении и уже почти без надежды найти потерянное счастье...

Глупо! Ведь настанет же завтра! Нет! Это необходимо сделать сегодня! Чтобы она знала, как нужна ему... Что она – это единственный смысл... Но с каждой минутой чувствовал себя всё более покинутым...

Где же ее носит? Неужели всё было напрасно?

А ведь он так и не ложился!

Рано утром, разбудив Артёма, он уговорил его прогулять сегодняшние занятия и поехать за город – к себе на дачу.

– Зачем? Ну что за бред? – недовольно бурчал спросонья Тёма. – Ты что, совсем свихнулся? Ну какие еще цветы?

Но Филя не унимался:

– Мне нужна твоя помощь!

– Ты точно придурок! – заключил тот.

...Но всё же поехал.

И вот теперь, сидя с биноклем на подоконнике, Филипп всё отчетливее понимал, что ничего не понимает...

...И наконец увидел ее...

Снежка медленно подходила к дому какой-то странной походкой, точно это был путь на эшафот.

«Что это с ней?» – И он бросился на улицу.

Когда же Снежанна вошла в квартиру, готовая выслушать всё о своем столь долгом беспричинном отсутствии, отец почему-то на удивление дружелюбно, почти насмешливо молча посмотрел на нее и, прихватив с собой газету, скрылся в спальне.

– ...Что случилось? – удивленно спросила Снежка у матери, которая тоже загадочно улыбалась.

– Сама посмотри... Даже не знаю, что и думать! – ответила та и кивнула головой в сторону гостиной.

Быстро сбросив туфли, Снежанна почти вбежала туда... И...

Это было...

Это было как...

...Это было как волшебство...

Здесь всё утопало в цветах...

Тюльпаны... Желтые, красные, белые... бордовые...

На полу, на столе, на телевизоре, на пианино...

Во всех вазах, в обычных трехлитровых стеклянных банках... Везде царили эти благоухающие бутоны...

– ...Что это?.. – еле выдавила из себя Снежка, чувствуя, как внутри нее всё наполняется теплом и любовью.

– Приходил Филипп...

– ...И всё это принес он? – Снежка не верила тому, что видела, – это великолепие завораживало ароматом и буйством красок.

Тюльпаны тоже с интересом разглядывали ту, ради которой им пришлось проделать столь утомительный путь, но восторг в глазах этой юной особы того стоил...

«Какая же я дура!»

...И, оказавшись во дворе, она тут же очутилась в Филиных объятьях.

Лихо подхватив ее на руки, он кружил, кружил, кружил ее...

А она, благодарно прильнув к его груди, не могла даже дышать... Так это было прекрасно...

Снежанна устроила Филиппа в кресле, стоящем на кухне возле окна, а сама занялась приготовлением чая.

– Может, ты всё-таки объяснишь, что всё это значит? – она наконец нарушила царившее между ними молчание.

Пребывавший до этого вопроса в абсолютнейшем ступоре, Филипп тут же принялся шарить по карманам в поисках сигарет, словно ее голос был сигналом к действию.

– Это очень длинная история, – нехотя ответил он.

– Ничего. Я готова выслушать ее от начала и до конца, – тоном, не терпящим возражений, проговорила Снежанна. – Теперь-то я уж точно никуда не тороплюсь.

Филя пристально взглянул на нее:

– Я не уверен, что тебе понравится то, что ты так хочешь услышать, поэтому будет лучше, по моему мнению... – но он не успел договорить.

– Сейчас меня совершенно не интересует твое мнение! – грубо оборвала его Снежка, невольно чувствуя, как внутри нее поднимается волна неконтролируемого бешенства. – Или я, по-твоему, не имею права знать, что ты, чёрт возьми, делал посреди ночи на дороге, без сознания и в луже крови?! И, собственно, зачем ты мне морочишь голову?!

– Послушай, ну, если я тебя до сих пор так сильно раздражаю, то почему ты просто не проехала мимо? – обиженно спросил Филя. Спорить у него не было сил.

Снежанне вдруг стало стыдно, и она растерянно пожала плечами:

– Не знаю... Наверное, это привычка... – и, немного подумав, добавила: – Причем дурная...

Филя наконец отыскал сигареты и закурил.

Да уж! Ну и встреча! Нечего сказать! Всё складывалось просто по-идиотски! И Снежкино возмущение было вполне объяснимо.

Налив чай в чашки и опустившись в кресло напротив, она вдруг тоже ощутила невероятную усталость, словно за все годы их разлуки впервые присела передохнуть. Словно этот многолетний марафон, в котором она зачем-то до сих пор участвовала, был окончен, хотя...

Судя по происходящим сейчас событиям, новый старт был неизбежен, и она снова стояла у опасной черты перед очередным рывком неизвестно куда и неизвестно зачем.

«Нет, это просто какое-то кармическое хамство!»

Снежка с нескрываемым негодованием смотрела на Филиппа:

– Ну ответь мне: почему?! Почему каждый раз, когда в моей жизни появляешься ты, я немедленно оказываюсь втянутой в какую-нибудь дурацкую историю?! Мы так давно расстались... – Ее глаза неожиданно из непримиримых и гневных вдруг стали грустными, словно внутри них до сих пор таилась печаль, но ее голос звучал всё так же категорично. – И мне нет никакого дела до твоих походов! Впрочем, как и до тебя самого...

– Не волнуйся, – тихо ответил Филя, – я знаю...

Им бы никогда не встречаться. Всё давно сказано и решено. И амнистии не подлежало.

Но судьба, как видно, считала иначе. Ей одной почему-то было мало того, что уже когда-то произошло между ними. И ей, по всей видимости, было глубоко безразлично, каким усилием вообще неизвестно чего Снежка заставила себя позабыть часть жизни, связанную с Филей и принесшую ей столько страданий. Судьба безжалостно разбивала вдребезги только-только обретенную ею надежду. А может быть, просто проверяла истинность ее новых предпочтений. И что теперь?

А теперь Филипп угрюмо смотрел на нее, отлично понимая, что всё то, что он собирался сказать ей при встрече, уже не имело никакого значения.

Даже нотки грусти, едва читаемые в уголках ее глаз, были лишь тенью их прошлого.

А будущее? Да он был практически покойником! А она...

Судя по шикарному дорогому кольцу на правой руке, почти жена... А может быть, и уже...

И даже если бы их встреча произошла при других обстоятельствах, что бы изменилось? ...У нее давно другая жизнь. Благодаря ему. И он это видел. Лично.

Но ведь именно он так решил. Когда-то. И именно она тогда была вынуждена принять это его решение. И всё, что с ней произошло за эти годы, было его выбором.

Его. И больше ничьим...

Это была отчаянная осень... Но у каждого из них уже своя. Хотя они всё еще были женаты.

Сказочное желто-оранжевое зарево захватило в свой волшебный плен весь Питер, покрывая золотым ковром тротуары, мосты и площади.

В прозрачной дымке сентября полыхали разноцветные костры кружащих в воздухе гирлянд из падающих листьев.

Холодный северный ветер еще только набирал свою ледяную силу, но уже по-хозяйски кружил вокруг рябиновых макушек, притихших в ожидании скорой зимы.

Всё вокруг застыло... Как и Снежино сердце, которое никак не могло поверить в то, что происходящее действительно было правдой. Что она осталась одна.

И то окно в доме напротив, что еще вчера было окном и ее комнаты, в которой они жили вместе, – всё это уже навсегда осталось в прошлом – там, где-то недостижимо высоко, на последнем этаже уже чужого ей мира.

И этот огромный двор, окруженный двумя многоэтажками, вдруг стал невероятно тесным, и Снежанне теперь катастрофически не хватало воздуха – ей было нечем дышать.

И почему только их дома стоят так близко? Раньше она никогда не задумывалась, насколько малу расстояние между ними, заметив это только сейчас, когда ее там уже никто не хотел видеть.

Ксения...

«Потрясающе! Отныне рядом с моим горем беззаботно живет ее счастье. Мое горе велико, а ее счастье просто огромно. Оно, наверное, гораздо больше, чем огромно. Чем я даже могу себе представить...»

А вечер, когда ей пришлось покинуть Филин дом, безжалостно и навсегда врезался в ее память... Точно острый нож.

Этот горький вкус предательства. И боль. Боль. Боль. Будто на всём свете не осталось никаких других ощущений.

Когда она вошла в квартиру, открыв дверь еще своим ключом, ей почудилось, что она сошла с ума...

Ксения... Она вальяжно сидела на кухне и неторопливо курила. Самоуверенная. Холерная. Получившая то, что хотела.

Где уж там было Снежке тягаться с ней – с этакой «куклой Барби»! А с ее наглостью – и давно!

Обалдеть! Переехать в чужой дом, причем сразу с вещами. В дом, где еще живет другая... Вообще-то, жена! Ну разве не прелесть?!

Снежанна ошарашенно смотрела на мужа, но его глаза были бесстрастны.

Он стоял рядом с Ксенией и молчал. И на все застывшие в Снежиных глазах вопросы его ответ был слишком очевиден.

Так был ли смысл их задавать?

Неприступное безмолвие. Так просто и лаконично. Так невероятно легко, словно их никогда и ничто не связывало.

Ксения же победоносно смотрела на нее, откровенно наслаждаясь своим триумфом. Ведь сам Филя разрешил ей всё это!

Он стоял так близко, но уже был так безвозвратно далек в своей новой реальности.

Но в Снежкином мозгу упрямо стучало: «Не верю! Не верю, что он может быть счастлив без меня!»

Но он был невозмутим и совершенно спокоен.

Милый, милый Филя... зачем только всё это было нужно? Любовь? Клятвы? Брак?

Зачем всё было так сложно, ведь она с самого начала хотела расстаться? Сразу после «Крестов».

«Зачем он убедил меня выйти за него? Зачем заставил поверить ему? Зачем?!»

Хотелось кричать. Но она не могла.словно внутри всё умерло.

Она слишком хорошо помнила, что такое смерть... И жизнь после смерти. И как потом снова воскресла. И как была уже почти счастлива...

И ей так не хотелось умирать в эту прекрасную золотую осень...

Снова.

...Но ей пришлось.

Дождь продолжал лить.

Капа и Гном, вооружившись дождевиками и фонариками, неохотно вылезли из машины и, храня гробовое молчание, двинулись в сторону оврага.

И хоть их босс и пребывал в последней степени бешенства из-за принятого ими решения, они не считали, что поступили опрометчиво, покинув место аварии.

После взрыва такой силы шансов на то, что в машине остался кто-то живой, не было никаких, и поэтому рисковать быть замеченными случайно проезжавшими ДПС-никами или просто какой-то полуночной попуткой не имело никакого смысла. Какие-то дурацкие, бессмысленные поиски, исход которых был абсолютно ясен.

И тем не менее Эд не оставил им выбора.

Сгоревшая машина, естественно, находилась на том же самом месте, где и взорвалась. По всей видимости, так никем и не замеченная.

Бушующая непогода всё же принесла им удачу – над всей низиной нависал густой туман, скрывая под своими пышными хлопьями прилегающие берега и бульшую часть небольшого лесочка, так что и в двух шагах ничего не было видно.

Подойдя к обгоревшему остову завалившейся набок машины, Капа невольно поморщился, а Гном брезгливо отвернулся, грубо выругавшись.

В ярком свете фонарей их глазам предстало жуткое зрелище: в абсолютно выгоревшей кабине, скорчившись в невероятно неестественной позе, находился труп совершенно обугленного человека.

Верхняя часть его тела была узнаваема лишь по почерневшему и уже не золотому браслету, болтающемуся на его правой руке. И только по этому потемневшему от огня украшению можно было понять, что это всё, что осталось от Шурика.

И они замерли.

– ...А где же Филя? – наконец обретя дар речи, противно взвизгнул Гном – у него, как и у Эда, похоже, начали сдавать нервы.

Не обращая никакого внимания на истерические причитания напарника, Капа тщательно осмотрел то, что осталось от машины, хотя и дураку было ясно, что Филиппа здесь не было.

– ... Ушел, гад... – зло заключил он.

– Вот теперь у нас точно неприятности, – снова завелся Гном.

– Заткнись! Лучше думай, как быть дальше... – Капа обошел машину вокруг, снял номера и молча направился обратно к шоссе.

Гном послушно поплелся следом, время от времени извергая проклятья в адрес всех известных ему богов.

Это был провал. Их первый и весьма серьезный провал.

Но дело было даже, собственно, не в них – они-то как раз сделали всё правильно. А вот возвращение к месту аварии на самом деле было ошибкой, которая могла стать для них роковой.

Их могли заметить. За ними могли следить. Ведь в этой истории замешаны огромные деньги и серьезные люди. И Эд прежде всего боялся именно возможных разборок, а не сожалел о потерянных долларах. А козлами отпущения были бы они.

Но вдруг сбоку на ярко освещенном лучом фонаря асфальте они почти одновременно заметили потерянные кем-то документы.

Это были водительские права.

А в нескольких шагах от них – уже довольно размытую лужу крови.

– Ну-ка! Ну-ка! – немного взбодрился Капа, поднимая изрядно намокший пластик. – Да это же права той телки, которую мы пасли всю прошлую неделю.

Мужчины переглянулись – таких совпадений одно на миллион! Но оно случилось. И именно поэтому таковым не являлось.

Шелестя душистыми простынями, Филя пытался удобно улечься, но его тело ломило от падения, и это оказалось непросто. Да к тому же, несмотря на невероятную усталость, его мозг продолжал бодрствовать.

От йода невыносимо горели щека и правое плечо – ссадины и мелкие порезы, полученные при падении, тоже мешали расслабиться, так что он просто лежал с закрытыми глазами и вслушивался в шум непрекращающегося дождя и с наслаждением вдыхал его прохладную свежесть.

Свежесть... То ли дождя, то ли простыней...

Этот запах абсолютной чистоты даже спустя столько лет был таким родным и знакомым – несмотря на то, что уже был им почти забыт. И делал всё происходящее еще более реальным.

...Снежанна тоже лежала без сна.

Забравшись, а скорее спрятавшись под теплое шерстяное одеяло, она не сводила глаз с мягкого рассеянного света, струившегося из стоявшего на прикроватном столике ночника.

Филипп так и не рассказал ей, что всё-таки с ним приключилось. Но если честно, она до конца не была уверена, что действительно хочет знать подробности. Но точно что-то серьезное. И, по всей видимости, гораздо более, чем в прошлый раз, когда ему было семнадцать.

Это было очень давно. Настолько давно, что сейчас уже казалось, что и не было вовсе.

Но события того лета Снежка помнила так ясно, словно это произошло только вчера.

...Та красная стена показалось ей бесконечной...

Переплетаясь в причудливом узор, уродливые каменные кирпичи исчезали где-то высоко в небе вместе с колючей проволокой и тишиной.

Лишь пронзительные крики чаек, одиноко кружащих над мутной неводой, нарушали царящее здесь безмолвие.

И Снежка чуть не задохнулась от охватившего ее ужаса – невыносимый приступ тошноты буквально свалил ее с ног, и, почувствовав невероятную слабость, она упала на колени, больно ударившись об асфальт.

Вот так состоялась ее первая встреча с «Крестами», где возле неприступной вековой стены, в маленьком заброшенном скверике она получила свое первое письмо.

Мастерски изготовленная бумажная капсула, в которой находилась тонко свернутая записка, ловко преодолев все преграды, упала прямо к ее ногам.

Прочитав эти несколько строк, Снежанна наконец осознала, что окончательно очнулась от долго сна, в котором пребывала все последние месяцы.

Чувства. Мысли. Эмоции. Решения. Поступки. Теперь ей казалось, что они принадлежали кому-то другому – кому угодно, только не ей.

Выписавшись из больницы, она была полна надежд и планов, мечтала и была готова к новому счастью – судьба лучезарно улыбалась ей, подарив Дениса...

Но как только она получила сообщение о том, что Филя ее ждет, ничто уже больше не имело значения...

Только эта бесконечная стена...

...Стена ее плача.

Снежка проснулась рано.

Да и спала ли она вообще?

Утро на удивление было теплым и ясным.

Яркий солнечный свет томно струился по комнатам, лениво дремал на полу, отбрасывая причудливые тени на стены и мебель...

В доме было тихо. И эту странную тишину нарушало лишь монотонное тиканье часов... Всегда и несмотря ни на что деловито отсчитывающих время...

Сначала она даже не могла сообразить, что и где...

Потом возник логичный вопрос: и как это ее угораздило? А еще спустя минуту – предположение: а может быть, ей всё это только приснилось?

И ночная буря. И встреча с Филей. И...

Стоп!

Резко вскочив с кровати, она бросилась в соседнюю комнату... Но, застыв перед закрытой дверью, она, затаив дыхание, аккуратно приоткрыла ее...

Всё оказалось явью.

Он спал.

Такой знакомый... Всё тот же изгиб тонких губ... Черные брови вразлет... Загар, который ему всегда так шел...

Ничто не изменилось – всё в нём было, как прежде.

Всё такой же большой – сильные руки, широкая грудь, мускулистые ноги...

Ее глаза будто сканировали занесенный когда-то в память штрих-код... Который и теперь совпадал абсолютно.

И эти спутанные волосы, и даже успевшая появиться небритость...

И даже то, как он дышал. Ровно. Спокойно. Словно приехал к ней погостить... Он просто спал, раскинувшись на широком диване.

Такие простые вещи... Которые она когда-то так любила... Которые столько долгих лет мечтала обрести вновь...

Но самым странным было то, что сейчас она почему-то ничего не чувствовала...

Словно зависнув в этом моменте, она никак не могла осознать, что это всё-таки он. И что он рядом...

Но по штрих-коду, так безошибочно ею считанному, совпадение было абсолютным.

...Но тогда была ли это она?

Впервые при встрече с ним у нее не сорвало «крышу».

Она просто смотрела на него, понимая и не понимая, не стремясь узнать, зачем и отчего; без единой иллюзии и наивных желаний; без вопросов и домыслов. Бесстрастно... Просто смотря, как он спит. Так же просто, как и вчера, мгновенно решив подобрать его посреди дороги...

И одновременно не решив ничего...

Например, как же быть дальше? И что теперь со всем этим делать?

А еще каких-то полгода назад она бы наверняка загрузилась поисками какой-нибудь несуществующей сути... Но даже найдя эту злополучную суть, прогнала бы его... опять... Такое простить невозможно!

Хотя отлично бы знала, что это любовь... И, прогнав, потом бы ненавидела себя за это... А теперь?

Видимо, анестезия, полученная в объятьях Максима, еще действовала.

Конечно, столько безумных ночей!

Ну так какого же... она ввязалась во всё это?!

...Даже сам всемогущий Гугл не дал бы ей ответа.

И всё же она не могла отвести глаз... Особенно от его правой руки, на которой не было обручального кольца...

Женщина всегда остается женщиной. «Подумаешь! Он его просто не носит». Или это всё же не просто так?

Но она отлично помнила, что и когда они еще были женаты, он тоже не любил его носить...

Интересно, как он прожил все эти годы? Чем занимался? И был ли он счастлив в этой своей новой жизни, в которую ушел когда-то?

Снежка бросила взгляд на часы – было восемь. Выпускной в пять вечера. Пусть спит.

Было видно, как он сильно измотан... И что ссадина на его щеке, обильно смазанная йодом, воспалившись – жгла и горела... Но он всё равно спал, забавно раскинувшись под легким хлопковым одеялом.

Он... Предавший ее мальчик... клятвенно обещавший быть рядом с нею... Всегда.

Подняв его грязные вещи с пола, она всё так же тихонько вышла, плотно прикрыв за собой дверь.

Кухня утопала в утреннем солнце.

Бросив джинсы, футболку и куртку в стиральную машину, Снежка, тряхнув копной золотисто-каштановых волос, словно наконец придя в себя, недовольно поджала губы: «Такой же! Да кто бы сомневался! И, судя по всему, по-прежнему раздолбай!»

Свои вещи Филипп нашел аккуратно сложенными на стоящем по соседству с диваном стуле. Все они были выстираны и заботливо отглажены.

И, быстро одевшись, он тут же направился на поиски Снежки, чтобы всё-таки объяснить, но она была чем-то очень сильно озадачена: разбросав содержимое своей сумочки по кухонному столу, озабоченно перебирая валяющиеся перед ней предметы, она, по всей видимости, что-то искала и никак не могла найти.

– Ты что-то потеряла? – спросил он.

– Права... Я потеряла водительские права, – расстроено ответила она и, отбросив сумку в сторону, направилась во двор, к машине: «Если нет там, то я уже не знаю...»

...Потеряла права... У Филиппа было дурное предчувствие.

Эд, нахмурившись, рассматривал документы.

– Ну?! – наконец раздраженно пробубнил он. – И что это, по-вашему, значит?

– Это водительские права... – начал было Капа.

– Сам вижу! – грубо оборвал его Эд. – Чьи права? Мне почему-то лицо этой женщины кажется знакомым...

– Всё верно, босс, – подтвердил Гном. – Это Снежанна, мать Валерии.

Точно. Теперь Эд окончательно вспомнил. Да. Это именно с ней он подписывал бумаги, разрешающие Валерке участвовать в шоу.

– Ну, и что дальше? – снова и еще более нетерпеливо спросил он. – Причем здесь она?
– Пока не совсем понятно, но совершенно точно установлено, что это женщина Макса, – ответил Капа.

– Снежанна... Любовница Макса?! – Эд почувствовал себя полным кретином.

«Ну конечно! Какой же я идиот! Не дочь, а мать – его пассия!»

И, еще раз взглянув на фото в документах, он вдруг ощутил невероятное облегчение: значит, Максим ему не соперник! И между ними стоит только бизнес... а значит, путь к сердцу Валерки открыт.

– Ее права валялись прямо в луже крови, – решил всё же вмешаться в дискуссию молчавший всё это время Гном. – По всей видимости, это ее машина подобрала Филиппа.

– Ну, это уж слишком! – невольно вырвалось у Эда: как только одна проблема отпала сама собой, то тут же нарисовалась другая. – Макс! Макс! Макс! А теперь еще эта... Снежанна... Какого дьявола она делала посреди ночи на шоссе?

– Скорее всего, это не более чем совпадение, – предположил Гном.

– Ну уж нет! Вы, оказывается, еще глупее, чем я думал! – снова взбешенно заорал на них Эд. – Наверняка это всё подстроил Макс! И я нисколько не удивлюсь, если Филя по факту окажется его человеком!

– Да у них самая обыкновенная любовная связь, – медленно, отчеканивая каждое слово, произнес Капа. – Мы не поленились и покопались в прошлом Филиппа – обнаружили кое-что интересное.

– Ну и...

– Снежанна была его первой женой, потом он развелся и женился на Ксении, на которой женат и сейчас... Но, как говорится, старая любовь «не ржавеет». А Валерка – их общая дочь. Его дочь от первого брака.

«Ничего себе!» – подумал Эд, а вслух глупо спросил:

– Так Филипп – отец Валерии?

Гном и Капа кивнули.

Эд никогда не был тупым – тупить вообще не в его характере; скорее наоборот, он всегда был излишне импульсивен, но идиотизм создавшейся ситуации, похоже, не имел предела: даже хоть как-то прокомментировать услышанное он был не в состоянии. Да и что тут скажешь? Кроме одного: «И что теперь?»

– ...Но, может, всё не так уж и плохо? – продолжил свою мысль Гном. – По крайней мере, мы знаем, где его искать.

Но Эд уже не слышал их – его мозг лихорадочно работал, пытаясь найти из всех возможных вариантов правильное решение.

– Исчезните! Мне надо подумать... – бросил он своим оруженосцам, сосредоточенно уставившись в окно.

Валерка сладко потянулась под изрядно помятой простыней.

Почувствовав, что она проснулась, Влад тоже заворочался, бурча что-то себе под нос.

Девушка нежно посмотрела на него и довольно улыбнулась: они занимались любовью почти всю ночь, и она наконец-то была по-настоящему счастлива.

Она мечтательно провела рукой по его густой взлохмаченной шевелюре и тихонько хихикнула. Влад открыл глаза и, недолго думая, снова заграбастал ее с свои объятья.

– Мне очень нравятся твои волосы – они такие же упрямые, как и ты, – задумчиво проговорила Валерка, поцеловав его в небритую щеку, и попыталась выбраться из его рук, но Влад был настроен решительно...

Но тут его телефон громогласно напомнил о своем существовании. Услышав серьезный голос оперативного дежурного, юноша мгновенно стал сосредоточенным и немного хмурым.

Знбком он показал Валерке, чтобы она подала ему одежду.

Та нехотя встала, подняла с пола джинсы и, раздосадованно швырнув их ему, ушла прочь, громко хлопнув дверью.

Закончив разговор, Влад молниеносно оделся и уже хотел было выйти из комнаты, как его взгляд неожиданно упал на маленькие кружевные трусики, игриво повисшие на ручке кресла.

«Ах, если бы не эта срочность!»

Валерка же обиженно сидела на кухне, взгромоздившись на высокий барный табурет, совершенно голая и демонстративно уставившись на стоящий перед ней стакан сока.

Окинув Влада испепеляющим взглядом, она быстро нагнулась за упавшим на пол махровым полотенцем и обиженно закуталась в него: «Конечно, я это так, когда совсем нечего делать!»

Влад действительно чувствовал себя немного виноватым, но что он мог? Служба обязывала его быть готовым на выход в любое время дня и ночи...

Хорошо, что сейчас была не ночь!

Подойдя к Валерке, он ласково обнял ее. Она же снова рассерженно зыркнула на него своими огромными голубыми глазищами – и он тут же утонул в них:

– Люблю тебя...

Какие потрясающие волшебные слова!

Валеркино сердце чуть не остановилось от счастья, услышав их нежный перезвон.

«Что же такого есть в этом парне, что просто сводит меня с ума?»

Валерка недоумевала: однажды ворвавшись в ее жизнь, он перепутал все ее мысли, смешал все чувства, подчинил себе ее разум...

Но не было ничего слаще этого плена! Или всё-таки было?

Зачем-то снова вспомнился Эд. Но она быстро отогнала от себя мысли о нём – нечего! Еще какие глупости! У меня всё хорошо! У меня есть Влад!

И, уже улыбнувшись, она примирительно поцеловала своего избранника.

– Ты скоро? – выпуская его из своих объятий, спросила она, хотя прекрасно знала, что на этот вопрос не существовало ответа.

Влад уже был у двери:

– Давай условимся так, – проговорил он, исчезая на лестнице. – Если хочешь когда-нибудь выйти за меня, то тебе придется смириться с тем, что в моей жизни существует еще одна любимая женщина – моя работа.

Глаза Валерки широко распахнулись от его таких неожиданно смелых фантазий, и она невольно ахнула – полотенце снова соскользнуло с ее плеч, оставив совершенно голой.

Но она даже не обратила на это никакого внимания, вся кипя от возмущения: «Ну ничего же себе!»

– Что-то я не помню, чтобы собиралась за тебя замуж! – вслух выпалила она.

Влад напоследок еще раз окинул восхищенным взглядом ее точеную фигурку:

– Ты просто обалденна! Я позвоню! – и, весело подмигнув ей, скрылся за дверью.

Терпкий аромат свежесваренного чая наполнял своим бодрящим запахом мирно дремлющий дом.

Снежанна и Филипп сидели на кухне и молчали, обдумывая сложившееся положение.

Он всё рассказал ей, и теперь со всем этим нужно было что-то делать.

Оказывается, он был служащим Эда – того самого Эда, с которым уже полгода работает и Валерка.

Погибший Шурик. Наркотики. Пропавшие доллары...

У нее с самого начала было дурное предчувствие... уже случившейся беды...

– Ужасно... – резюмировала Снежка. – Но тем не менее мне необходимо быть в городе – вечером у Валерии выпускной. И я должна быть рядом с дочерью.

– Это опасно, – тихо проговорил Филя.

– Ты останешься здесь, а к ночи я вернусь, и мы подумаем, как быть дальше.

– Ты не понимаешь: это очень опасно теперь и для тебя – ведь ты потеряла документы, скорее всего, там, где подобрала меня, и наверняка тебя тоже ищут.

– Особо долго искать не будут – я отлично знакома с твоим боссом. Вашу «контору» на конкурсе красавиц представляла Валерка. Ты разве не знал?

Нет, Филя был абсолютно не в курсе.

Он что-то слышал о том, что Эд нашел какую-то совершенно потрясающую модель... Но у него были конкретные обязанности, и ему платили за их выполнение, а не за сбор сплетен, витающих в компании.

Он и представить себе не мог, что этой невероятной сенсацией была его дочь!

«Наверное, она действительно очень хороша, раз Эд вкладывает в нее такие деньжищи».

А между тем его воспоминания о ней ограничивались моментом ее рождения и несколькими месяцами их совместной жизни, пока он еще был рядом.

А потом было то, что было...

И вот сегодня Валерка заканчивала школу.

Снежанна задумчиво смотрела на него. О чём она думала?

Как же много он хотел сказать ей, но любые слова, любые объяснения сейчас были сколь уже ненужными, столь же и неуместными. И абсолютно бессмысленными.

Но это так несправедливо! А что, он только сейчас узнал, что жизнь – дерьмо?

Знал...

Но он не знал, что жизнь умеет мстить... Вот так... Безжалостно... Добивая даже лежащего...

– Я еду в Питер, – наконец и категорично произнесла Снежанна. – И никакие обстоятельства не смогут испортить праздник моей дочери! – И в ее зеленых глазах появился такой знакомый, металлический оттенок, а это значило, что спорить с ней бесполезно – Филя хорошо помнил этот взгляд.

Взгляд принятого решения.

Снежанна деловито суежилась перед зеркалом, умело колдуя над своим лицом, – она торопилась, ведь Валерка ждала ее еще вчера, а теперь успеть бы на вручение!

– Я поеду с тобой, – услышала она за спиной Филин голос и обернулась. – Мне тоже необходимо вернуться в город и отдать Эду кейс. Это единственное, что, возможно, еще сможет помочь всё исправить. Ведь если Капа и Гном нашли твои документы, они очень скоро выяснят, что Валерка имеет ко мне самое прямое отношение... И она первая окажется под ударом...

«Капа... Гном... Сумасшедший дом какой-то...» – внутри Снежки всё похолодело.

Ну почему Максим так не вовремя уехал? Она отлично знала, что Эд считается с его мнением, как ни с каким другим...

Но Максим был в отъезде, и им придется справляться самим.

Хотя, это даже к лучшему: а то, как она объяснит ему ее столь странную встречу со своим бывшим... Из-за которого они не могли сблизиться столько лет. Поверит ли он в случайность? А сама бы она поверила?

Ответ был очевиден.

– Хорошо, – бесцветным голосом ответила она. – Вернешь Эду кейс – и дело с концом. Ты и так принес слишком много горя нашей дочери... Хотя ты уже давно позабыл, что Валерка и твоя дочь! – резко проговорила она и, немного помолчав, уже совсем тихо добавила: – Хочешь ты этого или нет...

Сжав кулаки, он вышел во двор... Покурить... Как будто курево было ключом к решению всех проблем...

Кого он сейчас ненавидел больше: Снежку, себя или сигареты?

Но эти пронзительные слова – как удар хлыста... Как неоконченная дуэль из прошлого, которая провоцировала...

Провокация удалась...

А сигарет почти не осталось.

«Нет, ну точно стерва! Ну как всегда!»

«...Ты забыл? Валерка и твоя дочь тоже, хочешь ты этого или нет!»

Кого ему обманывать? Себя?

Он помнил.

Он помнил, как сначала хотел. Потом не хотел. Потом – снова хотел... И никак не мог решить... Быть ему отцом или нет... Он так боялся ее обидеть. А, еще больше – потерять.

И наконец стало совсем поздно... Стало поздно всё...

«Мне было двадцать – я был дурак!» – и даже сейчас понятно ему было только лишь это...

Но дурак, любивший ее до безумия. И так же сильно ненавидевший. А потом снова любивший...

Такое бескомпромиссное нетерпение сердца... Когда тебе нужно всё и сразу...

А главное – быть всегда вдвоем. Всегда. И только друг для друга.

Они даже обменивались футболками и свитерами, если расставались до вечера, – чтобы не было так одиноко. Чтобы чувствовать близость... каждый прожитый вздох миг... Чтобы иметь возможность касаться... Чтобы вдыхать аромат этого волшебства не переставая...

Впереди была целая жизнь! Неужели этого мало?!

В тот вечер они орали друг на друга, как ненормальные:

– Я не виновата! Я не специально!

– Нет, я всегда знал, что ты чокнутая! Ты еще в школе портила мне жизнь!

– Я?! Да это ты таскался за мной...

Они чуть не подрались.

Причиной всему была ее беременность.

– Чего ты орешь на меня?! Я что, сплю не с тобой?!

Но Филипп был в бешенстве:

– Ты обещала... Ты говорила...

– Мне тоже не сто лет! – у Снежки уже началась истерика. – Мне тоже двадцать! Но я ведь уже сделала аборт! А если у нас потом не будет детей?

...Даже спустя столько лет Филя хорошо помнил, как она вдруг замолчала, словно внезапно осознав смысл сказанной фразы...

И как он словно оглох от внезапно наступившей тишины.

Его крик сиротливо повис в воздухе и, удрученно смолкнув от заставшего его врасплох безмолвия, он растерянно наблюдал, как ее глаза беспомощно наполняются слезами, – раздосадованно понимая, что снова и абсолютно сражен ее беззащитностью...

...Вся такая трогательная, со спутанными прядями влажных волос и закутанная в мохнатое банное полотенце, еще не успевшая обсохнуть после душа...

Она была всё так же одуряюще желанна...

Ну зачем? Зачем он устроил эти дурацкие разборки?! Ведь всё равно никогда и ни за что не сможет без нее...

...Но что сделано – то сделано.

И вот теперь, потрясенная его такой необъяснимой жестокостью, она ошарашенно смотрела на него, поверженно и пристально, словно пыталась понять: тот ли это мужчина, которому она однажды доверила свое сердце?

Такой невероятно злой, с копной густых черных волос, нервно им взлохмаченных, под стать грозному взгляду – категоричному и негодующему, словно она совершила нечто ужасное, чему нет и не может быть прощения...

...Был август. Почти полночь.

В раскрытое настежь окно врвался темно-сиреневый закат, весь изрезанный небрежными рисунками разорванных яркими бликами, непонятно откуда налетевших туч, которые всей своей тяжестью нависали над крышей их многоэтажки, замерев в душном сумеречном мареве.

Казалось, что даже время вокруг них остановилось, опешив от такой невероятно глупой ссоры, и недовольно хмурилось, разочарованно пожимая плечами: что за блажь? И как только вам не стыдно?

Но всё без толку – они не слышали, взрывная смесь непримиримых эмоций лишала последних капель рассудительности.

Глаза в глаза – как око за око.

И лишь только когда догорающая сигарета больно обожгла его пальцы, Филя, словно очнувшись от охватившего его приступа бешенства, быстро затушил окурочек и уже примирительно привлек Снежку к себе.

–... Люблю тебя... – Он, как всегда, сдался первым – ведь это просто невозможно – так долго спорить с этими зелеными глазами. Особенно сейчас, когда в них так призывно отражались и тут же гасли лучи догорающего за окном заката...

Но натянутая, точно струна, Снежанна упрямо не желала мириться, полная иступленного отчаянья. Теперь злилась она и, не в силах побороть обиду, грубо оттолкнула его от себя – ресницы воинственно взметнулись вверх, слёзы пропали.

Она была готова сражаться – дальше и до конца!

«Я кто, по-твоему? Бесчувственная матрешка?!»

Она негодовала, и, казалось, по комнате уже летали электрические разряды, только зажги спичку – и всё!

Но сверкнула молния – ярко, точно вспыхнули тысячи свечей... так кстати напугав ее нереально громкими раскатами уже вовсю сотрясающего сонный город грома.

Словно сами небеса вдруг решили уговорить эту взбунтовавшуюся красотку, заставив ее привычно искать защиты в родных объятьях... и, доверчиво прильнув к Филиной груди, она наконец послушно замерла, вслушиваясь в его ровное, спокойное дыхание.

... А через мгновенье Питер накрыла гроза...

...И зачем только он всё это помнил?

Даже то, как потом стало совсем темно, и они еще крепче прижались друг к другу. И как он хотел сказать ей что-то еще, но Снежка, поспешно зажав ему рот своей ладонью, умоляюще прошептала:

– ...Молчи...

...И как он не дал ей договорить... А просто целовал, целовал, целовал...

...Полотенце упало.

Вот это и было началом, похоже, теперь уже навечно замкнутого вокруг них круга. Ведь даже сейчас он безумно желал лишь одного – еще хотя бы раз вдохнуть аромат этой женщины...

А ведь ему уже тридцать семь!

...Но он по-прежнему находился там – внутри этого очерченного ими когда-то периметра...

Однажды... когда им было всего пятнадцать...

Он так спешил к ней... а она оттолкнула его...

Впервые...

Так раздраженно и так грубо...

...Но что он сделал?

...Чем обидел?

... Она стояла перед ним – всё такая же...

И он никак не мог понять почему. Отчего такая перемена?!

Или она злилась от того, что он так долго не приезжал? Но он просто не знал, куда ему ехать!

А еще его мать в отпуске – и не спускает с него глаз... Провались оно пропадом, это лето! И, дача...

А девиз тамап на ближайшие недели: «Отдых – это главное: остальное подождет...» – просто без комментариев... Она была полна планов... И что он мог?

И ей еще нужно было как-то объяснить, зачем ему так срочно нужно в город... Предвкусная ее неизбежный вопрос: «Неужели это так обязательно?», Филипп лихорадочно продолжал искать причину для этой поездки... Но она никак не находилась...

Он же обещал Снежке хранить в тайне то, что произошло, особенно последствия... Поэтому и медлил...

А еще каждый вечер мотался в соседний с их дачей поселок, отстаивал длиннющую очередь к старой телефонной будке... Чтобы позвонить ей на домашний, пытаясь разузнать, где же она...

Но ее отец упрямо твердил ему в трубку лишь одно:

– Ее нет... – и отключался.

«Господи! Как она? Что с ней?» – они ведь договорились встретиться только после того, как всё хотя бы немного уляжется...

Прошла неделя, а известий от нее так и не было. И Филе хотелось верить, что буря уже миновала.

Будь что будет... Уже всё равно...

И он двинулся в путь по наитию, решив всё-таки искать ее за городом...

И нашел...

...Вначале она так обрадовалась... А потом... оттолкнула.

Внутри него всё замерло – и он непонимающе смотрел на нее... С застывшим во взгляде вопросом...

Но Снежка твердо решила, что никогда и ничего ему не расскажет...

... О таком с мужчинами не говорят... Он никогда не поймет ее... Не поймет, что она реально побывала в беде... И так же реально узнала, что такое одиночество, оставшись совсем одна. И в один короткий миг стала старше него на годы...

– ...Валентина Петровна, – безапелляционно констатировала гинеколог. – Ваша дочь беременна...

И красивое лицо ее матери мгновенно осунулось, словно всё то прекрасное, чем была наполнена ее жизнь, вдруг потеряло всяческий смысл...

«Беременна» ... Как спущенная вниз гильотина... Как абсолютный конец. Как крах. Как безвозвратно выпущенная стрела.

И Снежка отчетливо видела, как, с трудом поборов охватившее ее ощущение ужаса, мать лишь пристально взглянула на нее, затем так же молча поставила свою подпись на необходимых документах и, сдержанно попрощавшись с врачом, вышла из кабинета...

У обоих перед глазами стоял образ мужа и отца...

Этот красивый восточный мужчина... Художник. Посвятивший себя искусству...

Принципиальный. Категоричный. Воспитанный в строгих традициях...

Страшно было даже представить, что будет, если он обо всём узнает!

И это его дочь?!

Его любимая ненаглядная дочь?!

Докатилась до такого?!

А мать?! Куда смотрела она?! А еще педагог!

И этот соплик – абсолютно неподходящая партия для его красавицы-дочери! Неужели это понятно только ему?!

Просто всем плевать на репутацию семьи! Безответственные!

Когда они вернулись домой, он сидел среди разложенных вокруг себя карандашных набросков, привычно размышляя о предстоящей работе... Приготовленные кисти и краски говорили сами за себя... Свеженатянутый холст ждал...

Он задумчиво улыбнулся им и снова погрузился в свои творческие изыскания.

Как всегда, сдержан и лаконичен. И как всегда, абсолютно погружен в живопись.

Снежка уныло кивнула в ответ...

Истинно восточный мужчина... Служитель муз... Для всего их окружения – образец для подражания во всём... Интеллектуал. Прекрасно владеющий немецким.

...А она подвела его...

И в первую очередь – маму...

И Снежке было ее очень жаль... Видя, как та переживает... А еще ей было стыдно.

Короче, апокалипсис был близко как никогда.

И, спасая ее доброе имя в глазах отца, Валентина в назначенный день рано утром отправила ее в больницу, не провожая...

«Экскурсия», – пояснила она мужу и, быстро собрав необходимое, увезла его на дачу...

Этюды не могут ждать... Да и погода благоволила к наброскам. Грядут выходные, а он должен был обязательно вернуться в город в начале недели.

И вроде всё складывалось на редкость удачно... И они с матерью были почти спасены от его гнева...

Да, отец так ничего и не узнал.

Но в тот день Снежкино детство закончилось... И юность тоже.

На нее хмуро смотрела взрослая жизнь, в которую ей пришлось так рано шагнуть под пристальными осуждающими взглядами. Но кто виноват в этом? Да только она сама.

Врачи. Медсёстры. Санитарки.

Их косые, презрительные взгляды. Колючие и отвратительные...

«Такая маленькая, а уже такая развратная...»

«Ни стыда, ни совести! Только ЭТО и на уме!»

«Хорошенькая... Изящная... Теперь уж точно она с этой дорожки вряд ли сойдет... Будет кочевать из рук в руки...»

А Снежке так хотелось крикнуть: «Люди! Очнитесь! Он у меня один! И на все времена...»

Но в тот день ее окружала лишь жестокость.

Первая в ее жизни.

Воспитанная в любви и заботе, она не понимала – не могла понять, как так можно?! Ведь они совсем не знали ее!

И, сжавшись в маленький испуганный комочек, она смиренно ждала окончания этой пытки...

И к концу этого жуткого дня было уже непонятно, что у нее болело больше: вывернутое наизнанку тело или душа...

А тело ныло...

Никто ведь ничего не обезболивал... Только на те недолгие десять минут, что длилась сама операция... И только оттого, что она – несовершеннолетняя...

На остальных женщин, попавших в эту «мясорубку» вместе с ней, было страшно смотреть... Всё наживую... Словно они все побывали в камере пыток.

Такое остается с тобой навсегда.

Так что Снежка могла рассказать Филе?

Что отныне их счастье навечно омрачено этим адом? Что теперь и она сама не уверена в том, что она не б...дь?

...Восточные женщины сильные... И она сможет пережить это в одиночку – только нужно время...

Или же ей так казалось?

– ...Я люблю тебя... – еще раз с надеждой проговорил Фила, но она не слышала...

А опять видела лишь его глаза... Безвозвратные, как омут...

Удивительно, но боль отступала, когда она послушно тонула в их глубине...

И, согретая их безграничной любовью, она вновь смело шагнула им навстречу...

Как же он скучал по ней!

Что даже сейчас, прижимая ее к себе, он уже скучал... Такое это было счастье... И горе... что нужно расстаться.

И он был готов снова и снова нестись хоть на край света, лишь бы увидеть ее...

Если светило солнце...

И даже если шел дождь...

И плевать на то, что скажут родители...

Он всё равно садился в электричку и ехал – сначала от своей дачи до Питера, потом из Питера к ней...

И этот август превратился для него в беспрестанное, бесконечное движение...

Пыльные перроны... И поезда... поезда... поезда...

И заученное наизусть расписание, как строчки всемогущей молитвы...

И, естественно, без билета... И поэтому каждый раз торчать всю дорогу в тамбуре, чтобы, «если что», успеть выскочить на ближайшей станции, спасаясь от кондуктора.

Ничто не имело значения... Только чтобы она снова не отвергла его... Только бы быть рядом... Чтобы знать, что он по-прежнему ею любим...

Скептики бы сказали на это: «Обычное дело! Просто гормоны! Оглянись, парень, кругом столько других девчонок!»

А ему нужна была только она...

Как и ей... только лишь он... Его обожающий ее взгляд, дороже которого у нее не было ничего на свете...

Ни тогда. Ни теперь.

Просто иногда мы ошибаемся... И цена ошибки может быть очень высока...

... Снежка вновь стояла перед кабинетом всё того же врача...

И на этот раз какая-то неведомая ей сила настойчиво удерживала ее от последнего шага...
Пройти через всё это еще раз...

«Я не смогу...»

Но они так поссорились. И, наверное, самым логичным для нее было согласиться с его доводами... Они молоды. Амбициозны. И только-только поженились... Впереди целая жизнь...

И любовь... Что единственно и реально имело значение для них обоих.

Придя сюда, она обещала ему...

Но не смогла сдержать данного слова...

Как и не могла открыться ему... тогда, когда ей было пятнадцать... А лишь грубо оттолкнула, вместо того чтобы прижать к сердцу... и откровенно рассказать, что пережила... как ей было больно и страшно...

Просто не решилась...

И вот теперь, когда она так отчаянно пыталась объяснить, что, так смело отдавшись ему в эту недавнюю, одну из множества прекрасных ночей, она действительно думала, что их любви ничто не угрожает... он ей не верил...

Так был ли смысл в такой откровенности тогда? В его такие безмятежные пятнадцать?

Урок был жестоким.

А дверь перед ней – дверью в ад...

А еще ее посетило озарение – грустное осознание того, что мужчины другие. И их любовь совершенно другая.

Эгоистичная. Бескомпромиссная. Желающая обладать и владеть – навсегда и безраздельно. Особенно в двадцать...

...И далеко не безусловная.

Мужчины...

...Мужчина.

Ее Филипп вырос... И с иллюзиями было покончено...

Да, он любил ее...

...Но, он тоже никогда не поймет, что это значит: ощутить однажды, как холодный металл вонзается в твое тело... чтобы забрать частичку твоей души...

...Он был непримирим. Зол. Считал, что она поступила нечестно. И не простил ей...

Хотя... она тоже была зла на него... Еще всего полгода назад... И еще как зла! За «Кресты» ... Ведь, предупреждала же! Просила! И несмотря на это, всё же осталась рядом... лишь только он позвал ее...

Прошлое... как распахнувшаяся настежь дверь, через которую вновь врывалась всё та же буря... И снова зловеще кружила вокруг них, не зная пощады...

Снежка сидела перед зеркалом, отбросив в сторону пудру и тушь...

Филя курил в саду...

Так кто кого предал?

Это так страшно – знать ответ...

Каждому... из них...

Снежанна хотела вызвать такси, но Филя отговорил ее – слишком опасно.

Лучше обычная пригородная маршрутка – легче затеряться, хотя это вряд ли уж так сильно поможет им... Возможно, они лишь выиграют время.

«Вот что значит остаться без прав! Растяпа!»

Хорошо, что будний день и направляются они в сторону города: маршрутка была заполнена только наполовину.

Филя полулежал в соседнем кресле, невозмутимо уставившись перед собой.

Бросив на него очередной рассерженный взгляд, она отвернулась к окну – к струящимся теплым лучам солнца. Какая чудесная погода – как раз для выпускного бала! Красота!

... Если бы не вся эта история...

И она опять разозлилась: «Ну просто замечательно! Десять лет! Мы не виделись десять лет! И вот, пожалуйста, он снова рядом! И как обычно, всё сразу стало наперекосяк! Это не человек – это ходячая катастрофа!»

А Валерка, несомненно и несмотря ни на что, заслужила праздник.

Окончание школы, причем весьма успешное, – достаточно серьезная высота. Хотя не удивительно – ведь она обладала необходимой хваткой, терпением, умом.

Снежанна с детства приучала ее к мысли о том, что всё будет непросто и что в этом стремительном мире надо непременно быть готовой к трудностям, быть выносливой и очень сильной, учила преодолевать, добиваться желаемого.

Иногда было очень трудно, но Снежка не отступала.

И вот Валерка выросла. Красивая. Умная. Решительная... Непокорная.

Но, став именно такою, она смогла добиться всего того, что имела сейчас...

Даже титул первой красавицы.

И Снежанна гордилась ею.

Да и ее собственная жизнь начала налаживаться – она уже почти вышла замуж... как неизвестно откуда появился...

Она украдкой взглянула на Филиппа...

Невероятно! Но он спал!

Лишь только они попали в зону покрытия сотовых вышек, Снежанна тут же достала телефон. Валерка была дома – в отличном настроении, полностью поглощенная приготовлениями к вечернему торжеству.

– Я приеду прямо в школу, – коротко сообщила ей Снежка. – Я потеряла права и добирюсь своим ходом. У тебя всё в порядке?

– Да. Не волнуйся. Только, пожалуйста, не опаздывай, а то пропустишь самое интересное.

– Не беспокойся. Я буду вовремя.

Поговорив с дочерью, Снежка облегченно вздохнула – Валерка была безмятежна, как ангел. Значит, пока всё хорошо и еще ничего не случилось.

Слава богу!

Она взглянула на Филю. Он вопросительно смотрел на нее – что он хотел услышать?

Не важно. Компромисса быть не могло.

– Сначала поедem в школу, – категорически заявила она, – а уже потом за кейсом.

– Лучше я сам, – грустно улыбнулся тот. – Со мной сейчас очень опасно водиться...

– Не более, чем всегда, – ответила она, а про себя подумала: «Пока я с тобой, тебе ничто не угрожает. Они не посмеют причинить мне даже мало-мальский вред. Я – женщина Макса...» – и тут она впервые почувствовала, как ей нравится осознавать это...

Огромный актовый зал буквально утопал в цветах.

Красные, желтые, фиолетовые, бордовые... Они переливались потрясающим радужным сиянием, словно алмазная россыпь, ограненная малахитовой зеленью упругих, затейливо выгнутых стеблей и листьев.

В огромных зеркалах отражались счастливые юные лица, мелькали пышные вечерние платья, поправлялись замысловатые прически, незаметно подкрашивались губы. Со всех сторон доносилось беспечное мальчишеское гоготание, заглушающее девчоночье шушуканье – всё это напоминало гудящий улей с тысячью снующих туда-сюда пчел.

И лишь чопорная степенность родителей, чинно восседающих в креслах для гостей, придавала этому шумному собранию необходимую важность и торжественность; покровительственными взглядами они наблюдали за своими уже выросшими чадами, которые без умолку хохотали и с завидной откровенностью вели между собой весьма пикантные разговоры, задорно подтрунивая друг над другом. Им даже не приходило в голову скрывать от чужих любопытных глаз свои симпатии.

Сцена была пуста. Лишь многочисленные корзины с восхитительными белыми лилиями величественно красовались возле элегантного черного рояля.

А в широко распахнутые окна добродушно улыбалось вечернее солнце.

Окинув беглым взглядом это достаточно забавное действо, Снежанна выдохнула: «Успела!»

Плевать на всё! Сейчас самое важное – дочь.

Тем более что ее родители, Валеркины бабушка и дедушка, отдыхали в санатории и не могли сегодня присутствовать. А Максим вообще находился за границей.

Хотя, что где-то здесь был Влад, она нисколько не сомневалась.

...Снежанна обернулась и посмотрела на Филиппа: он стоял неподалеку и не сводил с нее глаз.

Как же ей хотелось этого раньше... А что теперь? – «Хорошо, что здесь нет мамы, а то бы ей точно сделалось дурно!»

– Сколько лет мы жили спокойно, – сказала бы она, – и вот теперь всё сначала...

Чтобы не загружаться, Снежка быстро отогнала эти мысли прочь.

«Надо найти Валерку...» – И она двинулась в самую гущу веселья, оставив Филиппа стоять на месте. Она обещала познакомить его с... дочерью...

– Но у меня одно условие, – твердо заявила она. – Валерия не должна знать, что ты – ее отец. Давай не будем портить ей праздник.

Не прошло и пяти минут, как Снежка вернулась и знаком указала ему на высокую, хорошо сложенную девушку, направляющуюся к ним.

Да, действительно, Филипп уже видел ее раньше на глянцевах красочных постерах – оказывается, это была его дочь! И в реальности она тоже была обалденна! Какой, к чертям, фотошоп?! Какой в нём смысл? Только портить то, что так умело создала природа... или он... со Снежанной...

...Она не шла – она плыла в прохладных струях прозрачного розового шёлка, который волнующе обнимал ее гибкое тело.

Пышные черные волосы, в которых разноцветными звездочками игриво серебрились блески, небрежно спадали ей на плечи.

Огромные голубые глаза, обрамленные длинными густыми ресницами, были устремлены прямо на него.

Она шла к нему именно той неспешной походкой, которая каждым своим движением сводит с ума мужчин, вызывая почти смертельную зависть у женщин.

И Филя не мог оторвать глаз от этой семнадцатилетней девочки...

«Невероятно! Моя дочь...»

Валерия остановилась напротив, одарив его ослепительной улыбкой, и от легкого кивка ее головы чуть-чуть покачнулись хрустальные сережки, эффектно подчеркнув ее длинную смуглую шею.

Валерка была воистину хороша – от ее глаз невозможно было оторвать взгляда – они были точно бездна, глубокие и опасные.

– Значит, вы – давний друг мамы? – кокетливо склонив голову набок, спросила она.

– Да. – Голос Филиппа, на удивление, прозвучал очень ровно. – Мы вместе учились в школе...

Валерия снова улыбнулась, обнажив ряд белоснежных зубов...

Фантастика! Даже не верится! Но...

...Вот она и стояла перед ним. Она. Причина их давней размолвки. Из-за которой он и ушел.

Снежкин выбор.

Когда, безумно любя, он тогда неосознанно и по-мужски эгоистично, почти физически противился всему тому, что было связано с ее беременностью...

Нет, он честно старался побороть в себе это странное чувство неминуемого появления на свет собственного продолжения. И уже почти принял это как данность...

Но этот маленький плаксивый комочек в одночасье стал для Снежки важнее всего на свете, и он с досадой понял, что его обманули: «Обещала же, что ничего не изменится!»

А ведь это был даже не сын, о котором они так мечтали!

И, осознав, что их уже больше никогда не будет двое, он словно сошел с ума: «Ты и я – это всегда должно было быть неразделимо...»

Но кто-то там наверху, видимо, считал иначе...

И вот сейчас ИХ РАЗМОЛВКА, счастливо сияя, с интересом рассматривала его – немного удивленно, но соблюдая приличия и не задавая матери никаких неудобных вопросов, намеки на которые недвусмысленно читались в глубине ее насмешливого взгляда.

Она стояла перед ним – легкая и прекрасная, – безмятежно купаясь в своем пока еще детстве, но уже на пороге такой близкой взрослой жизни...

Их размолвка выросла...

Без него. Как он и хотел.

Недаром говорят: бойтесь своих желаний – они сбываются. Его желание сбылось. И смотрело оно на него открыто и в упор: такое прекрасное и успешное... уже в свои семнадцать...

Но вдруг откуда-то из кружащего вокруг водоворота музыки и смеха возник высокий стройный юноша и, схватив ее в охапку, увлек за собой – обратно в самую гущу веселья.

Филе только и осталось, что смотреть им вслед...

Но как чудесно было это виденье...

Наконец началась торжественная часть.

На сцену выплыла весьма габаритная, разодетая «в пух и прах» директриса и обратилась с трогательной речью к собравшимся.

Снежанна посмотрела на часы – длинный, полный переживаний день уже совсем клонился к вечеру. И теперь, когда главное дело было почти окончено, в ее голову снова начали лезть неприятные мысли.

Филипп... Нужно срочно спасать ситуацию... Но как?

И когда все аттестаты были уже вручены, она, на свой страх и риск оставив Филю беседовать с Валеркой и Владом, направилась на поиски туалета. Жизнь есть жизнь... А они, как ни странно, были всё же живыми людьми... И посещение туалета – это как данность... Так что...

Школьные коридоры были непривычно пустынные: все толпились в актовом зале, здесь же царствовала тишина, и ее шаги гулко звучали в просторных сводах пустынных лестниц и рекреаций.

Снежанна пыталась собраться с мыслями, но такое множество противоречивых ощущений сейчас теснилось внутри нее, что ничего не получалось.

Какой-то невероятный хаос, в который она была погружена, мешал думать. А еще обидней было то, что она не могла наслаждаться таким важным событием в жизни дочери с отчаянием, понимая лишь одно: как неумолимо время... Ей всё еще казалось, что только вчера Валерка переступила порог этой школы – новая форма, белые ленты, первый звонок... И вот ее дочь – выпускница...

Как быстро! Даже не верится!

Как и не верится в то, что Филя сейчас здесь... Рядом. Впервые за столько лет.

Но тут у себя за спиной она услышала гул быстро догоняющих ее шагов и обернулась: по направлению к ней шли двое. И их хмурые лица совершенно не располагали к знакомству.

«Началось!»

Собравшись с силами, Снежанна приказала себе сдвинуться с места, но ноги не слушались.

«Ничего себе! – мелькнуло у нее в голове. – А я-то думала, что нас не выследят еще целые сутки... Хотя, наверное, я просто дура... Здесь повсюду люди Эда... Где Валерка – там и они... Эта дебильная пиар-компания!»

Но как же ей не хотелось верить в то, что история, рассказанная Филей, была правдой, – лучше бы всё это было дурным сном.

Но приближающиеся к ней мужчины были слишком реальны... и где-то она уже их видела...

– Добрый вечер, – очень вежливо проговорил один из них.

Снежанна ответила лишь легким кивком головы.

– Это, случайно, не ваше? – так же вежливо поинтересовался второй, протягивая ей изрядно поцарапанный пластик, внутри которого находились ее водительские права.

Снежанна же, всё так же по-прежнему молча и демонстративно не спеша, всё же взяла их из рук незнакомца.

– Это очень неосмотрительно – оставлять такие важные документы где попало, – снова и уже до отвращения всё так же вежливо продолжил первый. – Да еще ночью – под дождем.

– Спасибо за помощь, – сдержанно поблагодарила их Снежка и двинулась дальше по коридору.

– И передайте Филиппу, – услышала она вслед, – что кейс он должен вернуть в течение ближайших суток. Пусть поторопится. Вернуть деньги – в его интересах. Надеюсь, вы сумеете убедить его принять правильное решение. Ведь он вряд ли захочет еще бултыхнуться в неприятности...

Ксения вконец извелась.

Получив сообщение от одного из Филиных сослуживцев, она просто не находила себе места от беспокойства.

«Я знала. Я чувствовала, что с ним творится неладное. Мне не следовало уезжать! Надо было плюнуть на всё и остаться!»

Она взглянула на часы: до вылета оставалась еще куча времени, чтобы хоть чем-нибудь себя занять. Но, чем?

Женька по-прежнему сидела уткнувшись носом в какой-то журнал, и со стороны казалось, что ей совершенно наплевать на то, что ее отец находился в больнице, и не просто в больнице, а в реанимации.

Авария. Так было сказано в сообщении.

Вечно он любит превысить скорость!

Ксения тяжело вздохнула: неужели ее дочери настолько безразлична беда близкого человека, что она так спокойна?!

Но тут она вспомнила, что накануне Женька очень сильно поссорилась с ним.

Еще никогда в жизни она не вела себя так вызывающе: устроив настоящую истерику, заперлась в ванной, наотрез отказавшись объяснить причину своего столь неадекватного поведения.

Взбешенный Филипп заперся в спальне.

Ксении же почти два часа пришлось метаться между двумя закрытыми дверьми, совершенно не зная, как быть дальше.

И то, что происходило с Женькой сейчас, вполне возможно, означало только одно: она всё еще была обижена на отца, а значит, причина их ссоры оказалась достаточно серьезной. Но в чём она заключалась?

Да какая теперь разница? Сейчас он был при смерти, а это меняло всё, но, как видно, не для Женьки.

– Врачи всё и всегда склонны преувеличивать, – абсолютно спокойно произнесла она в ответ на полученное из Питера известие.

– Спасибо за поддержку, – ледяным тоном оборвала ее Ксения. – Ты очень прозорлива, и твоей выдержке можно только позавидовать!

«А вот твоей глупости можно только удивляться», – мысленно парировала Женька.

Время шло, и нужно было собираться.

А может быть, всё не так страшно? Что можно толком объяснить в короткой эсэмэске?

Она попыталась дозвониться до кого-нибудь из его приятелей, но почему-то все они были вне зоны доступа сети. И это было странно. Но у нее не было причин не доверять полученной информации. Кому и для чего могло понадобиться так зло разыгрывать ее? Такими вещами не шутят.

Кое-как затолкнув вещи в чемоданы, Ксения подошла к зеркалу и тупо в него уставилась: ее вид оставлял желать лучшего... Осунувшееся серое лицо, усталые глаза, взлохмаченные волосы...

И сердце, которое отчаянно билось, мешая соображать.

Филя... Филя... Филя... Прошло шестнадцать лет с тех пор, как они были вместе. А она всё еще безумно влюблена в него, словно девчонка...

И все эти долгие годы она постоянно боялась его потерять, прекрасно зная о всех его амурных похождениях. Но всё равно продолжала любить...

Неужели Женька узнала о чём-то? Но ведь она так тщательно скрывала от дочери правду! Неужели догадалась?!

Не имеет значения. Сейчас им надо в Питер. И всё.

Женька же бесцельно слонялась по комнатам их пятизвездочного номера и злилась. На всех.

На себя. На мать. На отца. Больше всего на отца...

Но в действительности она была в таком же смятении, как и Ксения – просто не хотела, чтобы та приставала к ней со всякими дурацкими замечаниями.

Женька никак не могла смириться с тем, что ее уютный мир был разрушен раз и навсегда. И кем? Ее собственным любимым «папочкой»!

Ее мир, который был всегда наполнен счастьем и теплом.

Когда она была еще совсем маленькой, он подолгу возился с ней, складывая из кубиков замки и строя из LEGO невероятные сооружения, как в фантастических мультиках, которые они тоже любили смотреть вместе. Или собирая длинные железные дороги.

А когда она подросла – стал ее брать с собой в лес или на рыбалку.

Но теперь она совсем выросла, и у нее появилась собственная личная жизнь. Новые увлечения, интересные друзья и даже симпатичный молодой человек, который ей очень нравился.

Но она всё так же любила поболтать с ним о всякой ерунде, поделиться своими горестями и радостями.

Женька обожала отца... Тем страшнее было разочарование... Он оказался обманщиком!

И она никак не могла понять, что задело ее больше: то, что он был раньше женат, или то, что он до сих пор был равнодушен к этой женщине...

Родители никогда не посвящали ее в свои личные тайны: ее жизнь была безоблачной и счастливой... Вот только последние несколько месяцев отец вел себя как-то странно. Всё время о чём-то думал и совсем не разговаривал с ней.

Его что-то сильно мучило, и Женьке его было очень жаль. Кроме того, она скучала без его внимания – ведь она привыкла к тому, что он всегда был ласков и заботлив.

И в тот злополучный день она решила сделать ему подарок и купила для него небольшую безделушку – забавного клоуна с большим красным носом.

Это должен был быть сюрприз – она хотела спрятать игрушку во внутренний карман его кожаной куртки и случайно там нашла фото какой-то незнакомой женщины. Три снимка. Два из них были сделаны совсем недавно, а третий был довольно старым. На его обороте было написано необычное имя – Снежанна. Такое загадочное – оно излучало таинственность. Как и положено незнакомке. Навскидку девушке на этом снимке было не более двадцати лет. И она была красива.

Недавние снимки лишь подтверждали это: прошедшие годы не лишили ее бывшего очарования.

Неужели отец увлекся другой? А как же мама?

Женька никогда не была истеричкой, и у нее не было дурного характера, как у некоторых избалованных детей, но, узнав о таком, она чувствовала, что находится практически на грани нервного срыва.

А может быть, стоит принять всё как есть? В конце концов, ее родители – взрослые люди, которые в состоянии разобраться в своих отношениях сами.

Оправившись от первого шока, всё в том же кармане Женька нашла незапечатанный конверт. Внутри было письмо, написанное им, видимо, уже достаточно давно, – конверт был изрядно потрепан. Но почему-то так и не было отправлено адресату.

Женька отлично знала, что читать чужие письма нельзя, но, ошарашенная своей находкой, она уже не могла остановиться. И быстро пробежала глазами написанное...

Слова сожаления. Просьба о прощении. Надежда на встречу. А дальше...

Листок беспомощно выпал из ее рук.

Мир рухнул. Ее мир. Ее прекрасный мир был лишь иллюзией...

Ксения же без конца бросала нетерпеливые взгляды на часы, но их стрелки словно застыли на месте.

«А вдруг он умрет и я не успею его увидеть?» Ей было действительно страшно, и впервые в жизни она пожалела о том, что никогда не верила в Бога. Снова и снова вспоминая последние сутки, проведенные рядом с мужем, Ксения всё больше и больше корила себя за то, что не осталась с ним, а ведь интуиция уже тогда подсказывала ей, что сейчас не лучшее время для расставаний.

Она уже тогда чувствовала, что случилось нечто серьезное, но на все ее расспросы Филя отвечал односложно или злился.

Неприятности на работе? Очередная ссора с любовницей?

Она отчетливо помнила, что Филипп не переставая о чём-то думал... Но Женьке был необходим отдых, и ей пришлось уехать.

...Всегда. Всю их совместную жизнь она панически боялась того, что когда-нибудь придется расстаться.

Сколько она пролила слёз! Сколько раз, проглотив очередную обиду, она терпеливо продолжала вить их семейное гнездо, которое было единственным смыслом ее жизни.

Увы, мечтам юности не суждено было сбыться! Филипп ее практически не замечал, а последние недели стали совсем невыносимым: он окончательно замкнулся в себе, почти не переставая курить, бездумно уставившись в телевизор.

Ложась спать, он тут же отворачивался от нее. Но Ксения знала, что он не спит – просто избегает с ней близости.

И теперь ей уже даже не верилось, что когда-то всё было совершенно по-другому. Словно это было не с ней.

Она с тоской вспоминала то время, когда она была так счастлива... Но это было так давно!

«Мое присутствие вошло у него в привычку, а мое существование рядом с ним стало частью его образа жизни. Каждый день, из года в год он привык слышать мой голос, видеть мое лицо, вдыхать запах моих духов, есть приготовленную мною еду, одевать, выглаженные мною рубашки... и, ложась в постель, чувствовать тепло моего тела...»

И это был настоящий кошмар!

Она перестала спать по ночам и, чтобы не мешать Филе, осторожно, чтобы не разбудить его, когда он в конце концов засыпал, выскальзывала из-под одеяла и, прихватив с собой очередной детектив и пачку сигарет, шла на кухню – коротать еще одну бессонную ночь...

Окончательно осознав, что ничего уже изменить нельзя, она решила просто плыть по течению, принимая свою жизнь такою, какая она есть.

Это случилось накануне ее отъезда.

В ту очередную унылую ночь, когда Ксения уже допивала свой кофе, он неожиданно появился в кухне.

Они молча смотрели друг на друга, словно пытаясь понять, зачем вообще они живут вместе.

Именно тогда она и поняла, что это был именно тот момент истины, после которого либо всё, либо ничего...

Тем невероятнее было случившееся.

Они занимались любовью почти всю ночь. Прямо на полу...

Его губы были такими жаркими, руки – внимательными и нежными... А тело – неуто- мимым. И таким позабытым...

Уже настал рассвет, когда Ксения, уставшая, но счастливая, уснула в его объятьях.

Но спустя час она внезапно проснулась от неприятного чувства тревоги.

В окно врвался яркий солнечный свет. И Филиппа уже не было.

Она бросилась в коридор – его куртка тоже отсутствовала. «Ушел...»

Часы показывали полшестого.

«Но ведь еще так рано! – И в ее душе всё перевернулось. – Неужели это было прощание?»

Наставший день тянулся бесконечно и почти свел ее с ума...

Но Филя всё же вернулся... и опять очень поздно. Молча поел. Принял душ. Лег в постель и моментально уснул.

А на следующее утро всё так же молча положил перед ней путевки, загранпаспорта и билеты на самолет.

Вот именно с того момента ее и не покидало ужасающе странное чувство, что это было действительно всё. Что дальше ничего не будет... Потому что больше ничего не осталось...

Слишком много раз Снежанна представляла себе их встречу. Но чтобы так! Чтобы при таких обстоятельствах?! Никогда!

Они сидели на кухне и молча доедали ужин.

– Спасибо тебе... – проговорил Филя, вставая из-за стола. – Но я, пожалуй, пойду. Я и так доставил тебе массу хлопот... – и он направился в гостиную за курткой, которую почему-то оставил там.

Снежанна проследовала за ним, стараясь найти хоть какие-нибудь слова поддержки, но никак не могла понять, что она сама чувствовала в эти минуты.

Всё смешалось. Прошлое. Настоящее. А каким теперь будет будущее? Ну, теперь-то уж точно не таким, как она его планировала.

Филипп, так стремительно ворвавшийся в ее жизнь, снова уходил в какую-то пугающую неизвестность. И от предстоящего с ним нового расставания ее злость начала утихать, сменяясь щемящим чувством необратимо надвигающейся неизбежности того, что может случиться с ним дальше.

Она стояла рядом – молчаливая и покорная. Как и много лет назад. И ее снова кружил безумный круговорот не зависящих от нее событий. Где смешалось абсолютно всё. Любовь и ненависть. Правда и ложь. Встречи и прощанья.

То была воля судьбы – бесполезно просить пощады.

...Филя еще раз обвел глазами погруженную в уютный полумрак комнату. Он так долго мечтал побывать здесь... И вот он уже уходит... так быстро... Не успев надышаться этим теплом.

Настольная лампа мягко проливали вокруг себя теплые лучи, заботливо согревающие, лениво дремлющий на полу пушистый ковер, который мягко очерчивал силуэты небрежно брошенных на него меховых подушек, хаотично расположенных возле небольшого, но вполне довольного своим безмятежным существованием диванчика, уютно укутанного шерстяным пледом.

А давным-давно позабытое здесь вязание придавало этому трогательному беспорядку необычайную прелесть.

Как же ему не хотелось уходить!

Но судьба была непреклонна – условия, выдвинутые Эдом, как дамоклов меч, висели над его головой.... И любое промедление было чревато сейчас еще булышными проблемами.

Стрелки настенных часов показывали десять.

Филя надел куртку и, грустно улыбнувшись, сказал:

– Ну, мне пора...

Но надвигающееся прощание внезапно прервал профессионально отчеканивавший каждую букву текста хорошо поставленный голос женщины-диктора, доносившийся из негромко работающего телевизора, – шел вечерний выпуск питерских новостей:

– ...Еще один ужасный пожар потряс сегодня своими масштабами город... Полностью выгорела трехкомнатная квартира по адресу... где был найден труп тридцатилетнего мужчины... Соседи опознали в нём владельца квартиры – гражданина Селезнева... Причина возгорания устанавливается...

Филипп ошарашенно опустился на диван и тихо произнес:

– Они меня уже похоронили...

Валерке так и не удалось догулять свой выпускной в компании Влада. Его снова срочно вызвали на работу, и единственное, что она знала наверняка, – что сегодняшнюю ночь он проведет на дежурстве в Пулково.

Да и если честно, она порядком подустала за последние дни – неделя выдалась очень нагруженная.

Постоянный недосып вперемешку с бесконечными фотосессиями и интервью окончательно доконал ее, и она мечтала просто побыть дома, в тишине. С мамой.

Поэтому и не осталась бродить вместе со всеми по ночному Питеру в ожидании волшебного неевского рассвета, а просто вернулась домой.

«Алые паруса» состоятся и без нее...

Кроме того, выиграв такой престижный конкурс, она теперь чувствовала себя очень неуютно в кругу бывших одноклассниц: с разочарованием она увидела, что некоторые девочки весьма демонстративно игнорировали ее общество, фактически делая вид, что не знакомы с ней.

«Чужой успех не всем по вкусу», – философски заметил Влад.

И именно поэтому самым разумным сейчас будет исчезнуть.

Было чуть больше одиннадцати, когда она вошла в квартиру:

– Мам, я дома...

Снежанна вышла к ней в коридор из кухни со стаканом пива в руке. Валерка даже опешила – чтобы мать с пивом... в одиночестве... такого еще не бывало!

– Ты не поехала на Дворцовую? – каким-то неестественно ровным голосом спросила ее она. – Ты поссорилась с Владом?

– Нет. Его снова вызвали... А я решила наконец-то выспаться...

Снежанна рассеянно кивнула и направилась обратно в кухню.

– Что-то случилось? – испуганно спросила Валерка. Мать была сильно бледна и выглядела как-то странно.

– И да, и нет... – всё так же рассеянно ответила Снежка и добавила: – У нас гость...

– Гость? Но кто?

– Я тебя сегодня с ним уже познакомила. Это Филипп.

– Да. Я помню: твой давний друг.

– Точно.

– Послушай, это, конечно не мое дело, – немного помолчав, проговорила Валерка. – А что, если об этом узнает Максим? Ему это наверняка не понравится. Или ты уже не выходишь за него?

– У Филиппа большие неприятности, – прервала поток ее вопросов Снежанна. – А с Максимом я как-нибудь разберусь.

– Не сомневаюсь, что это уж точно будет «как-нибудь»! Или не ты учила меня быть осмысленной? Почему бы ему самому не заняться своими проблемами? И такой ли это твой близкий друг, если я его ни разу в жизни не видела?

Валерка так разозлилась, что уже была даже готова заплакать. Ей вдруг стало так обидно за Максима, а еще... ей так хотелось, чтобы он женился на ее матери... И что теперь?

А теперь ни с того ни с сего всё отчего-то запуталось и стало походить на сюжет дешевого бульварного романа, в котором внезапно появляется какой-то незнакомец – и всё сразу летит к черту.

– Ты поступаешь опрометчиво, – не унималась Валерия. – И кто он, в конце концов, такой, чтобы ты так рисковала своим счастьем?!

Снежанна измученными глазами посмотрела на дочь и убито, словно приговор, произнесла:

– Он – твой отец...

Филя по-прежнему сидел на диване в гостиной и невольно прислушивался к разговору, происходящему в кухне.

Собственно, в этом не было большой необходимости – Валерка говорила достаточно громко, и он совершенно отчетливо слышал каждое сказанное ею слово.

Но после Снежкиного ответа в квартире наступила гробовая тишина.

«Ну, вот и всё», – Филипп смиренно закрыл глаза и неожиданно почувствовал невероятное облегчение, хотя прекрасно понимал, что впереди его ожидает еще много тяжелых минут в неизбежных объяснениях с дочерью.

Хотя в последние месяцы он часто думал о ней. Но боялся встречи, точно это был путь на плаху.

– Ты не любишь меня! Теперь ты любишь только ее!

Держа маленькую Валерку на руках, Снежка недоумевающая смотрела на мужа: «Вот заклинило так заклинило!»

После рождения дочери Филя стал просто невменяемым. Он был совершенно не способен воспринимать ситуацию здраво.

– Господи, мы были такими счастливыми! А теперь тебя интересуют только пеленки! Но я не могу так! Я не могу потратить свою жизнь на это безумие!

– Это не безумие, это твоя дочь! – Глаза Снежки гневно сверкнули.

...А дальше было то, что было дальше.

Сначала Филипп нашел массу оправданий своему поведению, а потом – Ксению. Или наоборот. Но это уже ничего не меняло.

И вот настало сейчас.

И остался один вопрос, на который не было ответа: уходя от них много лет назад, что он искал?

Сегодня там, в школе, голубые глаза этой девочки смотрели на него так, словно это был взгляд самой истины... Бесстрастной. Величественной. Однозначной.

Прошлое безжалостно выставляло счет, предъявляя ему двух этих женщин, которых он когда-то так легко вычеркнул из своей жизни, – его старшую дочь и его...

Он словно очнулся и вспомнил. Всё до конца.

Как любил Снежку. В пятнадцать... шестнадцать... семнадцать... восемнадцать...

И зимний парк... И их первое свидание... И первую ночь... И охапки душистых тюльпанов, которыми он осыпал ее в их первое лето... Как писал ей письма из «Крестов», и как она, рискуя быть исключенной из института (ведь если поймают менты – отчисления не избежать!), всё равно каждый день в течение полугода приезжала к нему под ту высокую тюремную стену...

И как потом бесконечно болел после освобождения, и как она, нежно сжимая его в своих объятиях, терпеливо успокаивала, когда он просыпался по ночам от того, что ему снились кошмары...

И только сейчас, в эти минуты Филя впервые в жизни осознал, что Валерки могло и не быть. Такой взрослой. Такой красивой. Этих счастливых сияющих глаз... Черных как смоль волос... Смелой улыбки...

Если бы не Снежка...

«Он – твой отец».

Этой короткой лаконичной фразой она окончательно расставила всё по своим местам. Раз и навсегда. Так просто и так быстро.

– Ты сказала «мой отец»? – тупо переспросила Валерия, выронив сумочку из рук.

– Да, это твой отец... – Во второй раз Снежанне было гораздо легче произнести эти слова – такое непривычное словосочетание.

Вначале Валерка молниеносно бросилась в сторону гостиной, но еще через мгновение остановилась, вдруг замерев посреди коридора... и, сбросив туфли, скрылась в своей комнате, заперев за собой дверь на ключ.

Вполне логичный поворот событий – другого быть и не могло.

Но Снежанна понимала, что самое трудное еще впереди. Ведь ее дочери, которая уже давно смирилась с отсутствием отца, теперь предстояло пережить его появление.

Будучи совсем маленькой, Валерка молча приняла тот факт, что у нее его просто нет, и потом больше никогда не расспрашивала об этом, словно ее и не интересовало то, что было связано с его именем, которое для нее являлось всего лишь отчеством.

И до сегодняшнего вечера Снежанна никогда не произносила слов «твой отец», обращенных к собственной дочери, похоронив воспоминания о Филе глубоко в своей памяти.

Но судьбу перехитрить невозможно.

Жаль.

От этих мрачных размышлений ее оторвали бешеные звонки в дверь, принесся с собой еще более печальные известия.

Часы показывали полночь.

Снежка растерянно медлила, переведя взгляд с настенных часов на закрытую дверь в Валеркину комнату, – слишком много обрушилось на нее сразу и в одно мгновение...

Так открывать или нет? Похоже, это был глупый вопрос: нетерпеливые звонки продолжали нарушать тишину уже давно уснувшего вокруг них дома.

У кого-то были явно проблемы с ориентацией во времени – ведь предполагается, что сейчас ночь, а люди ночью, вообще-то, спят...

Снежанна открыла дверь, почему-то даже не поинтересовавшись тем, кто же так настойчиво рвался к ней в дом. Хотя всегда была очень педантична в вопросах безопасности.

На пороге стояли всё те же самые, теперь уже хорошо знакомые ей «те две брутальные личности», преследовавшие ее в школьном коридоре всего несколько часов назад.

Капа и Гном – по описанию с ее слов Филя тут же назвал ей их имена. Но кто из них кто? И что всё это значит? Она не рассчитывала увидеть их так скоро...

Вначале она отчего-то немного испугалась, но почти сразу же ее взгляд из растерянного превратился в хмурый и неприветливый, с примесью стального блеска – визит этих двух гамадрилов (естественно!) не сулил ничего хорошего.

– Что вам еще нужно? – сухо спросила она.

– Вы даже не пригласите нас войти? – снова и как обычно, уже почти привычно, показушно вежливо поинтересовался тот, что был немного повыше своего спутника, стоявшего рядом.

«Можно подумать, что он брал уроки этикета у самой британской королевы! Такой сладкоголосый, что сейчас стошнит!» – подумала про себя Снежка, но другого выхода не было, как только согласится впустить их. И она молча направилась в гостиную. Незванные визитеры проследовали за ней.

На диване, с пепельницей на коленях, сидел Филипп.

В его левой руке дымилась очередная сигарета, а в правой он нервно сжимал пистолет.

Увидев своих «сослуживцев», он, потушив окурки, медленно поднялся с места и вопросительно уставился на них.

– И как только тебя угораздило влипнуть в такое? – поинтересовался Капа и тут же снисходительно добавил: – Впрочем, это твоя личная головная боль. Короче, шеф дает тебе еще ровно 24 часа, чтобы вернуть кейс. А чтобы ты не наделал глупостей, мы вызвали из Болгарии

твоих жену и дочь. Их самолет приземлится уже через три часа. И до возвращения денег они будут гостить в загородной резиденции Эда. Так что шутки в сторону. Ты нам – кейс, мы тебе – жену и дочь. Время пошло...

И, закончив этот жуткий монолог, они исчезли.

Но лишь только за ними захлопнулась входная дверь, Валерка тут же вышла из своей комнаты.

– Они сказали «Эд»? – онемевшими губами и почти шепотом спросила она.

За последние десять минут мир вокруг нее рухнул дважды: сначала отец, теперь Эд...

А может быть, и трижды... Оказывается, у нее есть еще и сестра! Сестра, у которой... всегда... было всё...

Валерка чувствовала себя уничтоженной... униженной... преданной... и очень, очень, очень... злой... Все ее достижения вдруг перестали иметь для нее значение – самая главная суть жизни была по-прежнему ей недоступна... И она называлась «отцом»...

Снежанна сделала шаг в сторону дочери, но тут же застыла на месте: Валерка как-то странно смотрела на нее, находясь в каком-то неестественно отрешенном спокойствии.

И Снежке стало не по себе.

Ситуация повисла в воздухе – в реальность происходящего почти не верилось.

– Я никогда не думала, что познакомлюсь с собственным отцом при таких странных обстоятельствах, – наконец произнесла Валерия, переведя задумчивый взгляд на Филю. – Да и если честно, я всегда думала, что этого никогда не случится. – Ее голос неожиданно дрогнул, и она опустила голову. – С тем фактом, что у меня нет отца, я смирилась уже давно и не имела по этому поводу никаких иллюзий... Но чтобы ты с ним общалась за моей спиной! – Она бросила теперь уже гневный взгляд на мать. – А как же Макс?! – И в ее глазах блеснули слёзы. – Это просто... Как ты могла?!

И Валерка разрыдалась...

Она плакала так горько и безутешно, что ошарашенная ее такой обидой на себя Снежанна так и осталась стоять посреди комнаты. Как вкопанная. Не решаясь подойти к ней.

«... Глупая, милая девочка... Зачем тебе было всё это знать? Что было – то было... К чему подробности?»

Ведь бесполезно объяснять, что всё совершенно не так... И что все эти годы она была совершенно одна... И что рядом был только Макс... И что никого она не обманывала...

Снежанна с молчаливым упреком посмотрела на Филю: «Ну что? Ты доволен? Вот она – суровая правда жизни! Смотри, что ты натворил! Снова...»

Филипп опустил голову.

Прошлое продолжало переплетаться с настоящим и с каждой следующей минутой становилось всё более невыносимым – похоже, фортуна окончательно отвернулась от него... Теперь он не был ее звездным кумиром и был ей больше не интересен.

Судьба выставляла ему еще один счет – слёзы его уже взрослого ребенка.

А он и представить себе не мог, что эта красивая и такая независимая девушка всю свою жизнь пыталась примириться с мыслью о том, что ей не суждено узнать своего отца. То есть его...

И никогда не задумывавшийся об этом Филя сейчас чувствовал себя каким-то чудовищем... А может быть, он и был им?

Вдруг всё смолкло.

Собравшись с силами, он решился взглянуть на Валерку снова.

...Она уже не плакала... Лишь вокруг ее красивых глаз появились болезненно-черные круги. Лицо осунулось. Исчезла вся милая утонченность...

Теперь он видел перед собой взрослую женщину, словно за эти несколько мгновений эта совсем еще юная девочка успела прожить целую жизнь.

Последний раз Филя так пристально смотрел на нее, когда ей было всего шесть месяцев...

Тогда, лежа в детской кроватке, Валерка доверчиво улыбалась ему своей безмятежной улыбкой, думая, что отец так же рад ее появлению на свет, как и она сама – такая трогательная кроха, полная любви к самому родному ей человеку.

Разве могла она тогда знать, что именно в эти минуты Филипп и принял это жестокое решение – расстаться с ней навсегда. Тогда ничто не могло смягчить его холодного равнодушного взгляда, ведь, смотря на свою новорожденную дочь, он вместо радости и умиротворения ощущал лишь разочарование и бессильную злобу.

Это всё Снежка! Как же хитро она поймала его! Бессердечная упрямица! Впереди целая жизнь – еще могла бы сто раз забеременеть! Так нет! Хотела, чтобы я купился на этот дешевый трюк со случайным залетом! А потом еще испытывал чувство вины! Ничего подобного! Ну уж нет! Он, и только он должен был быть самым главным в ее жизни!

И Филя не собирался мириться с этой несправедливостью.

«Я не могу остаться. Не могу – и всё. Я никому ничего не обещал. И не собираюсь тратить себя на подобные глупости... Я должен идти только вперед и добиться чего-нибудь стоящего. Остаться равносильно самоубийству... Меня ждет целый мир...»

К тому времени первый шаг к окончательному разрыву со Снежанной он уже сделал – Ксения была слишком желанна, чтобы он смог себе отказать от такого удовольствия, как возможность разделить с ней постель.

Но вот прошло семнадцать лет, и всё повторялось... Филипп снова смотрел на Валерию. Но уже на такую взрослую... и навсегда чужую...

...И вся его жизнь вдруг отразилась в печальных глазах этой юной девочки холодным светом абсолютной бессмысленности пройденного им пути.

И впервые... и с ужасом он осознал всю нелепость того, что так долго считал удачей...

...Глаза дочери.

...Бесстрастный взгляд отвергнутого им ребенка.

Что таилось за этими широко распахнутыми ресницами?

Боль? Разочарование? Ненависть?

...Там была пропасть... Где точно в зеркале, в их бездонной глубине он видел свое отражение... Так четко и так ясно... так, что никакое отчаянье не могло сравниться с той пустотой, которая настигла его...

И он сорвался...

Безвозвратно.

И уже навсегда...

Валерка сломя голову бросилась прочь от дома... Отчаянно, словно за ней кто-то гнался...

Эта встреча была невыносима...

Ноги сами несли ее вперед, и не помня себя, она всё бежала, бежала, бежала...

Хотя, наверное, это было очень глупо...

Но не глупее, чем то, что вытворил в молодости ее отец.

«Поеду к Владу, – как само собой разумеющееся решила она, – уж всё лучше, чем торчать дома... а заодно предупрежу этих... Хоть посмотрю, какие они...»

Снежанна, с трудом подбирая слова, всё же рассказала ей свою версию случившегося... Верилось слабо... Но Валерке очень хотелось, чтобы это было именно так... Чтобы мир не обрушился до конца... Чтобы было во что верить...

Мать была так расстроена... И ее сердце болезненно сжималось, когда она смотрела на нее...

А может быть, это действительно так? И она с Филиппом встретилась абсолютно случайно... Но тогда отчего она так долго не решалась вступить в отношения с Максимом?

«К чёрту! Хочу просто уйти! А заодно проверить: правда или нет... Хотя...»

Это так не похоже на ее мать... А на что это похоже?!

На почти состоявшееся похищение?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.